Марианна Гончарова

Моя весёлая Англия

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Англия – это такая штука, к которой у каждого есть свое отношение.

Новая книга Марианны Гончаровой – автора нашумевших и запомнившихся многим «Кенгуру в пиджаке», «Левого автобуса» и «Черной кошки в оранжевых листьях» – это признание в любви Англии и всему английскому. Тонкая, лиричная и очень интимная история отношений автора и Целой Страны, которая – как по волшебству – может уместиться в одно воспоминание.

Марианна Гончарова долгое время работала гидом-переводчиком, сопровождала делегации русских туристов в Великобритании, изучала страну и ее обычаи. Ей даже посчастливилось познакомиться с отцом Леди Дианы и побывать у него в гостях в фамильном замке!

«Моя веселая Англия» будет интересна всем, кто учит английский и гордится русским, кто любит смотреть литературные экранизации BBC и вообще чувствует, что в его жизни есть что-то неискоренимо «английское», даже если он в Англии не был ни разу.

В этой книге очень много автобиографических моментов, автор щедро делится с читателем подробностями своей судьбы, превращая ее саму по ходу рассказа в яркое художественное произведение. «Моя веселая Англия» Гончаровой – это и ваша веселая Англия. По крайней мере – до последней точки в этой книге.

- Марианна Борисовна Гончарова
  - Вместо предисловия
  - ТИХИМ ГОЛОСОМ
  - ОНИ У НАС
    - Страсти по Изауре
    - Джеймс
    - Гудбай
    - Луууу
    - Свадьба в Топоривке
  - МЫ У НИХ
    - Лечу!
    - Нортумберленд
    - Цэй
    - Метро
    - Опять Цэй
    - Опа!

- Наташа
- Нельсон и леди Гамильтон
- Европа
- Виктор Васильевич
- Диэ-э-эта
- Не пара
- Мисс Кения
- Снукер
- «Птица счастья»

○ МОИ ШОТЛАНДЦЫ И ДРУГИЕ – ТОЖЕ МОИ
- Из письма
- Килт
- Тетушка Лиз
- Вопрос
- У жениха – ноги
- «Прингл»
- Олтоурп

○ БЛИНЫ, СОСЕДКА МЭРИ И ЧАК ГОРДОН БАРНС
- Баклуши по-английски
- «У меня есть собака, значит, у меня есть душа...»

○ ПРИВИДЕНИЯ, КОРОЛИ, КАПУСТА И ДРУГИЕ ОВОЩИ
- Духи неуспокоенных
- Красотка Мод
- Девятидневная королева
- Маргарита Шотландская
- Артур

○ ИХ НРАВЫ

○ ДОРОГИ, ЛЮДИ, ЛЕДИ, СОБАКИ И ОСТАЛЬНЫЕ
- Дело правое
- Мы и они
- Лампочки и фонари
- Мэксин
- Бутлы
- Они тоже служат родине
- Мои прекрасные леди
- Долли
- Дикари

○ ЯНВАРЬ В АПРЕЛЕ

○ БРИТАНСКИЕ ГОРОДА И ВЕСИ
- Оксфорд
- Подмосковные вечера в Бервике
- Здравствуй, школа!
- Остров Скай
- Железный Джон и Вивьен Ли

- Продам недорого
- Ну, Лондон!..

- ЗВАНЫЙ ОБЕД У ЛОРДА W
- МОЯ ВЕСЕЛАЯ АНГЛИЯ
  - Здрасьте, Ваше Величество!
  - Ночь полнолуния в замке Дэмбероу
  - Вильям Шекспир и группа товарищей
  - Рассмешить гвардейца
  - Видишь ли, Юра...
  - Несси, или Топорный бизнес
  - Личинка, британцы и принц Ацдрубаль
  - Цвет мечты
  - «...щинят и каникулов...»
  - Мистер Чимни – трубочист
  - Это ты, Себастьян!

Марианна Борисовна Гончарова
Моя веселая Англия

Совпадения имен и фамилий случайны

Вместо предисловия

В маленьком городе на севере Англии я брела по мощеной улице и вдыхала аромат юной зелени и желтых даффодилов, брела в тот день беспечная и счастливая. И все, кто шел мне навстречу, – то ли так было принято в этом маленьком городе, то ли физиономия у меня была уж очень блаженной, – улыбались мне и бросали приветливое, немного насмешливое «Hello!».

Я жалела только об одном – что мои родные и друзья, мои любимые университетские преподаватели, а главное, моя мама, и сестра Таня, и тетя Лина, – что они не испытывают этого вот полного, абсолютного счастья в незнакомом маленьком городе на севере Англии. Нет-нет, я жалела совсем не о том, что они не видели Лондона или Эдинбурга, не посещали музеи или картинные галереи, – а вот именно о том, что не ощутили они вместе со мной блаженства такой вот безмятежной прогулки по древней узкой мощеной улочке мимо домов с черными перекрещенными балками, мимо закопченных каминной сажей стен под звон колоколов на городской ратуше. Навстречу бежали приверженцы здорового образа жизни, яркой стайкой просеменили малыши с воспитателями из школы для самых маленьких, прошел солидный, похожий на Санту господин с молодым игривым лабрадором и юная мама с коляской, где спал годовалый малыш. Торжественно проехали мальчик и девочка, подростки, верхом на стройных лошадках. Прошмыгнули велосипедисты в смешных шлемах. И в темно-синей с серым форме, в галстуках цветов школы к желтому автобусу прошагали дети с ранцами на спинах.

Ненадолго, на какие-то минуты я вдруг избавилась от своих обычных страхов и тревог, не испытала никакого внутреннего сопротивления радости, как бывало только в детстве…

И вечером, усевшись писать письмо, вдруг поняла, что не в силах передать на одном-двух стандартных листах все, что чувствую. Необходимы нюансы и детали, я должна размахивать руками и показывать в лицах, таращить глаза, орать, петь или говорить шепотом… И рассказывать, рассказывать. И про то, как мы с гидом Ханной прятались от дождя под старым мостом, и про то, как от большой реки родился вдруг в центре огромного города нежный звонкий чистый ручеек и жители бережно проложили ему, такому юному, глупому, доверчивому, удобную каменную дорожку, чтоб не высох, чтоб не испачкался, чтоб не потерялся. И про то, как незнакомая прежде собака в незнакомом прежде доме в первый же день нашего знакомства положила голову мне на

колени, как будто сказала: «Ты неплохой человек, девочка, я тебе доверяю…» И хозяйка, взглянув краем глаза, суетясь на кухне, вежливо попросила ее:

– Sashya, darling, why wouldn’t you give a smile to Marie-Anna? (Сашя, дорогая, почему бы вам не улыбнуться Марианне?)

И Сашя умильно растянула огромную плюшевую свою морду цвета белого меда с черным кожаным носом в восхитительной искренней человеческой улыбке.

Про то, как трепетно и благодарно относятся британцы к земле своей, кормилице. И еще про то, как гордилась я иногда людьми моей страны, которых сопровождала в поездках по Британии, и как иногда бывало за державу обидно.

И еще о том, что рано или поздно, если чего-то сильно хочешь, о чем-то горячо мечтаешь, а главное, к этому себя готовишь, твоя мечта обязательно сбывается.

Поэтому со временем, уже глядя на прекрасную, так любимую мной страну сквозь туман воспоминаний, я и решилась написать эту книжку. Только для того, чтобы разделить с вами, дорогие читатели, уверенность, что и ваши мечты тоже обязательно сбудутся.

М. Г.

ТИХИМ ГОЛОСОМ

Говорят, тайны нужно открывать тихим голосом, даже шепотом. Так вот, прислушайтесь: с детства у меня была одна мечта.

Я, сколько себя помню, всегда мечтала путешествовать. Неважно, куда ехать или даже идти: за моря-океаны или в соседнее село. Потому что здесь и там есть для меня самое интересное – люди. С их привычками, верой, укладом, ритуалами, праздниками. Как они живут, как ходят, как одеваются, какие танцы танцуют, какие песни поют, какие праздники празднуют, что едят, ну и, конечно, с какого – острого или тупого – конца разбивают за завтраком яйцо.

С реализацией мечты в нашей семье всегда было туговато. Ну, например, папа. Он, мастер спорта по гимнастике, мечтал стать участником олимпиады. И что? Дошел до спартакиады народов СССР и получил несовместимую с гимнастикой травму руки. Теперь он не так уж и безукоризненно крутит солнце на перекладине или прыгает через коня, но зато знает, *как.* И тренирует молодежь.

Теперь мама. У нее вообще были мечты – одна фантастичней другой. У них в Черновцах, на улице Фрунзе была отличная компания в детстве. Заводилой был мальчик постарше по имени Вилен, мамин друг. И вот они всей компанией во главе с Виленом мечтали поймать Гитлера. Дело в том, что в мамином старинном австрийском доме был чердак, а ход в этот чердак был почему-то замурован, и только маленькое круглое слуховое окошечко говорило о том, что где-то там есть чердак. И если бы они, моя мама, Вилен, их друзья, не были детьми войны, они бы искали там клад, а так они мечтали обнаружить там спрятавшегося Гитлера. Открыть однажды чердак, найти Гитлера и… Вот тут вот дальше они не придумали, что будут делать. Главное, обнаружить Гитлера и сказать: «Ага! Попался?!»

А сокровенная мамина мечта (ей тогда было шесть лет) стать балериной… Но что вы… Мама мечтала до тех пор, пока не увидела картинку в старом журнале «Нива» с фотографией балерины Марии Мариусовны Петипа в балете «Голубая георгина».

Мама как глянула на эту фотографию, так и поняла, что не получится у нее с балетом ничего. Мама ведь была тонюсенькая, прозрачная, а Мария Мариусовна стояла, отставив кокетливо ножку и вытянув ручку, такая шикарная: пышная, нарядная в

своих кружевах, как купчихина подушка, ручки – пухлые в ямочках, ножки – коротенькие и толстенькие, а бюст – ого, где-то размера «D», если по-нашему, а то и «E»… А раз она дочка Мариуса Петипа, значит, эталон балерины. Мама осмотрела себя в зеркало и поняла – нет, ничего не светит, как ни горько, но с этой мечтой придется расстаться.

Вот как человек понимает, что именно это его мечта и даже сбудется она или нет? Мама увидела фотографию Петипа – и *всё*. Поняла, что не осуществится… А вот Резо Габриадзе рассказывал, что, например, Бунин, Иван Бунин, писатель… Он ведь тоже однажды, лет в пять, вдруг увидел фотографию. В медицинской энциклопедии. Необычный человек на фоне необычного пейзажа. И *всё*! И сразу Бунин в свои неполные пять лет вдруг почувствовал трепет внутренний, вибрации вдохновения, желание *создавать.* Главная его смутная мечта получила конкретные очертания.

Подпись была под этой медицинской фотографией: «Кретин в горах».

Вот и я хорошо помню, что и мое неосознанное желание открывать, узнавать, познавать новое – ездить, ходить, рассматривать людей, изучать их прошлое и настоящее – вдруг приобрело отчетливые формы, явный силуэт и даже запах благодаря привету с гор. Точнее, с Кавказа.

Однажды мои родители поехали на Кавказ. Что их вдруг туда понесло? Они вообще только повода ждали – вышмыгнуть побыстрей из дому и умчаться куда-нибудь, чтобы ехать, идти, лазить, плавать, карабкаться и топтать нашу землю, чтобы она быстрей вертелась, а нас с сестрой, как всегда, подкинуть бабушке.

И вот оттуда вдруг приходит нам письмо. И не просто письмо! Значит, большой сочный лист какого-то дерева или куста, похожий на лист фикуса у бабушки в спальне (мама сейчас вспоминает, что это был лист магнолии вроде бы, если она ничего не путает). На нем – марки. Три. И круглые почтовые печати. Все как полагается на почтовой карточке. И там, на листе, маминым красивым разборчивым учительским почерком написано:

«Дорогие девочки, мы в пути, прошли 62 километра. Слушайтесь бабушку. Целуем, мама и папа».

А ниже папиным почерком было приписано:

«Мама, не корми девочек на ночь пирожками! Целую, Боря».

Еще ниже – маминым почерком:

«И варениками. Целую, Нина».

Вся улица сбежалась смотреть и читать это необычное письмо. Соседки галдели и ахали. А тетя Маруся Береговенчиха обиделась, видно, и крепко обзавидовалась, что все внимание улицы теперь приковано не к ней, а к нашей бабушке. И все благодаря необычному письму моих родителей. Потому что еще вчера она была самая популярная на нашей улице и задирала нос из-за того, что какой-то приезжий отдыхающий из города Ярмолинцы Хмельницкой области сказал ей, что она – копия Смирнова из кинофильма про милиционера Анискина, ну копия. И тетя Маруся повсюду ходила и всем рассказывала, что один курортник, ненормальный какой-то – и ручкой отмахивалась, – сказал, ну копия, вы, Мария Анатольевна, артистка Смирнова. Вечно молодая красавица Смирнова Лидия. Говорит он: иду-иду, а навстречу ну чисто Смирнова! Он глазам не поверил. Так и, говорит, не поверил глазам, Мария Анатольевна, своим сначала, что это просто вы, а не вечно молодая красавица артистка Смирнова. И тетя Маруся ходила неделю как именинница, прическу сделала, как у Смирновой из журнала «Экран», с таким валиком надо лбом, и губы красила рельефно. И только ведь привыкать начала... как тут бабушка с этим диковинным письмом взяла и подпортила ее популярность. И она, эта тетя Маруся Береговенчиха, сложив руки под грудью, заметила ехидно: а шо это твои дети, Шура, уже на растениях письма пишут, все равно как Робинзон Крузо из кино «Робинзон Крузо» или как этот, дикарь этот, Дерсу Узала из кинокартины одноименного же названия. Не могли уже карточку красивую прислать. Вон мой зять прислал один раз. «Привет из Крыма» называлась. С котяточками. Это у твоих детей, наверно, деньги закончилися. Прогуляли все. Может, они и едят их, листья эти...

И тут же эта бесстыжая тетя Маруся стала требовать у бабушки дать ей наш листок с собой домой, чтобы показать своим детям. Они прямо напротив жили, но дети тети-Марусины гордые были оба, и дочка ее, тети-Марусина, и ее зять. Они только из-за забора смотрели и шеи тянули, чего у нас во дворе люди собрались и кудахчут. И зять ей сказал, а знаете что, вы, мама, а ну давайте-ка принесите нам сюда этот листок посмотреть. Чего это мы туда пойдем, мы ж сами з Киева и с высшим образованием, нам *невдобно*.

А бабушка обиделась, что моих родителей обозвали дерсуузалами, и сказала, что ничего она не даст, что это детям прислали. Тем более листок наш с письмом уже стал совсем подсыхать и сделался хрупким. Но Береговенчиха так задурила нам головы своей Смирновой, что мы опомниться не успели, она – шасть в калитку, а письма и нет. Мы с сестрой – в слезы. А

бабушка – она у нас такая героическая! – однажды даже через линию фронта не побоялась, молоденькая совсем, бежать с двумя сыночками-погодками, пять и шесть, и с детьми потом в землянке в лесу пряталась от немцев, потому что у нее муж был офицер Красной Армии и еврей – так что ей Береговенчиха – тьфу! Бабушка ее на дороге догнала, за руку – цап! – и назад к нам во двор. А ну давай письмо обратно! – говорит. А та захихикала подло, стала изворачиваться: та какое письмо, Шура? Ты шо, Шура! Бабушка, не стесняясь, отвернула у Береговенчихи воротник ее сатинового халатика в белый и серый цветочек, как у Смирновой Лидии в кино. И там, под халатом, и покоилось прилипшее к Береговенчихиной просторной груди письмо наших родителей. И что интересно – от жаркого и влажного климата у Береговенчихи под халатом на бюсте ее отпечаталось наше письмо слово в слово, но только в отражении. Потому что оно чернилами же было написано и перьевой ручкой. Тогда шариковые ручки уже у всех были, но в маленьком почтовом отделении где-то в горах, как потом рассказывала мама, стояла чернильница с чернилами и была привязана к гвоздю, вбитому в стол, перьевая ручка. Ну вот, бабушка отобрала листок и сказала Береговенчихе, иди, показывай своим детям, разворачивай халат, как героический матрос – тельняшку, и показывай. Пусть читают:

«аниН .юулеЦ .имакинерав И. яроБ, юулеЦ .имакжорип ьчон ан кечовед имрок ен ,амаМ»

И Береговенчиха даже не извинилась, только ухмыльнулась накрашенными губами Смирновой Лидии и ушла, покачивая бедрами, кинув скороговоркой через плечо:

– Подумаешь… Та-а, лишьбынебыловойны!

Мы были ужасно огорчены. Мало того, что буквы расплылись, так еще и кусочек листка откололся. Бабушка дала нам с сестрой еще раз подержать необычное письмо, и мы представили, как мама и папа стояли под южным деревом, как подняли упавший листок и придумали на нем написать нам письмо. Как, обаятельные оба, они уговорили девочек на почте его взять. Как кто-то там за стеклом в почтовом отделении крикнул:

– Натэла, слушай, Натэла, складывай письма там осторожно, да? Там есть листок магнолии, видишь, да? Одни ненормальные сюда приходили с рюкзаками, туристы, своим детям письмо написали на магнолии, молодцы, да? Так ты смотри, не сломай, да?

И как оно, аккуратно упакованное Натэлой, летело самолетом, как Валя-почтальонка, бабушкина приятельница, бежала к нам, предвкушая нашу радость, удивление, и как она будет пить холодный компот с еще теплыми пирожками у нас во

дворе под орехом за столом, накрытым белой клеенкой в цветочек синенький и рассказывать:

– А я им говорю, да знаю я их – это Шуры Гончаровой дети. Конечно, знаю. Ну все на почте, конечно, прочитали. А что ж, такое оригинальное, как не прочитать? Да мы вообще-то всегда открытые почтовые карточки читаем. Ну так интересно же! А эту особенно…

Бабушка бережно обернула листочек в папиросную бумагу и положила на верхнюю полку буфета, где хранились все письма, открытки и фотографии наших родителей, заядлых путешественников. Где они на Шацких озерах, на фоне объявления, написанного на куске фанеры: «*Купацца в зоне пож. вода заборе запрещено*», вот они под Рязанью, на конезаводе, мама, папа и длинноногий, длинногривый конь в яблоках – все трое смеются, обнялись, счастливые. Вот они в Ялте – мама в смешной белой лохматой шляпе и папа-стиляга в рубашке с пальмами. Вот мама в Праге, в молодежном лагере. Рядом с ней Бари Харвуд, шотландец, красивый, как кинозвезда. Оба они, и мама, и Бари, в складчатых юбках. Этот факт, кстати, что Бари в юбке, всегда действовал как-то утешительно и на папу, и на бабушку, мамину свекровь. (Мужчина, конечно, видный, но в юбке же, пожимала плечами бабушка.) Вот папа в Карловых Варах на фоне Карловых Вар. Вот они на Валааме, вот – на Дворцовой площади в Ленинграде, вот – в Карпатах с огромными рюкзаками.

Вечером мы сидели во дворе под большим орехом. Наша юная тетя, бабушкина младшая дочь Линочка, готовилась поступать в институт, исписывая химическими формулами и уравнениями десятки блокнотов. А мы с бабушкой, с Таней, моей младшей сестрой, глядели в небо и, как велела бабушка, загадывали желания. Был август, и, оставляя за собой легкий быстро исчезающий след, падали Персеиды. Я знала, что загадала бабушка, она подумала о том, чтобы наша Линочка поступила в институт. Я знала, что загадала Танька: она хотела котенка, велосипед и бросить музыкальную школу. А я, робко провожая взглядом падающую звезду, прошептала:

– Я хочу путешествовать… Я бы хотела поехать… Поехать… Для начала я бы хотела поехать…

Вдохновленная пряным зовущим запахом нездешнего растения, удивительным сюрпризом моих родителей, которые были счастливы в своем путешествии и захотели разделить эту радость с нами… Под впечатлением недавно в утешительной посылке (их родители посылали нам часто, с книгами и конфетами, чтобы скрасить разлуку) присланных мамой и уже прочитанных книг «Мария Стюарт» Стефана Цвейга и «Мифы

Британии», самых притягательных для девочки-подростка историй о Тристане и Изольде, о рыцарях Круглого стола и короле Артуре, о Робине Гуде, я загадала… Даже, кажется, совершенно неожиданно для себя очень потаенное, очень сокровенное (тайну нужно открывать тихим голосом) я прошептала туда, к звездам:

– Я хочу побываааать… На… В… В Британии! Я хочу поехать в Британию! И не один раз! – повторила я шепотом в небо. («И… не один… раз», – кто-то деловито повторил за мной, занося мое желание в список всех, кто смотрел в эту ночь в небо.) Моя Персеида, перечеркнув небо, немного повисев над нашим двором, мигнула и медленно, как бы нехотя, утонула за горизонтом.

* * *

Для осуществления мечты надо не только наблюдать падающие звезды, но и самому не плошать. То есть, если ты хочешь в Британию, надо как минимум, приближая время отлета твоего самолета в Лондон, коротать жизнь, изучая язык страны.

Преподавание иностранных языков в школе оставляло желать лучшего.

Французский преподавал интеллигентнейший, умнейший Натан Самойлович Пикман. Являясь во многом примером для мужчин нашего маленького города, он приподнимал шляпу, когда здоровался, хамоватые продавщицы молочной колбасы и карамелек «Раковые шейки» робели в ответ на его «Будьте любезны…», учеников, независимо от возраста, он называл на «вы», у него был очень четкий график жизни, маниакальная пунктуальность, безупречный вкус, блестящее знание французского языка, всегда начищенная обувь и выглаженная одежда, зонтик был сложен складочка к складочке, он был вдовцом и воспитывал своего сына Фиму сам.

Хочется думать, что Вы, Натан Самойлович, живы и здоровы. И что сын Ваш, Фима, который подавал такие надежды, вырос порядочным, умным, благородным человеком. Похожим во всем на своего отца. Мы помним Вас, Натан Самойлович. Nous vous rappelons, notre cher professeur.

Но. Кому нужен был тогда французский язык? Ну да, тому, кто слушал Эдит Пиаф, Шарля Азнавура, Жильбера Беко. Кто рассматривал книжки Жана Эффеля, моего доброго друга, который скрашивал мое одиночество во время частых ангин. Французский интересовал тех, кто читал мудрую правдивую сказку «Маленький принц». Таких – увы! – было не очень много.

Вот, скажем, Байбаки и их компания. Нет, они явно не из таких. Они ходили в школу получать удовольствие. Дома – их было, что ли, семь мальчиков в семье или больше, – дома было полно работы, а вот в школе можно было развлекаться – дразнить и обзывать Дарину, техничку, а потом от нее удирать и петлять, стараясь не попасть под ловко выброшенную, как лассо, грязную половую тряпку из тяжелой мешковины. И еще изводить Натана Сэмэновыча, как месье Пикмана называли в школе. Он ведь был такой доверчивый – просто ужас. Байбак подпирал ухо спичкой со стороны затылка, ухо торчало, краснело от непривычного положения, Байбак кривил морду, поднимал руку и, ухмыляясь, говорил: «Натан Сэмэновыч, опьядь ухо болыдь од вашойи французькойи мовы».

Натан Самойлович отпускал Байбака с урока, и тот шел обзывать Дарину. Однажды во время урока французского такие же прогульщики, как Байбак, но из старших классов, затащили Байбака в спортзал, вдели его ноги в спортивные кольца и подтянули их к потолку. А сами ушли. И на призыв о помощи в спортзал пришла уборщица Дарина.

– Ага, – кивнула головой Дарина. И отвязала от шведской стенки специальную веревку, которая поддерживала кольца.

Ничего, Байбак выжил, правда, отбил чуть-чуть пятую точку. Но у Натана Самойловича были неприятности – его журили за то, что он отпустил ученика со своего урока. И тот подрался в спортзале с уборщицей. И Натан Самойлович перестал отпускать Байбаков из класса.

А тогда эта изобретательная продувная братия придумала новое развлечение – они после уроков шли к дому Натана Самойловича и стояли у него под окном. Просто стояли неподалеку. И смотрели в окна. И так неделями. Месяцами. В любую погоду. Все лучше, чем у отца в столярной мастерской подносить, подметать, мыть.

А матери говорили, что *ходят на французский*. И вся школа потешалась. Все, кто не слушал Жильбера Беко и Азнавура, потешались. А таких было достаточно. Многие заходили посмотреть, как Байбаки *стоят* у Пикманов под окнами. И *смотрят*. И как Пикманы, интеллигентный Натан Самойлович и его сын Фима, мелькают нервно за занавеской. Пару раз Пикман выходил во двор спросить, чего они хотят. Байбаки пожимали плечами: «Та неее, та ничоооо». Но на вопрос, что же вы тут стоите, Байбаки отвечали: так а шо? А шо, мы разве ж вам мешаем? Мы ж не хулюганим, не стучим у двери до вас, не кричим ничо, мы тут просто стоим, мы тут ждем. Одного дядьку ждем...

Не знаю, может быть, что и это странное необъяснимое для нормальных людей поведение Байбаков послужило катализатором быстрого отъезда Натана Самойловича и его сына Фимы в страну, куда их давно звали, где их ждали и где в таких безобразных случаях, как вышеописанный, можно было искать (и получить) защиты у полиции.

Мои родители страшно жалели об отъезде Натана Самойловича и его сына Фимы, мы с мамой и сестрой всплакнули. После отъезда Пикманов преподавание французского в школе отменили.

*Pardonnez-nous, monsieur Peakman. Pard*onnez-nous.

* * *

Немецкий язык у нас был страшно непопулярен. Но тут в город прислали какую-то активную даму поднимать профсоюзы, улучшать качество их деятельности, наших тред-юнионов. И у дамы оказался муж, Гарри Михайлович. Прекрасный. Нет, это не фамилия... Он был действительно прекрасен – играл на аккордеоне, был хотя и грузный, но веселый и обаятельный, ходил в костюме и кедах, немецкого языка ни черта не знал (потом выяснилось, что то, чему он так уверенно учил нас, был натуральный идиш. А я-то думаю, ну что такое знакомое. И не только я. Но и Нюмка Липис, и Люба Якир, и Фимка Ройзман думали, надо же, какой знакомый язык. Вот теперь я пойму, думали они, о чем дедушка и бабушка секретничают на кухне). А немецкий у нас в городке не знал никто, и по требованию профсоюзной дамы Гарри Михайловича взяли к нам его преподавать.

Но недолго дойч был в расписании школы. До тех пор, пока на школьном концерте хор мальчиков не исполнил песню «Лесной орех». Естественно, на немецком. На настоящем что ни на есть немецком языке. (Видимо, тут он поднапрягся, наш Гарри Михайлович, и выучил два куплета, а может, это глубинная память.) Словом, Гарри Михайлович аккомпанировал на аккордеоне, а хор пел на немецком марш «Лесной орех», бойко запевая в куплете «О, лари€-лари€-лари€-лари€-ла! Ух-ха-ха-ха €!».

Даже у меня, никогда вживую не слышавшей нацистские марши, вдруг пробежал холодок по коже... А уж те обкомовские бонзы, которые у нас присутствовали, они сразу распознали в недалеком легкомысленном Гарри Михайловиче врага народа, но, к его счастью, уже были новые времена, и они просто уволили

его. На этом немецкий язык в нашей школе тоже прекратил свое существование.

Ну, вот я и подобралась к английскому. До маминого прихода в школу английский преподавала Изольда Леонидовна.

Директриса была в школе ну совершеннейший монстр и чудовище. Без всякого преувеличения. Вообще, ее мозги жили не с ней – они отчаялись, не захотели, капитулировали и бежали. Далеко. Ее потом сняли без объяснений и объявления войны, но она повоевала и осталась в школе преподавать историю. И все мы у нее были вот где! (Тут кулак поднять повыше и посильнее сжать.) Директриса эта вызвала мою маму, хмуро оглядела ее сверху вниз, снизу вверх, мою маму, на тот период уже круглую сироту, со мной годовалой на руках и мужем-студентом, брезгливо хмыкнула и сказала:

– Что ж это вы ото все время в одном и том же платье ходите? Вы же ж учительница. Вот до вас работала Изольда Леонидовна, как она шикарно одевалась. И какая у нее была обувь, и такие у нее были воротники: лиса-чернобурка, норка... А блузы! А броши! А вы?! Вам не стыдно, что ли, совсем?!

Сейчас трудно поверить, что это могла сказать директор школы.

Или не очень трудно поверить?

Но, как оказалось, достоинство Изольды было только в том, что она действительно красиво одевалась, дарила директрисе подарки, и муж ее был секретарем райкома партии. По идеологии. Ну и все. Английский язык не был сильной стороной Изольды Леонидовны. Уроки она проводила кое-как, не торопясь, не суетясь. И не готовясь. Изольда входила, долго, любуясь собой, стояла у доски и ждала тишины, потом кивком головы сажала класс и сама уютно усаживалась, удобно вытянув и сложив под столом ноги в красивой обуви, и делала перекличку. Затем вставала из-за учительского стола и Морозом-Воеводой начинала свой путь по проходам между парт, проверяя домашнее задание. Она наклонялась над каждой партой, смотрела упражнение, заданное домой, и каждому – каждому! – говорила загадочное слово. Их в ее словаре было два. Одним она говорила «Карэт». И эти счастливцы могли рассчитывать на пятерку по английскому языку, а другим «Нотсакарэт» – тут могла быть четверка или тройка. Двоек Изольда не ставила из-за собственной лени и равнодушия – не хотела конфликтов, дополнительных занятий и прочей суеты.

Это уже маме рассказали ученицы старших классов. Я помню еще, как наша соседка Лариса говорила: ай, можно не учить, да что там учить в том английском: мазе-фазе-шисте-бразе. От и все.

Что это были за странные слова – карэт и нотсакарэт – никто не мог постичь. Мама тоже пожимала плечами, хотя окончила университет с красным дипломом. Искали в словарях, спрашивали у знатоков – таких удивительных слов в английском языке не было.

И только спустя много времени мы с мамой вдруг поняли, какой глубоко безграмотной была Изольда. Если упражнение, на ее взгляд, было написано правильно, она произносила слово «карэт». Что в ее английском означало «correct», являлось прилагательным и означало «правильный». А уж если, по ее представлениям, упражнение было написано неправильно или там были ошибки, она произносила слово «нотсакарэт», что в ее английском означало «не так уж и правильно» и, как мы догадались, было абсолютно неверным набором слов «not so correct».

Но и это еще не все. Одна хитрая ученица, Олька Крояло, не утруждая себя упражнениями по иностранному языку – она была спортсменкой, и ей все сходило с рук, – просто переворачивала вверх ногами тетрадь по русскому языку и равнодушно подсовывала ее под нос нарядной учительнице. И всегда получала оценку «карэт».

Так что маме моей пришлось поднимать целину. Это было и очень интересно, но и сложно – обучать иностранному языку в то странное время. Прививать любовь не только к языку, но и к странам этого языка, и к носителям этого языка, которые в то время находились за железным занавесом и являлись нашими идеологическими противниками.

Ну и я, конечно, отличилась именно по этой статье. Но об этом чуть позже.

* * *

Как будто в поощрение за осознание моих целей, за четкую формулировку моей мечты, жизнь стала одаривать меня событиями и знаками. Знаками и событиями. Ну, например, через пару дней после ночи падающих звезд, 1 сентября, нас с сестрой нарядили в белые фартуки и капроновые банты, мы пришли на унылую, из года в год повторяющуюся по одному и тому же сценарию линейку, замдиректора школы по воспитательной работе, кивая головой при каждом слове, громко объявила в микрофон:

– Та-аржествен-ну-ю! линейку! посвященную началу учебного года... *разрешать*! *начинаю!*

Все ухмыльнулись, а я вдруг расценила это как знак. Нет, это я не сейчас так думаю. Это я тогда поняла вдруг – это знак. Жизнь начала мне *разрешать*.

Вообще-то жизнь снаружи, за окнами нашего дома, была ужасно серьезная. Это был такой период, когда наша учительница Любовь Пантелеевна наобещала нам коммунизм через пару лет, и шутить было совсем некогда. Надо было построиться и идти по направлению, указанному канонической бронзовой рукой. Я это свое время помню вот так: утром я строилась и шла. Даже если одна, все равно уныло гребла строем. И так эта жизнь шла вразрез той, которая была у нас дома. Нет, ничего особенного, ничего уж такого диссидентского у нас дома не происходило. Ну слушали родители голоса. Как и все порядочные люди в то время. Ну побывали за границей. Ну письма и посылки стали получать из-за рубежа. Ну вызвали маму как неблагонадежную в одну контору и там, поддавшись ее обаянию, надарили английских и американских журналов, отобранных у туристов на границе. (Какие загадочные были эти журналы. Иногда невозможно было понять по картинке, что именно она рекламирует. Женщины поймут, да.) Но мама тогда категорично отказалась забегать за новыми журналами или позвонить иногда, *если что.* Ссылаясь на двоих детей, работу в обычной школе, вечерней школе, участие в танцевальном коллективе учителей «Современник» и проверку тетрадей по ночам.

– Тогда, – обиделись в конторе, – мы вам больше не дадим никаких журналов.

– Хм, – мама пожала плечиком, – ну и не надо.

– Ну вот и идите, – окончательно обиделись в конторе.

– Ну и пойду! – И мама ушла.

На тот момент она выписывала по почте польский журнал «Мозаика» на английском языке и англоязычный вариант газеты «Московские новости». Для моего обучения этого пока было достаточно. И потом к нам приходили и приезжали гости со всех концов света – мамины и папины друзья, ученики, бывшие однокурсники, родственники. И всегда привозили в подарок книги и журналы, на русском и обязательно на английском. У нас дома, в отличие от серьезной жизни за окном, много разговаривали и смеялись. Мы с сестрой прижимались к стенам и становились прозрачными и невидимыми, когда у взрослых за столом заходил какой-то разговор. Но мама была бдительна, гнала нас к себе, и только из своей комнаты мы иногда слышали смех и необычную, часто заграничную музыку.

У нас, конечно, были какие-то запреты, но не очень строгие. Например, дома можно было померить шелковый нашейный

платок с фотографиями четырех длинноволосых парней, послушать пластинку с их песнями. Но одолжить пластинки друзьям на время или, не дай бог, надеть платок с парнями, чтобы выйти на улицу, – нельзя. Можно было читать абсолютно все, до чего долезешь в книжном шкафу, но нельзя лежа и ночью.

Английский язык становился все более популярным в нашей школе. Мама же была загадкой для всех. Старшеклассники часто подходили ко мне и спрашивали: «Это ты дочка англичанки? А сколько ей лет?»

И на протяжении лет пяти или шести я отвечала: «Двадцать девять».

Однажды десятиклассник Йося Фелик долго кружил у двери нашего класса, потом заглянул и, подзывая корявым указательным пальцем, мотнул мне лохматой головой:

– Эй, м*а*лая, ты, ты! Выдь в колидор! Шо-то спрошу. Слышь, это твоя мать энглиш у нас ведет, твоя? Ух тыыыы... Па-вез-лооо тебе. А она англичанка, не? А ты была в англичании?

Благодаря маминому авторитету и популярности предмета, который она преподавала, меня частенько пропускали через «заборную команду», как назвал папа дежурных у входной двери в школу.

Если вдруг ты опаздывал, приходил или со звонком, или после звонка, тебя выхватывала дежурная команда и волокла на общешкольную линейку. И там тебя страшно изощренно унижали, выставив в центре как недостойный пример поведения. Некоторые переносили это спокойно, даже специально опаздывали, чтобы побыть в центре внимания, чтобы покривляться и чтобы вся школа смеялась, а завуч по воспитательной работе и пионервожатая от ярости краснели и орали в два голоса. А мне как-то было не по себе, что вот я такая маленькая, любимая дедушкина внучка, мамина и папина гордость иногда, когда послушная, буду стоять на виду у всех, и все будут шептаться, что я дочка англичанки. И моей маме будет стыдно.

К двенадцати годам моя популярность в школе стала просто зашкаливать и даже затмила мамину. Дома как упражнение по аудированию я слушала «Битлз» и по маминому заданию должна была записывать слова. Мои упражнения не остались домашним секретом. Я сказала подружке, подружка – другой подружке, та – брату, брат – друзьям. Меня уважительно отводили в сторону в школьном дворе, когда мы с девочками играли на перемене в классики, солидные толстые и лохматые по тогдашней моде музыканты ждали меня с уроков у школьных ворот, меня отлавливали в городе, догоняли на мотоцикле.

– Это *вы* умеете записывать английские песни? – спрашивали почтительно.

Меня приглашали в лаборантскую физкабинета (наш физик Лев Алексеевич был флагом свободы и новой мысли среди молодежи нашего города, его обожали, просто все обожали). Меня усаживали перед магнитофоном с пластмассовыми бобинами и просили переписать слова песни, записанной вот только сегодня ночью с радио «Свобода» или «ВВС». Только русскими буквами – заискивающе просили они. Ох, сколько мы с сестрой тогда шоколаду съели, чуть диатезом не заболели!

У мамы, конечно, были неприятности. Во-первых, от моего нелегитимного участия в растлении советской молодежи западной музыкой. А во-вторых, не забывайте, мама моя была красива, стройна, умна, весела и загадочна. И ее часто встречал с работы папа – белозубый кучерявый спортсмен с атлетической фигурой. Ну кому же это понравится?

* * *

Ну дальше, если коротко, то по окончании школы, когда я уже догрызала школьную науку на предмет успешной сдачи экзаменов, на меня накатали анонимку, чудовищную и лживую по содержанию, хитроумную и изобретательную по форме. И по этому поводу мне не дали золотой медали.

Пришлось сдавать в университет все четыре экзамена. Как помню сейчас, на экзамене по истории мне попался вопрос «Революционная ситуация». И это опять был знак. Вся моя жизнь с тех пор состояла из революционных ситуаций.

Экзамены я сдала успешно, правда, мама немного подсуетилась и своим бывшим однокурсницам ткнула в меня пальцем, мол, вот эта, давайте, принимайте ее, девчонки, и проследите за ней, а то ее может унести в другую сторону, потому что она, как Мэри Поппинс, мотается по жизни за свежим ветром.

В университете хорошие люди меня сразу втянули в деятельность интерклуба (обязательно надо следить за звездами в августе, очень всем советую, эти Персеиды слов на ветер не бросают, пообещали – делают, проверено). Ну и я стала кататься по всему Советскому Союзу.

Какие были у нас замечательные интерклубовцы! Атмосфера свободы и интернациональной дружбы всех со всеми сыграла свою роль в воспитании студентов, моих товарищей по вечерним посиделкам с шипучкой яблочной и пирожным миндальным «Черновчанка ореховая двойная» из буфета Дома офицеров. Ах,

разумница и талантище Женя Гельман, ходячая энциклопедия элегантный, французистый Саша Шапочник, луноликая красавица с мерцающей жемчужной улыбкой Шурка Каменецкая, душа-человек веселый Левушка Садовник... Светлые удалые головы, прекрасные люди. Почти все после окончания университета и прощального вечера в клубе интернациональной дружбы уехали кто в Израиль, кто в Штаты, кто в Германию, что было после такой общественной работы закономерно и естественно. Остались только Зинченко Ира и Саша, Аллочка Литвиненко и я. И все мы по мере сил старались крепить дружбу с прогрессивной молодежью других стран, как учил нас наш веселый, свободолюбивый и дружественный интерклуб. Саша стал одним из самых активных апологетов западной жизни и участников «оранжевой революции», Ирочка из телевизора в своей авторской передаче «Викэнд» рассказывала украинцам, чему нам можно научиться на другом полушарии нашей планеты. Аллочка вслед за Ирой в своей турфирме готовила и оформляла желающим туда съездить экскурсии и туры, а я, поездив по свету, сижу сейчас у своего компьютера и пишу эту книжку. То есть все в границах интересов выпустившего нас в мир клуба интернациональной дружбы нашего университета.

Как бы ты ни учился, как бы ни лез из шкуры вон, если ты окончил иняз провинциального университета и твои родители отнюдь не дипломаты, а всего лишь пусть и блистательные, но обычные учителя, твоя карьера вряд ли будет декорирована золочеными куполами и музейными драгоценностями, от блеска которых заграничные миллионерши с фарфоровыми улыбками и серебристо-голубыми прическами валятся в обморок. Я все-таки думаю, что не от зависти или восхищения, а есть в этих камнях что-то мистическое, что кружит людям головы. Да так, что при палатах столичных, где выставлены на обозрение бриллианты и прочие царские драгоценности, в штате сотрудников есть врач с открытой ампулой нашатыря наготове.

Мои однокурсники, то есть в основном однокурсницы, стали опорой нашего образования. Но у меня дома был пример горького опыта, когда собственные дети воспитываются на стихийно выковырянной с верхних полок книжного шкафа литературе, а их родители занимаются чужими детьми. Детьми, которые постепенно становятся своими. И не всегда уловишь момент, когда какой-нибудь одинокий, затурканный, но добрый, умелый и рукастый мальчик Дима Скакун, еще маленький, но уже похожий на уставшего натруженного дядьку, когда ты возвращаешься из музыкальной школы, уже сидит на вашей кухне на твоем законном месте, с аппетитом хрупает жареную картошку с

соленым огурцом, приготовленную мамой для тебя, пьет чай, мама отдает ему оставленную для тебя большую конфету «Гулливер», а потом он никак не уходит, сидит у тебя в комнате, не может оторваться от подаренных тебе мамой четырех томов рисунков Бидструпа, и видно, что ему уютно и непривычно хорошо у вас дома.

Нет, в учителя – нет. С провинциальной своей наивностью я сунулась в Интурист. И, как говорят, попала.

Кто-то, а именно друг Харлампий, в своей статье сообщил миру, что Гончарова – мастер спонтанных реакций. Мастер международного класса. Правильно он сказал, я даже не отрицаю. Потому что быть мастером международного класса по спонтанной реакции – это не талант. Это несчастье.

Ну вот, пришла я в Интурист, между прочим, пришла по объявлению, но – подчеркиваю – пришла после обеда, в пятницу и в августе, когда все успешные сотрудники Интуриста уже разъехались в якобы служебные командировки, а на самом деле славно отдыхали за границей за счет взносов рядовых комсомольцев, в том числе и взносов мастера спонтанных реакций. А уж неудачники, те, кто остался, чувствовали себя ущемленными и отыгрывались на редких посетителях, в основном комсомольцах, которых за ратный труд наградили путевками за границу.

Все кабинеты были или заперты, или совершенно пусты. Голые столы, отсутствие стульев. Компьютеров тогда не было. Тогда были огромные ЭВМ. Но ЭВМ в Интуристе комсомольском по имени «Спутник» не было. Потому что там не было специалистов по ЭВМ. Ну и потом, им площадь не позволяла. И в конце концов, зачем им, комсомольцам, ЭВМ?

Однажды я видела ЭВМ. Колоссально! Не представляла себе, как это на ней, такой фантастической, работать вообще. Она, ЭВМ, стояла в бывшей студенческой церкви на территории нашего университета. Сейчас-то там опять церковь, ее отреставрировали, и студенты, прежде чем развестись через месяц, наряжаются в белое и черное и бегут туда венчаться и там же устраивают фотосессию, потому что рядом с этой церковью очень красивые виды: старинный университет, восхитительная архитектура Иосифа Главки и пробегающие мимо преподаватели кафедры теологии. Кстати, многие туда перебрались с кафедры научного атеизма. А один – вообще, как по жизни мечется, вот уж кого ветер перемен заносит, не позавидуешь – значит, когда я училась еще на инязе, он пришел в университет, и все его повсюду пропагандировали, тягали то на телевидение, то на радио, потому что он был поп-расстрига. И он везде кричал, что

Бога нет. Рыжий такой, коротенький, деловитый и хитрющий.

(Сейчас он ведущий преподаватель факультета теологии, когда я узнала – плакала от восторга, какие удобные переплеты парень себе в жизни устроил.)

Ну вернемся в «Спутник». Одна дверь была полуоткрыта. И в кабинете, развалившись, полулежа за письменным столом, вещал перезревший комсомолец. Сначала я думала, что он репетирует какую-то речь. Он скучно бубнил, постукивая карандашиком в такт:

– ...нож в правой руке, вилка в левой...

– ...на вопросы иностранцев не отвечать...

– ...на провокации не поддаваться...

Я в бешеном восторге от увиденного заглянула в комнату не только глазами, но и всей головой, довольно миловидной, как считали в моей молодости многие. Оказалось, что комсомолец проводил инструктаж. Напротив сидел смущенный мальчик с белесыми выгоревшими волосами, мальчик-дядька. Мальчик-дядька в трогательно выглаженной рубашечке, сам щуплый, сидел на краешке стула и не знал, куда девать большущие руки.

– Амха... умху... – кивал мальчик-дядька, уставший от жары и непривычной обстановки.

Ну что сказать, опытные профессиональные комсомольцы – это особая порода людей. Их видно, например, как видно учителей. Вот идешь ты по рынку, например. И купила (я пишу «купила», потому что очень часто думаю, что любая моя книга – письмо одному человеку, такой образ собирательный – наполовину из женщин, наполовину из мужчин. И когда я думаю, что меня женщина лучше поймет, я обращаюсь то к своим сестрам, то к подруге Юле или к Ленке, то к маме моей Нине Никифоровне, то к моим детям Лине и Ирочке)... И купила, например, своему сыну маленькому свистульку. Туда, значит, наливаешь воды, – опять же, специально купила в киоске минералки, чтоб ребенку радость сразу, и свистулька поет, как птичка, нежно и с переливами: трлрлр-трл-трлрлрлрлр...

А рядом стоят и покупают, например, персики, две тё... же... дамы. Уверенные, суровые... А твой мальчик, значит: трлрлрлрлрлр... трлрлрлрлрлр... утрлрл-рлрлр!!!

И одна из тё... же... дам, не стесняясь, громко: «Прекрати немедленно! (А твой мальчик продолжает. Он еще маленький и не привык, что незнакомая тё... же... дама может на него кричать. Тем более они друг другу не представлены. Алиса, это пудинг...) Я тебе говорю!» – супит брови и тоном выше тё... же... дама.

И твой ребенок испуганно, ошалело, задрав голову, смотрит на тё.. же... даму, и у него уже кривятся губы, и глаза

наполняются слезами. А ты, если сообразительная, сразу успокой мальчика, скажи ему: не бойся, это не бабайка. Это всего лишь учительница. Профессионально нетерпимая. К шуму, проказам. К детям всех возрастов. Это всего лишь учительница – скажи своему мальчику. И попадешь в десятку.

А комсомольцы – наоборот. Они профессионально активные, профессионально веселые, профессионально энергичные, они ведут себя так, как будто вокруг пионеры, а они – старшие пионервожатые и надо быстро что-нибудь организовать. И при этом параллельно – чтобы парочка девушек хорошеньких и выпить. И чтоб песни: «Забота наша такая, забота наша простая, жила бы страна родная, и нету других забот...»

(Меня повергала в ужас эта песня, всегда... Потому что у меня лично, кроме благополучия страны, было полно всяких мелких забот. И как-то я дошла своим умом, что «страна родная» – это и есть старшие пионервожатые и более старшие их товарищи. И несколько меня удручало, почему я должна заботиться об этих вот профессиональных комсомольцах и коммунистах, они ведь не инвалиды. А я не юный тимуровец.)

Словом, профессиональные комсомольцы, каким и являлся Чесноков Геннадий Павлович, истязавший сейчас ударника комбайнера Диму, был еще тот овощ.

И когда я всунулась сначала глазами, а потом всей довольно миловидной лохматой головой, а потом всей фигурой в потрепанных джинсах и полосатой майке, комсомолец Чесноков взбодрился – он уже заскучал в жаре и неволе – и с профессиональным блеском и задором в глазах обратился ко мне.

– Куда едешь? – указав на меня лицом, поправляя галстук и приглаживая жиденький кустик над низким лбом, по-свойски, без церемоний поинтересовался Чесноков, предполагая, что я сейчас тоже сяду на краешек стула и он, любуясь собой, начнет учить давать гневный отпор империалистам на тот случай, если какой-нибудь империалист или сионист, или буржуазный националист случайно подмигнет мне на предмет вербовки меня в шпионы. Где-нибудь в Болгарии на пляже.

– Никуда... – растерялась я, – я по объявлению... Вот... – и протянула Чеснокову газету «Молодой буковинец».

– А-а-а-а... Вы – Люба... Ааа! Да-да! От Евгениваныча...

– Нет, я не Люба... Я... Я... – и застыла перед столом Чеснокова – он, кстати, не предложил мне сесть и сам не встал, крррасавчик! – и я почувствовала себя, как тот мальчик с птичкой-дудочкой на рынке...

А Чесноков, опершись ладонями о стол, как будто собирался подняться, выставил локти и, набычившись, запричитал:

– Она пришлаааа! По объявлееееению! Да ты кто такая?!

Между прочим, я именно тогда поняла, кто такие комсомольцы, когда увидела, как быстро его подобострастная блудливая улыбка сменилась на выражение превосходства на лисьей чесночной морде.

– Да ты знаешь, какое чистиииилище надо пройти, чтобы сюда попаааасть?! Да ты знаешь, КОГО мы уже сюда не взяааали?! Да ты знаешь, чьиих детей мы не взяааали?! Смотри, в каком виде она в обком пришлаааааа!

Он получал обалденное, могучее удовольствие, этот Чесноков, когда вот это все верещал, ужасно плевал. Брызги летели во все стороны. И мы с мальчиком-дядькой все время утирались. Это была пытка. Комсомольская пытка.

Короче, я вылетела оттуда пулей, а вслед мне полетело:

– Наглая самозванка!

В детстве я прочла книгу про уникальные исторические места в Великобритании. И там было написано, что в Ланкашире, в часовне в Гамильтоне, самое длинное эхо в мире. Оно длится 15 секунд. И если тебе, такой юной и хорошенькой, такой милой прелестной неглупой девочке, вдруг скажет там кто-нибудь: «Я люблю вас, Маруся», – то еще пятнадцать секунд ты будешь слышать: «люблю вас, Маруууся, лю... вас, вас, вас, только вас... Маруууся... вас...Маруууся... Маруууся... Маруууся...»

Оказалось, на лестничном марше обкома комсомола эхо было еще длиннее. Мне казалось, что, пока я бежала по ступенькам, со второго этажа старинного австрийского особняка мне в спину било: «Наглая! Наглая! Самозванка! Самозванка! Самозванка!!!»

Я как-то растерянно металась по двору в поисках какого-нибудь темного угла на предмет забиться туда и поплакать. Это сейчас я научилась давать отпор таким вот неудачникам, которые за мой счет отрывались на полную катушку, а тогда-то я была абсолютно открыта и беззащитна. Следом за мной выскочил мальчик-дядька, и очнулась я только от его вопроса: «Тебя куда везти?»

Оказалось, что я сижу в «уазике», и мальчик-дядька за рулем, и мы куда-то едем. И этот мальчик-дядька протягивает мне назад конфету «Гулливер», яблоко желтое и помидор. А такой помидор, как будто в нем внутренность не поместилась, как будто толстая купчиха в тесном платье. И мальчик-дядька сказал: «Это называется «бычье сердце», этот помидор. Очень вкусный. Ешь».

И я укусила этот сахарный, упитанный, нежно-розовый, весь в толстых складках, ломкий большой помидор и в него заплакала. А мальчик-дядька просто вел машину и молчал. А потом я съела яблоко, сладкое и с шершавой кожицей. И продолжала реветь. И

потом посмотрела на мальчика-дядьку за рулем и спросила: «Конфету будешь?» И мальчик-дядька сказал: «Ну, отломай кусок».

Мы съели «Гулливер», и мальчик-дядька сказал: «Щас заберем Васильвасилича, Маня... Не реви».

– А ты кто? – спросила я.

– А я у твоей мамы учился, – ответил мальчик-дядька, – ты меня не помнишь? Ну да... Ты ж бегала куда-то все время. Я один раз в прорубь провалился, и у вас потом на кухне жареную картошку ел.

– С огурцом?

– Ну да, с соленым огурцом. А потом книжку большую смотрел с картинками.

– Бидструп, ага... У нас дома все мамины ученики любили эти книжки смотреть.

– Так я Дима Скакун. А ты – Манечка. Ты ж этих переводила, ну, где Естудэй...

– «Битлз»...

– Ага, «Битлз», да. Биииитлз...

Мы подъехали к областному сельхозуправлению, и к машине быстрым шагом пошел знакомый моих родителей, Васильвасилич Тригор. И Димка сказал, ну ладно, он тебе все устроит, наш Васильвасилич, ты ему расскажи, как и что, я пошел. Давай. Он вышел из машины, и на его место сел Васильвасилич и сказал мне, о привет, как мама-папа. И я стала рассказывать, аж захлебываться, и снова реветь, и не посмотрела, куда пошел Дима, а когда посмотрела в окошко и оглянулась, выворачивая шею в заднее стекло, то Димы уже не было, он куда-то ушел.

– Ты вот что... – сказал Васильвасилич, – приезжай завтра в управление, для начала переведешь письмецо одно, мы тут один договор подписали...

* * *

Эй, Дима, странно, да? Но с тех пор я вообще тебя не видела и не встречала. Думаю, тут не обошлось без моих Персеидов.

Там было так: ну, допустим, совещание там у них. И одна, искренняя такая, горячая звездочка всем, мол, что ж такое, мы же обещали, она же загадала, мы что, совсем уже ничего не стоим? Тогда зачем все? Зачем, я спрашиваю, тогда все это: август, звездное небо, мы падаем как сумасшедшие, рискуем, зачем тогда? Это что, шоу?! Что мы все упрощаем?! Она ведь уже вышла из дому в своих трепаных штанах и направилась в «Спутник», а

там этот, Чесноков… У нее же душа сейчас споткнется, разочаруется напрочь. Во всем. А главное, в нас! И кому мы будем падать в августе? А там и Леониды тоже в ноябре… Они услышат, что такое происходит, тоже расслабятся, подумают, ай, можно и через раз мечту сбывать… Раз Персеиды себе такое позволяют…

– Ну хорошо, ты не кипятись, пожалуйста, – сказал главный по Персеидам, такой симпатичный, невысокий, в очках, в светлом пиджаке. – Как мы можем спасти положение? Предлагайте.

И она, эта МОЯ звездочка, молодая, задорная, дерзкая такая, тоже в очках, наверное, говорит: ну что, придется туда кого-нибудь послать…

– Диму давайте… Диму Скакуна пошлем. Он все устроит ей. Тем более он ее знает и помнит.

– Але, Дима? Привет. Что делаешь? Хлеб убираешь? Аааа… Заканчиваешь? Ну молодец. Выручить можешь? А ну-ка, давай ноги в руки – и в «Спутник», какой-какой… Обком комсомола знаешь? По дороге объясню. Туда девчонка одна идет…

Вот так и началась моя странная полукочевая жизнь толмача.

Через месяц я выехала в Москву за первой своей британской группой из «Young Farmers Organization».

ОНИ У НАС

Страсти по Изауре

Совершенно неожиданные вопросы задавали гостям на встречах с тружениками и общественностью. Например, смотрели ли британцы «Рабыню Изауру». И если в Британии этот фильм прошел раньше, то как там все было дальше?

А эту рабыню, честную угнетенную девушку, как говорят очевидцы, то есть верные телезрители, весь фильм выкупают из рабства. И бумага есть, но ее все время какие-то злобные бразильцы перекладывают из ящика в ящик, прячут. И был случай, когда Изаура эту бумагу искала, одна телезрительница шестидесятилетняя, ну просто на полном серьезе, грызя ногти нервно, стала подсказывать азартно девочке-актрисе в телевизоре: он там ищи, у в тому ящичку, шо справа вверху, ой, мамочки, та де ж ты ищешь, от ты ж дура, так и останисся у рабстви, ищет она, тьфу!.. И давай капли пить успокоительные.

Нет, на самом деле, это ж ополоуметь можно – она потом по ящичкам лазала еще несколько серий. И главное, весь Советский Союз знал, где, в каком ящичке, лежит откупная. И готов был подсказать бедной девушке, спасти ее от эксплуататоров, а может, даже выкупить ее, привезти на самолете в СССР и пригласить в Кремль и в «Артек». Но Бразилия на письма возмущенных советских телезрителей не отвечала, а нагнетала обстановку вокруг бедной честной красавицы Изауры все гуще и гуще.

И вот британскую делегацию на официальной встрече в зале заседаний облисполкома кто-то из чиновников абсолютно серьезно спросил, смотрели ли они фильм «Рабыня Изаура». И в зале стало тихо-тихо. Британцы ошалели прямо: все на них смотрят внимательно, как будто государственный вопрос решается или как будто они сейчас должны ответить, почему они так поздно открыли Второй фронт во время Второй мировой. Или должны немедленно ответить, где у них хранятся ядерные боеголовки. И от их ответа будет зависеть, настучат им эти украинцы по башке или нет.

– Нет! Нееееет! – вдруг закричали из задних рядов. – Если плохо заканчивается, – тут тетьки аж зажмурились от ужаса, – то лучше пусть не расскаааааазывают!

И тут некоторым гостям даже стыдно тогда стало, что они Изауру в Англии своей не смотрели, так серьезно украинцы относились к этому фильму и с таким укором потом на них косились. От же, фильм у них шел, а они не посмотрели!

– Изаура? А?

– I'm sorry, мы не знаем.

– Как?! А что такое фазенда, знаете? Фазенда, фа-зен-да…

– I'm so sorry…

– А что ж вы смотрите тогда?! – спросили у семьи Сэнсбери за ужином.

– Мы не смотрим Ти Ви, – сгорая от стыда, признались Сэнсбери и потупились, – мы – so sorry – только слушаем концерты Рахманонофф, Мозаааарт, потом еще Тчайковски, потом Глинкэ.

Сори, сори… Ну дикари, словом, эти англичане оказались.

А тут мы, поскольку, можно сказать, руку на пульсе мировой культуры держим, то и праздничный ужин, куда пригласили семью Сэнсбери, – она – административный судья города Вустера, он – профессор университета, – не послужил препятствием, не помешал во время трапезы смотреть «Изауру», вскрикивать в некоторых местах и плакать, тыкая локтем в рядом сидящих гостей, чтоб они наконец прониклись и разделили общее горе. В этой как раз серии Изаура окончательно понимает, что не видать ей своей свободы, как англичанам сериала. Она полчаса тупо втыкала палец в какую-то бумажку и мечтала, чтобы ей кто-нибудь эту бумажку прочел, потому что она, оказывается, в связи с эксплуатационным бразильским режимом не ходила в школу и не умеет читать. Так вот, все-все женщины за праздничным столом прямо стонали от невозможности прочесть ей это письмо. А это как раз и была та самая вольная, которая отпускала Изауру на свободу. И эта придурочная опять положила бумажку на место в ту же шуфлядку. И коварный какой-то Леонсио ее, эту вольную, таки спер…

Ну а мы с англичанами в это время скучали, потому что разговаривать было неловко, все, кто смотрел телевизор, говорили: чшшшш, тихо, щас будет самое интересное…

Джеймс

В последний вечер во время прощального ужина в ресторане отеля «Черемош», где мои британцы останавливались, к ним за столик подсели две девушки. Полненькая и тощенькая. Блондинка и блондинка, но фальшивая. Обе в блестящих крохотных тряпочках и на высоченных котурнах. Как они к нам попали, кто их звал, кто такие, было не совсем ясно, но вообще-то ясно, конечно. Они представлялись то студентками мединститута, то вдруг напились и признались, что они соврали и вообще-то они актрисы... По-английски знали только «окэй, окэй» и «амэрикэн бой». Разговаривали громко-громко, сидя там, за столиком, где Джеймс Макдональд и Алекс, руки летали у всех четверых: так они объяснялись друг с другом, мои британцы и эти две лицедейки. Характер деятельности которых, кстати, уже через две минуты после знакомства не вызывал ни у кого сомнения. Алекс смылся быстро. Ну понятно. Он там в Британии в телекоме работал. Вот интересно, в каждой группе, – а группы были все или из организации «Молодые фермеры», или владельцы заводов и фабрик по производству сельхозпродукции, или спонсоры – в каждой группе обязательно был один, самый общительный, самый веселый, самый открытый и самый любопытный – из телекома. И какое отношение имел телеком – то есть телефонная компания – к ассоциации молодых фермеров, совершенно непонятно было. И все эти телекомовцы хотели все знать, все записывали, фотографировали. Так вот, в этот раз из телекома был Алекс. Потом, как оказалось, две эти липовые студентки провели в номере Джеймса Макдональда веселую ночь, как там уже было, не представляю, но втроем, а утром стащили его сумку и исчезли.

За нами уже приехал автобус, группе ехать во Львов, из Львова уходит поезд в Санкт-Петербург, а оттуда они должны лететь в Манчестер. Все рассчитано с запасом в час. И вот этот весь запас – час до отъезда во Львов, час на обед по дороге, час в Питере, час в аэропорту, все это время было потрачено на то, чтобы найти сумку Джеймса, где был его паспорт. Подняли на ноги охрану, открыли номер, где вроде поселились девушки, – сумки не было, девушек не было, вещей девушек не было. Потом, слава богу, выяснилось, что паспорт Джеймса оказался в папке с документами у Алекса (который из телекома). Мы плюнули на сумку Джеймса, погрузились в автобус и помчались.

Буквально через две недели девушек нашли.

– У вас есть вопросы? – поинтересовались в милиции.

– Есть, – говорю. – Только не по существу…

– Ну давайте, – неохотно согласился следователь.

– А почему именно Джеймс, девушки? Почему именно он?

Девочки высокомерно меня оглядели, все в блестках, как новогодние елки, и ответили, чтоб я *не думала* и что они – *не такие*, ясно вам?! И с кем попало не ходют. А Джеймс, он был… Одна из них мечтательно закатила глаза.

– Знаете, девушки, – теперь моя очередь была закатывать глаза, – у них там не принято такие факты скрывать и делать вид, что ты летчик-космонавт, если ты только из колонии строгого режима освободился. Так вот, Джеймс, девушки, окончил школу для педагогически отсталых детей со справкой, девушки, потому что в силу своих способностей выпускные тесты, даже облегченные, не сдал. Так что, девушки, он уж точно не физик-ядерщик. У Джеймса ай-кью, если вы знаете, что это такое, девушки, в два раза ниже, чем у колли. Это собака такая. Если вы не знаете, девушки.

А вот, кстати. Мы всем британцам прямо в аэропорту, когда встречали, подарили блокноты для путевых дневников. Блокноты были особенные, с обложками из деревянной пластины с вырезанными гуцульскими узорами. Британцы с удовольствием записывали туда каждый вечер свои приключения у нас. А Джеймс как-то утром чуть ли не в последний день за завтраком подходит ко мне с этим вот блокнотом, абсолютно чистым, без единой записи, и просит смущенно: «Мэриэнн, напиши буквами твоей страны здесь мое имя Джеймс, плиз».

Я взяла его блокнот и на первой страничке написала большими печатными буквами: ДЖЕЙМС.

Он долго восхищенно рассматривал: «Какие красивые буквы… – и потом задал очень характерный для него вопрос: – А как это читается?»

– Короче, – продолжала я, – Джеймс не атомщик, не лорд, не врач, не владелец сети магазинов, не фабрикант, не тайкун (что означает магнат). – Девушки напряглись. – Джеймс, девушки, пастух. Он нанимается на фермы и пасет овец. Причем он признался, что не хочет идти на более оплачиваемую работу – на стрижку овец, например. Ему и так хорошо. Ну да, в своем деле он – один из лучших по профессии. Лучший на севере Англии пастух. Поэтому его и включили в группу молодых фермеров. (Вообще-то его включили, потому что никто больше ехать не хотел. Боялись люди. Это ведь был 1991 год. Британцы с собой коробки с мылом привезли на подарки, ага. А овец в Британии вообще-то прекрасно пасут черно-белые веселые собаки бодер-колли. Там и пастух не нужен.)

– Дааа, дивкы, – посочувствовал начальник охраны отеля, которого тоже пригласили в милицию, – вы попаааали...

Девушки надулись. Обиделись. Говорят, мол, а Джеймс нам ничего не говорил про это. Он говорил, что он...

– Бонд? – хохотнул начальник охраны. – Джеймс Бонд? Шпион, разведчик, резидент? Или космонавт?

– Нееет, – распустила нюни толстенькая, – что он шепард. Ну шепард. Ну мы думали, это вроде шкипера там что-то или что...

– Шепард, девушки, это и есть пастух, – пожала я плечами и подумала, надо же, какой он, этот Джеймс, искренний, ну даже приврать не смог.

Кстати, в сумке, которую девушки украли у Джеймса, оказалась дешевая мыльница-фотоаппарат, сложенный конвертиком подаренный накануне отъезда украинский флаг и блокнотик, в котором была только одна запись. На первой странице моей рукой было выведено ДЖЕЙМС.

Гудбай

А после пошло-поехало – меня пригласили в одну очень богатую агрофирму, там ждали серьезных инвесторов из Великобритании. И генеральный директор Тригор Василь Василич, который, как вы уже знаете, сыграл ключевую роль в выборе моей профессии, смущенно признался, что в иностранных языках – ни бум-бум. Говорит, ты меня научи, что сказать, когда они приедут, и что сказать, когда они будут уезжать. И все. И записал на календаре: «Гудморнинг» и «Гуд-бай». А потом скептически покачал головой и сказал, что длинно, он не успеет выучить. Иностранный язык все-таки. Ну и стал зубрить, аж вспотел. Говорит, а ну, а ну, скажи мне еще раз, значит, вот они прихооодят, а я такой: «Гудбаааай!!!»

– Ну нет же! – это я, уже нервничать начиная, мол, может, обойдетесь словами приветствия на родном языке, Василь Василич, ну зачем вам.

Не-не, он отвечает, я предвыборную гонку выиграл, знаешь, сколько я тогда учил для выступлений перед народом, ого! Так что, я сейчас два слова не выучу, что ли... Так, давай чаю выпьем и по новой будем учить.

Мы пили чай, потом кофе, потом опять чай. Тогда-то я и поняла, что есть люди, у который напрочь отсутствует способность к изучению иностранных языков. Но не надо забывать, что я выросла в семье педагогов. Тем не менее к вечеру мы оба устали так, как будто весь день копали. А ну, а ну, давай сначала! – не унимался Тригор. Так, давай, будто уже завтра, так.

Мне в его деловой игре была отведена роль инвесторов.

– Ну заходи! – командовал Тригор.

Я деликатно входила в дверь, послушно выслушивая его режиссерские подсказки:

– Смелей давай входи! Плечи разверни! Гордо давай! И улыбайся зубами, ты ж инвестор! – руководил Тригор. – Ну давай, говори свои слова!

Я ему: «Хау дую ду, мистер Тригор!»

И он: «И тут я навстречу так иду и «Гудбаааай!!!».

– Да не «гудбай», – визжала я (ох, как же трудна эта учительская работа), – а «гудморнинг»!

– Слушай, – уже совсем стемнело, и Тригор расстроился, – что-то они похожи так эти слова, может, они и не заметят, что я перепутал? Я сам, например, разницы вообще не вижу. Шо гудбай, что гуд этот самый морнинг?

И, признавая свое педагогическое бессилие, я поднялась и

молча направилась к двери. Ну чтоб не дать ему по башке.

– Слышь, ты это… – вслед виновато кинул Тригор. – Я еще дома потренируюсь, ты не думай, я завтра как скажу, ого-го…

Утром я встретила инвесторов у отеля, и мы поехали к Василь Василичу. Британцы восхищались погодой, зелеными селами, нарядными дворами, которые мы проезжали. Наконец наш автомобиль завернул в гостеприимно распахнутые ворота агрофирмы «Луч».

Во дворе толпились сотрудники. Секретарша, которая вчера таскала нам чашки с чаем и кофе, быстренько заскочила в здание, и на порог важно вышел Тригор, лихорадочно запихивая в карман пиджака знакомый изрядно замусоленный листочек из настольного календаря.

– Хеллоу! – поздоровался каждый из инвесторов – их было четверо. Тригор вылупил глаза и, растерянно бросив нехороший взгляд на меня, мол, а этого слова мы ведь вчера не учили, и пожимая каждому из них руку, натянуто улыбаясь, громко и четко произнес:

– Гудбай! Гудбай! Гудбай!

Прежде чем завести нас в свой кабинет для переговоров, Тригор посмотрел на меня через плечо и хвастливо хмыкнул, ну чо, а думала, я не справлюсь. Я ж говорил, не обижайся.

А чего на него обижаться, подумала я, иностранный язык, это каждый сможет, а ты попробуй хлеб посей, потом его сохрани от дождей, бурь, солнцепека, потом собери без потерь и полстраны накорми… Так что гуд-бай так гуд-бай, подумаешь… И британцы еще к тому же оказались вежливыми ребятами. Вида не подали, только уголки губ слегка подрагивали…

Луууу

Ему море по колено, *мистеру* Тригору, как его называли британцы и тут же подхватили наши. Вечером он всех пригласил в новый ресторанчик прямо в центре села. Тут такая традиция – еду ставить в несколько этажей. Столы, что называется, ломились. Ну а через три минуты после начала британцы стали гулить: лууу, лууу, лууу... Что на их вежливом молодежном сленге означает туалет. Мы все туда-сюда, а нету. Я глазам не верю, себе не верю, бегу к официанту, а он высокомерно даже как-то говорит: у нас нету...

И мне теперь уже неважно, есть или нету, я спрашиваю, а как же вас санэпидемстанция открыла. А официант мне отвечает: а она и не открыла...

Мне хоть и неловко, я к мистеру Тригору, а он сидит румяный такой в костюме синем синтетическом с искрой, нарядный. И ему ничего. А британцы мои ходят за мной – лууу, лууу, луууу – смотрят жалостливо и пританцовывают. Я, гордость поправ, говорю, Василь Василич, проблема, а где же тут... А он себя по лбу, ой, забыл! Я – в ужасе – забыли?! Пристроить к ресторану туалет забыли? И теперь как же?!

А он: «Ты переведи им, что там на улице дежурят два «уазика». Когда им надо, пусть не стесняются, пусть... идут в «уазик»...»

Тут вот я и сама не знаю, как выразиться яснее. Признаться, я подумала, что ослышалась.

А Тригора, как назло, кто-то окликнул, он стал руки новоприбывшему жать, обниматься: «Оооо! – кричать. – Сколькомет-сколькозим!!!»

Компании у него шумные и многолюдные собираются, он человек хлебосольный, наш Василь Василич.

И он тут оборачивается досказать мне что-то, сосредотачивается и видит мой взгляд, застывший, внимательный, трезвый, изучающий взгляд. Не обещающий ничего хорошего.

– Как это, – спрашиваю, – Василь Василич, «пусть идут в «уазик»? Как это?

– Та не, – отмахивается Василь Василич, – пусть садятся в «уазик», и водитель их доставит на стадион.

– ???

– А там – новые шикарные туалеты. И все. Четыре минуты езды, я проверял.

Молодцы наши люди, ничего им не страшно. Это я

переминалась, не знала, как объяснить деликатно, что, когда, извините, приспичит, надо бежать к машине, ну и далее по плану. Британцы вообще-то сначала не поверили, что такое может быть. А потом ничего. Только они в своей стране привыкли часто бегать. И водители этих «уазиков» буквально запарились ездить туда-сюда. А уж их комментарии я тут цитировать не буду.

Британцы же были в восторге, предвкушая, что они расскажут дома.

И главное даже не это. А то, с каким громадным уважением они смотрели на наших людей, которые много пили, много ели и... никто из них ни разу за весь вечер не воспользовался «уазиком»!

Так что загадочна не только душа человека нашего, но и организм!..

Свадьба в Топоривке

Когда мы с британцами после трудного утомительного дня – поездки по разным фермерским хозяйствам и другим местам трудовой славы нашей области, где везде щедро одаривали, кормили и поили, – вернулись в отель, там нас ждала живописная группа. Молодые люди в национальных костюмах, причем в особенных, которые носят девушки только в одном селе на Украине – в Топоривке и только по определенному поводу. Девушка в вышитой яркой одежде, в причудливом головном уборе, обшитом бисером, с метелочкой ковыля на макушке, в компании молодых людей – ребят в вышитых сорочках и кептарях (это гуцульские жилеты) – и девочек в таких же шапочках с ковылем. Девушка и худенький молодой человек выступили нам навстречу и торжественно, громко и уверенно задекламировали:

– Просылы тато, просылы мама, и мы вас просымо завитаты до нас на вэсилля!

Тут же молодежь стала обносить всех вином из керамических стаканчиков и сдобным домашним хлебом.

Короче, моих британцев пригласили на свадьбу в Топоривку, исключительной красоты село, богатое, нарядное, большое поселение радостных трудолюбивых людей, которые выращивают яблоки и чеснок, рисуют, вырезают, вышивают, и практически у всех у них родственники в Канаде.

Когда в Топоривку пришла советская власть, верней только ступила, сделала первый шаг, многие тут же удрали в Канаду. И там стали выращивать яблоки и чеснок, за что украинскую колонию в Канаде так и называют «гарли€кы». От слова «garlic» – чеснок.

Короче, девочка Брандушка, немножко косенькая, но румяная, жизнерадостная, пышная, громкоголосая, со своим женихом, тоненьким мальчиком, похожим на инока (не обошлось тут явно без председателя сельсовета, который планировал привлечь в село британские инвестиции), приглашала нас всех на свою свадьбу. Нас предупредили, чтобы показать британцам весь ритуал, надо приезжать к девяти утра.

Ничто так не отражает характер мероприятия, как украинское слово «вэсилля», что означает «свадьба». Слово как будто заранее обещает необузданное веселье.

Как уж мои британцы нарядились – не передать словами. Шотландцы даже надели свои килты, чем ввергли в шок топоривских старушек – как же они хихикали, закатывая глаза и крестясь.

Утром за нами заехал большой автобус, где уже сидели наши уникальные, потрясающие свадебные музыканты.

Это требует здесь отдельного рассказа.

Мои британцы даже не представляли себе, что музыкант может не знать нот. А вот!..

* * *

Здесь у нас такая плодородная земля: дети, рождаясь, не кричат и не плачут, а сразу напевают. И обязательно что-нибудь свое, тут же сочиненное... И уже лет с десяти-двенадцати они начинают ездить по свадьбам и юбилеям, подрабатывать, играя сначала на местных национальных инструментах – сопилка, окарина, най, цимбалы, потом на клавишных, потом осваивая струнные и духовые... И годам к пятидесяти разве только на шотландской волынке не играют. И не факт, что не могут с первого раза, – просто нет у нас шотландских волынок. Привезли бы шотландцы хоть одну с собой – моментом бы освоили! И что примечательно... Все наши буковинские музыканты считают Лучано Паваротти своим кровным братом на том основании, что великий оперный маэстро тоже не знал нотной грамоты и был толстый, а значит, тоже очень красивый...

Вы спросите, как они разучивали новое произведение, не зная нот. Рассказываю.

* * *

Вот сели мы с гостями в автобус. Поехали. Все радостные в предвкушении праздника, и мы, и музыканты.

Руководитель оркестра Дица вдруг, хитро на нас поглядывая:

– О! О! А давайте-ка сыграем иностранцам, чтоб знали! Я придумал! Ты, Миша, будешь играть вот так: Ди-ри-ди-ри-ди-ри-дай-да!

Миша тут же достает из футляра трубу и повторяет.

– А ты, Митя, – еще больше загорается вдохновением Дица, – ты, Митя, играешь так: Тум-ту! Тум-ту! Тум!

Митя со своей огромной тубой повторяет звук в звук. Тут же подключаются большой и малый барабаны: Оп-оп-оп-па! Трь-рь-рь-рь-трь-трь-щ-щ-щах!!!

– А это что, Дица, народная какая-то мелодия?

– Чего?! – возмущается Дица. – Ты что?! Глухой, да, совсем? Это я сам сочинил! Только что! В автобусе! Когда мы проезжали

дом начальника тюрьмы. Там такой вид был! Высокий забор, так? А на веревке форма начальника тюрьмы сушится, так? И ворон над домом кружит. Ы? – Победительным взглядом Дица оглядывает всех нас в автобусе и добавляет: – И так мне стало радостно и легко на душе, что я тут же эту музыку взял и написал. В уме!

Музыканты понимающе одобрительно кивают. Я перевожу весь его странный вдохновенный монолог на английский.

Миша проявляет инициативу:

– Дица, Дица, а может, тут не так (поет): «Ди-ри-ди-ри-дам-да!» А вот так: «Та-ра-да-ри-ди-ри-ди-ри-ди-ри-да-а-а-а! Э-э-э-эх! А-ша!»

– Слушай, Миша, кто композитор, ы? – недовольно хмурит брови Дица. – Я – композитор? Или ты – композитор, ы? Кто эту музыку написал, ы? Я написал? Или ты написал? Ы? Давай лучше слова придумывай к моей музыке.

– Про что?

– Ну как про что? Ты что, музыку не слышишь? Про родину – про виноград, про девушку какую-нибудь, про начальника тюрьмы, я знаю...

– Ы! Я что тебе – Илья Резник, так просто в этом старом автобусе слова придумывать?! Я не умею так просто в автобусе. Мне надо условия!

– Ладно-ладно, не шуми! Условия ему... Тебе нельзя условия! Твоя печень уже не выдерживает такие условия... Ладно, будет инструментальная музыка. Без слов.

– Мэриэн, а мы тоже хотим спеть на свадьбе, только у нас нет нот... – говорит Бобби.

– Какие ноты, зачем ноты... Не путай нас!!! – требует Дица. – Пой давай!

И Роберт запел:

Step me gaily, off we go
Heel for heel and toe for toe,
Arm in arm and off we go
All for Mhairi's wedding.
Plenty herring, plenty meal
Plenty peat to fill her creel,
Plenty bonny bairns as weel
That's the toast for Mhairi.

(Шотландская песенка о том как мы весело идем на свадьбу к Мэри)

Музыканты легко подхватили мотив, и автобус остановился

рядом с домом, щедро украшенным цветами и гирляндами, как у нас принято здесь, на Западной Украине.

Дица с друзьями взяли инструменты и вошли во двор. У них начинается работа. Гостей пригласили чуть-чуть перекусить с дороги. Им подали куриный суп с домашней лапшой и зеленью из печки – наваристый душистый суп, который подают на свадьбы, называется «зупа».

Если в больших городах – что в наших, что в британских – все садятся в автомобили с кольцами и ляльками на капоте, а сейчас-то даже в карету или вертолет, то в Топоривке народ скромный – даже в нынешние времена, в двадцать первом веке, свои лимузины, «мерсы», «Лексусы» они оставляют в гаражах, а во время свадьбы... А во время свадьбы они ездят верхом. Едут они под музыку медленно и величаво по селу туда-сюда. Сначала в сопровождении оркестра жених едет забирать невесту. Итак, следом за кавалькадой – жених на вороном коне, его товарищи, «дружбы», то есть шаферы, на каурых, тащимся мы, сытые и довольные. Британцы – с любопытством, я – с гордостью. А в это время во дворе у невесты целый ритуал, это долго описывать – там и надевание фаты, и прощание с родителями, а если, не дай бог, песню заведут – «Вже бым була йихала, вже бым була йшла, ще своему тату не дякувала...». И пошла невеста поклоны отвешивать – тату, маме, брату, сестре, бабушкам, дедушкам, соседям, подругам, печке в доме – сейчас-то в основном молодые кланяются автономному газовому итальянскому котлу, а тогда – печкам, печам или в самых богатых семьях батареям и АГВ. Благодарят хлеб на столе. Потом невеста своей девичьей постели кланяется, кроваточке из березы, собаке и воротам заодно, что хлопцев не пускали, окошку, в которое жених лазал в щечку только поцеловать. (Ай, перестаньте! У нас невест, бывает, прямо со свадьбы увозили в роддома, и куда ворота и собаки глядели, никто не удивлялся. Детей у нас любят. Очень. Осуждают, конечно, а как же!) И так бродили мои британцы вслед за музыкантами и невестой по хате, – а там три этажа, балконы и башенки – и по всему двору, и на каждого, кого невеста благодарит, целый куплет с припевом «Вже бым була йихала, вже бым була йшла...» и вступление – восемь тактов... Сдуреть можно... Но для Брандушки, невесты, это ж в первый раз. И музыкантам за все куплеты плачено отдельно. (Они, кстати, когда договариваются, спрашивают, сколько куплетов благодарности будет... И за это отдельную покуплетную плату требуют, потому что очень уж нудная она, эта песня...) Иногда родители ждут не дождутся, когда дочку свою великовозрастную замуж спихнут, а она, холера такая, еще ошивается вокруг дома в занавеске белой с

бумажкой, где список, с кем ей еще попрощаться. Ходит, слезы из себя давит, убивается, на мебель кидается телом, чтоб все вокруг видели, как ей не хочется замуж, и заставляет тата своего платить музыкантам отдельно за «ди жьель», за церемонию печали то есть. Наслаждается всеобщим вниманием, строит из себя Веру Холодную. Мол, как ей тяжело из родительского дома уходить, глаза б родительские ее уже не видели, надоела, вся в соку, а еще две сестры ждут не дождутся… И папе с мамой так не терпится, что готовы ее коленкой под кринолин выпихнуть из дому, чтоб уже шла, пока жених не передумал. А такое у нас тоже бывает. Жених нынче пошел очень гоноровый.

Когда прощание невесты с домом заканчивается, наступает сам процесс забирания невесты – Брандушке подвели разукрашенного белоснежного коня, она легко скакнула в седло. Уже бы поехали, так нет же. Мы стоим, смотрим. Во двор выносят дзестры – невестино приданое. И начинается подробная конфискация имущества женихом. Под музыку. Жених с коня и его родители строго и придирчиво следят, подсчитывают. Выносят из дома накопленное добро – от холодильников до кроликов с атласными ленточками на шее. И со всем этим весело танцуют. И чем больше вещь в приданое, тем длиннее танец. С креслами над головой пляшут. С диванами гарцуют.

О! Надо было видеть, как вся семья Брандушки – а Брандушка – это такая крепкая девушка и такая большая, что в ее тени верхом на коне мы все спрятались от жары, – на радостях минут пять отплясывала с ореховым зеркальным шкафом-купе в разобранном виде:

– Хопа-хоп! Умца-умца!

А потом Брандушка давай одаривать гостей. Каждый англичанин получил в подарок резную огромную многостворчатую шкатулку для рукоделия – туда в каждый ящичек много чего можно было сложить.

Кстати, забавная это была церемония – одаривание гостей. Невеста обходит или объезжает верхом на коне всех своих гостей, званых и незваных, и делает им подарки. Так, по мелочам: то косыночки, то коробки конфет… В одном селе когда-то давно во времена дефицита даже удачный бизнес развился на этой почве. Но этого я своим британцам не рассказывала. Назывался этот бизнес «Рахат-лукум». Это когда гостей одаривали этим самым сизым запыленным рахат-лукумом в коробках. Так вот гости, недолго думая, бежали бегом в сельпо и тут же сдавали эти сомнительные сладости довольно преклонного возраста обратно – по предварительной договоренности с Эляной-продавщицей. На следующую свадьбу те же коробки опять покупали и гостям

раздаривали. Скоро в это село большая проверка приехала по навету кого-то недовольного (его, видимо, на свадьбу не позвали, а его жена себе костюмчик купила с люрексом специально – и не пригодился), написавшего каллиграфическим почерком, что продавщица сельпо сдает рахат-лукум в прокат на свадьбы, правда, вот честно написано было – за невысокую плату.

Когда церемония забирания молодой завершилась успешно, вся компания с невестой, гостями, дружками и шаферами, шкафами и кроликами следом за молодежью на конях верхом потащилась в другой конец села к посаженым родителям. Те ждут, нарядные, надушенные... У нас бывает, что посаженые родители к таким событиям даже дом новый поднимают за пару месяцев, как минимум в два этажа, – чтоб перед людьми не стыдно было, придут же молодые на свадьбу звать... Потом вся эта беззаботная братия, включая моих иностранцев, изрядно повеселевших, потерявших уже свой первоначальный надутый высокомерный вид, вместе с посаженными и их гостями двинула в храм...

Потом все опять построились и следом за молодоженами устало пошагали на саму свадьбу, где уже ждали гостей.

Уж тут начались разные национальные ритуалы, игры, танцы. Британцам с их скромными рисепшн, где на каждого гостя – бесплатный бокал шампанского, а за остальное плати сам, – и не снилось такое раздолье. Столы накрыты были под навесами. Гость идет косяком, музыканты всем марш играют, а самым уважаемым гостям – даже дважды. Для этого родственник жениха стоял рядом с музыкантами и стыдливо украдкой подсказывал пальцами. Показывал указательный – музыканты играли один раз, показывал рожки – дважды. Свадьба покатилась своим чередом. Через час народ зашумел, развеселился, объявили первый танец. Оркестр заиграл ту самую мелодию, которую Дица сочинил в автобусе. Британцы мои радостно загалдели, взялись за руки с местными и оголтело запрыгали в такт музыке вокруг жениха и невесты.

Потом по ритуалу было положено невесту воровать. И мы просили ее по-хорошему, пытались договориться. Не надо вас, Брандушка, воровать, гости иностранные танцевать хотят, а не в темноте с другими гостями лазить. Нет, уперлась, ножкой топает – воруйте меня, и все тут! Ну что ж, придется, – вздохнул председатель сельсовета, – а потом всю ночь ходи ищи ее... Такая традиция. Вот взять и нарочно не найти! Приковыляла бы сама обратно, а на ее месте уже другая сидит. И краси-и-и-вая, и молода-ая, и из хорошей семьи...

Эх! Пошли!

И мы все, мои шотландцы в килтах, дамы в нарядах и жемчугах, пошли бродить по селу – Брандушку искать.

Свадьба длилась до четырех утра, пока не стали с невесты фату снимать под красивую печальную музыку – я видела, как загрустили гости, особенно женская половина моей группы, – вот, мол, как скоро сказка проходит, начинаются будни, и везде одинаково. Вот он ухаживал, руку автоматически выбрасывал – с бордюрчика – на бордюрчик, со ступенечки – на ступеньку, цветы охапками, колечко с колена подавал… А тут уже и подай-принеси, почему суп несоленый и так далее…

Но потом мы все опять развеселились, потому что жениху завязали глаза, положили ему на колени подушку, и на нее присаживались разные девушки, которым набрасывали на плечи тулуп, чтобы жених только по форме ножки узнал свою невесту. На колени жениху и мои шотландцы в килтах присаживались для смеха, и жених нежно и довольно охотно гладил косматые ноги одного из представителей древнего клана бессмертных Маклаудов.

Словом, когда мы уже прощались через месяц с британской делегацией, то на вопрос о самых ярких впечатлениях от поездки по Буковине они сказали, что все было замечательно, но что они не забудут никогда – так это неповторимую, с соблюдением всех традиций свадьбу в Топоривке.

МЫ У НИХ

Лечу!

И наконец я впервые вылетела в Великобританию.

Британия – родина первой почтовой марки и первой подземки. В Англии появились первые шезлонги, аквариумы, пенициллин, компьютерная томограмма. Здесь были изобретены запонки для манжет, цилиндр и котелок, юбки и платья в складку, сэндвичи, портер, насос для пива, тоник с содовой.

Британия – страна волшебника Мерлина и принцессы Дианы, родина «Битлз» и Питера Пэна. Британия подарила миру камертон и «Мессию» Генделя, и «Роллинг стоунз», «Квин» и яхтенный спорт, регби и монорельсовую дорогу, гофрированное железо и бокс, классический крикет и «Армию спасения», школьные гимны и, внимание, уважаемый редактор, авторские гонорары. Снукер и «Христианский союз молодежи», телевидение и концертино, искусственные красители и поло.

Великобритания – родина Чарли Чаплина и Агаты Кристи, Вебстера и Фрая, Дживса и Вустера, Алисы и Гарри Поттера.

Нортумберленд

В Нортумберленд – первый город, в котором мы остановились, я приехала почти ночью, немного посидела с хозяевами у камина и пошла спать. В моей комнате на туалетном столике стояла фарфоровая плошка с лепестками розы и самодельная открытка с надписью: «Хороших снов, Мэриэнн». Старинная кровать была такой высокой и массивной, что напоминала грузовик «Урал». Мне приходилось подставлять стульчик, чтобы на нее вскарабкаться. А если я была в хорошем расположении духа в тот месяц, что жила у Максвеллов, я разбегалась, взмывала над кроватью и бухалась на спину или на живот прямо в центр, раскинувшись морской звездой, счастливая и беззаботная, в предвкушении следующего утра в любимой стране на любимой работе. Один раз, так разбежавшись от персиковой стены с вышивками прабабушки Джейн Максвелл, прищурив близорукий глаз и примерившись, я, уже не девочка, а солидная мать семейства, дипломированный солидный переводчик, пролетела через кровать и – слава небесам – удачно, но со страшным грохотом приземлилась на пол, опрокинув прикроватный столик и чуть не выбив головой окно. Стекло и на первый взгляд хрупкую раму спасло то, что кто-то оставил на подоконнике толстый вязаный закрученный валиком плед, в который я и врезалась своей непутевой башкой.

Через минуту кто-то царапнулся в двери, и вежливый голос иронично поинтересовался:

– Мэриэнн?.. Плед, надеюсь, пригодился?

Как потом выяснилось, перед искушением полетать перед сном не могли устоять и другие гости Максвеллов, и посолиднее, чем я. Именно для таких вот гостей и был предназначен плед, предусмотрительно уложенный для страховки на подоконник.

Но в первое свое утро, рано-рано, я сползла спиной со своего гигантского ложа, подошла к окну, потянула раму наверх, накинула на плечи тот самый колючий плед и застыла.

Свежий чистый холодный без всяких лишних примесей воздух ворвался в комнату – за окном лежали светло-зеленые поля и холмы. На горизонте, как в кино, просматривались неотчетливо сизые в тумане горы. На ближнем пастбище бренчали колокольцами овцы с удивленными высокомерными лицами пожилых английских леди, три черно-белые собаки на первый взгляд хаотично носились вокруг стада, как будто играя... Несколько десятков гладких красивых бело-рыжих коров бродили по полю чуть дальше. И живая изгородь вокруг дома, и

теплеющий на солнце воздух, и яркие даффодилы, как наши одуванчики, – везде… И вот только тогда – не в Лондоне, среди памятников, мостов и величественных соборов, не в Оксфорде в разношерстной компании студентов, не в других городах с их историческим наследием и неповторимой красотой, не на безупречных фирменных дорогах или в музеях, или на выставках, именно в то утро, первое утро в Нортумберленде, я вдруг с удивлением осознала, что это вот – это и есть Великобритания, что мечта, которую я заискивающе выклянчивала у летящих в августе Персеид, сбылась.

Цэй

В Великобритании левое – это совершенно не левое, а правое – это левое. Для иностранцев, таких, как мои, – то есть тех, кого я сопровождаю, везде стрелочки. Наши комментируют: тудой-сюдой. Стрелки нужны. Особенно там, где нужно дорогу переходить. Но для моих – стрелочки не указ. Мы как ходили, так и будем ходить. Медленно и важно, не торопясь, и с таким видом, как будто перед нами дорожку раскатывают. Красную.

Как-то в моей группе был дядька один, я его мысленно называла Цэй. Он сильно вежливый был такой, любой вопрос начинал со слов: «Цэй... Чуешь... Як тэбэ...» (если по-русски, что-то вроде «Этот... Слышь... Как тебя...»). Потом он, кстати, проворовался, и его разыскивали, а он в Португалию удрал и после многих событий, уже как он сам с гордостью рассказывал, его искал Интерпол. Вот такой это человек – всегда найдет чем похвастаться.

Тут вот надо отступление сделать. Он вообще мнил себя чуть ли не князем удельным, а когда напивался – так вообще: как говорится, Золотая рыбка у него была на посылках. Словом, человек со сложной судьбой. На земле он работать не хотел, хотел владычицей быть морскою. Ну или кем-то в этом же ранге, но на суше. И уже в то время, когда его разыскивал Интерпол, он вдруг приехал домой нелегально, напился сильно, шел мимо отделения милиции и вдруг заметил на стенде «Их разыскивает милиция» свою фотографию. И как взыграло в нем! Он с былым величием сунулся к дежурному с претензиями, мол, а ну сними, это еще шо такое! А ну-ка немедленно, я вам покажу, вы у меня все, да я сейчас как позвоню, да щас все будете мне вот где!..

Пацаны эти, сержанты, которые в дежурке, счастью своему не могли поверить – сам пришел! Преступник, вор пришел сам! В милицию! Прямо фантастика! Пришел, представился и в фотографию свою тычет. И потом еще долгое время, когда и звание получили, и часы именные за поимку вора государственного имущества, все думали, что так не бывает, чтобы преступник сам в милицию заявился, пусть и под хмельком.

Цэй отсидел какие-то полтора года, а потом его народные наши избранники вытащили, потому что так ловко воровать, как Цэй, не умел никто, а надо было.

Так вот, в Британию возвращаясь.

Как-то Цэй с царственным, свойственным ему видом переходил дорогу в Вуллере, и переходил в обычной своей

манере, мол, я тут один такой, и костюм у меня клевый, и галстучек, и туфельки мои блестят, и сам я невиданный красавец, любуйтесь. И тут на него машина как выскочит! Оттуда, откуда он и не ждал. Справа! А стрелочки, они же для этих... ну, для лохов всяких. А не для великого Цэя. Но с другой стороны, с чего бы этому самому «Ягуару» знать, что это же Цэй – большой человек! И что надо притормозить, пропустить и проехать мимо медленно и тихо-тихо, на цыпочках.

И как же смешно Цэй присел от страха, как ойкнул, улепетывая, когда «Ягуар» вдруг над его ухом просигналил, как побежал... Косолапый. Ножки короткие. Иксиком... Трусит, бедный, задыхается с непривычки. Тёп-тёп, тёп-тёп... Вот бедняжка совсем.

Метро

Все путеводители, говоря о британском метро, начинают так: «Несмотря на свою видимую сложность...»

Да-да, ничего себе. Какая видимая? Она очень даже видимая, эта сложность. Если ты приобрел билет до определенной станции, то ты не сможешь выйти из-под земли ни раньше, ни позже. Вышел не там по ошибке, плутаешь, ищешь ту станцию, до которой у тебя билет. У меня такое было... Чувствовала себя Эвридикой, плутала-плутала... Хорошо, Орфей один попался, вывел.

Так вот, метро. Моя группа ехала в Хитроу. Спустились рано утром, как будто в запущенный подвал. Почти пустой вагон. Мои, невыспавшиеся, опухшие чего-то, с чемоданами, коробками, пакетами, галдят, рассаживаются, перекликаются, как в поле: «Дмытро Фэдоровыч! Сюды, туто сидай!» Напротив – два афроамериканца в рабочих комбинезонах. Смотрят опасливо и недоверчиво, как на зверей в зоопарке.

Я видела и понимала: они нас боялись.

Опять Цэй

Великий Цэй побывал в Эдинбургском замке. Там стоят манекены постовых в полосатых будках. Он в автобусе на замечание, что нельзя фотографировать в замке, ворчит:

– Нельзя-нельзя... – И хвастливо: – А я вот сфотографировался... из *чучелом* гвардейца.

Опа!

В самой первой моей группе еще, когда Горбачев *уже* был, но коммунисты *еще* были, был дяденька, милый такой, синеглазый. Ужасно прожорливый, я заметила. Такой заинтересованный во всем. Без конца вопросы задавал всякие и требовал подробного полного ответа. Например, а кто такой король Артур. А почему стол круглый. А сколько было в Англии *царей? А поконкретней*? И такой забавный, вопрос задаст, ответ внимательно выслушает и губы удивленно поджимает, как будто открытие какое сделал, головой кивает и восклицает: «О-па!»

Англия – это только центральная часть Великобритании. Есть еще Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия.

Он *(удивленно)*: «О-па!»

Тауэр… был королевской тюрьмой…

Он (*с сарказмом*): «О-па!»

Сейчас мы едем на обед.

Он (*радостно*): «О-па! О-па! О-па!!!»

Это именно он настучал в службу «куда надо», что я давала интервью радио *BBC*. Ой, смешно вспомнить! Мы с мэром города Оксфорда шли по центральной улице и бренчали кружками: она со своей цепью мэра на груди и я рядом, без цепи. В тот день мэрия собирала средства для неимущих студентов. Так вот, выскакивает на нас репортер из автобуса. (На этом автобусе как раз большими пугающими буквами и было написано *BBC* – о-па!) Мэр репортеру говорит, а вот моя гостья. Советская она. И он давай меня спрашивать. (А у советских, понятно же, собственная гордость.) Мои стали неподалеку и смотрели подозрительно и хмуро. А вопросы жутко каверзные. Четыре.

1. Откуда вы?
2. А где это?
3. Как вам нравится в Англии?
4. Как вам нравится погода в Англии?

И вот он, этот обжора, настучал. Что уж он там наговорил или написал, но ко мне на работу пришел один суровый офицер с усами Тётю Виорел Федорович, попросил выйти на минуточку. И спрашивает, взыскательный такой: «Это правда, что вы давали интервью *BBC?»* Я почувствовала себя очень значительной, думаю, вот это да! Говорю, да, правда! Правда, говорю, капитан Тётю! А что? А Тётю, мол, здесь вопросы задаю я. «Ну и о чем вас спрашивали?» – это он. Я ему: «Как вам нравится в Англии?» и «Как вам нравится погода в Англии». А он:

– И что… вы… ответили?

Я ему*: «*Я ответила *«мне нравится»*.

– Вы на самом деле так ответили? Вам действительно нравится погода в Англии? – с подозрением спрашивает Тётю.

– Нет, – говорю, – там сыро. Я из вежливости.

И еще этот дяденька настучал, что я носила на груди крест! (Хотя вообще-то это был ключик, мой талисман, который мне муж подарил на пятую годовщину свадьбы.) Говорит, мол, она *хрест* носила в Англии. Я видел сам. Прятала на груди, а *хрест* однажды рр-раз – и выскользнул. О-па! А я и заметил.

Пппрридурок…

А сейчас его частенько можно увидеть по телевизору, крутится в лакеях у президента. И на Пасху – по ТВ был прямой эфир – в Лавре ну так неистово крестился, близко его лицо показали, слезы в глазах… О-па! Может, раскаялся…

Наташа

Кстати, ездила в одной из групп девушка Наташа, очень симпатичная, студентка из Каменец-Подольска. Охотницей оказалась. Поделилась со мной, что должна выйти замуж только в Великобритании. Вот, мол, есть у нее полтора месяца, за это время надо найти претендента. Так она решила. Словом, вела она себя довольно свободно, легкомысленно, знакомилась с молодыми людьми, исчезала, разочаровываясь, возвращалась, потом опять знакомилась, опять исчезала куда-то.

Ну ее-то понять можно. Времени всего полтора месяца, а замуж хочется. Это как у моряка: нужно жениться, пока на берегу, а не женился, ушел в море, – и все.

Девочка не виновата – ее так родители научили. Доходило до курьеза. Когда у Наташи появлялся новый кавалер, прежде чем знакомить его с родителями, Наташа уговаривала его притвориться иностранцем и выучить пару фраз на английском или итальянском.

Но Наташин папа устраивал молодому человеку настоящий экзамен и быстро выводил обманщиков на чистую воду. Вот как одна моя подруга рассказывала, а той рассказала ее подруга. У ее родителей тоже был такой пунктик – выдать дочь замуж за границу. И вот однажды подруге моей подруги в гостях подарили котенка. И подруга подруги не смогла отказаться, хотя и предполагала, что с родителями будут сложности по поводу нового члена семьи. И вот пришла она домой поздно, родители уже легли спать. Мама сонная открыла дочке дверь, и отец из спальни услышал ласковый теплый голос дочери:

– Мамочка, познакомься, это Фредди.

И через пару минут на кухню, где дочь с мамой тихо, чтоб не разбудить главу семейства, обсуждали дальнейшую судьбу котенка, вышел папа, сияющий, торжественный, в костюме при галстуке и с бутылкой водки.

Не знаю, придумала она это или так было на самом деле, но пример очень яркий.

А недавно я в Каменец-Подольском с таксистом разговорилась. Вот подбрасывает мне жизнь подарки!.. Выяснилось – мало того, что Наташа та самая оказалась его женой, и у них четверо детей, и ждет она пятого, так они с таксистом еще и убежденные баптисты.

Видимо, правильно поняв мое безмолвное недоумение, водитель с благостным видом, как бы предупреждая все мои вопросы, ласково пропел:

– А перед свааааадьбой она *покаялася*.

Нельсон и леди Гамильтон

На самом деле вот что меня больше всего возмущало в тех людях, которых мне приходилось сопровождать. Что они как-то все воспринимали без трепета, без волнения. Вот выходим из автобуса, идем, например, в собор Святого Павла… Дыхание перехватывает. А они гребут уверенно, руками мотают, как будто идут к себе в свой сарай, в курятник там…

И вот мы стоим на Трафальгарской площади, у колонны Нельсона. У меня такое внутри – сердце вырывается от волнения… И я им рассказываю, рассказываю… А в Национальной галерее, говорю, там есть картины художника, которому позировала сама леди Гамильтон, возлюбленная адмирала. И вот так сложилось, он тут, а она там, почти рядом… опять вместе. И оттуда он, адмирал Нельсон, с его высоты, видит море… А она оттуда, из галереи, видит его…

И я им про неслучайности – представляете?.. И вдруг натыкаюсь на взгляд… Один, другой, третий…

То есть, они стоят и совсем, как говорят мои дети, – не догоняют.

Теперь я знаю, почему учителя иногда, обращаясь к нерадивым ученикам, кричат: «Я вам или стенке говорю?!» Чувствовала себя вот такой учительницей…

Европа

Как-то приехала группа чиновников, которые изучали опыт налоговой системы Британии. (И чего только не придумают, лишь бы за границу поехать на халяву!) Таких надутых чинуш я даже в телевизоре никогда не видела. Просто как будто планета создана только для них, все им должны.

Вышли они по трубе, я замешкалась в самолете, уже и не помню почему. А у выхода дорожка делится, один выход – «EUROPE», для тех, кто из Европы приехал, второй – для остальных. Они сразу решили, что они из Европы. Потому что на другой табличке было написано «OTHERS», то есть «ДРУГИЕ». А они – ну грамотные, ну специалисты, ну чего там – они решили, что «OTHERS» это по-английски «АЗИЯ». Ну они же – не Азия, они же Европа, так ведь? И поперлись в Европу. Тем более, там очередь совсем короткая. Я спускаюсь по трубе – их нет нигде. Думаю, ну как можно в этой вот трубе потеряться... Два выхода-то всего. Стою растерянная на развилке, как Илья Муромец: направо пойдешь...

Идет назад табун, пристыженный, в сопровождении двух чиновников суровых...

Конечно, во всем виновата я оказалась, ну и выслушала по первое число. Ну конечно, кто-то должен ответить за коз..., за их унижение. Да и потом сколько раз я получала ни за что! Кто-то заблудится в магазине, хнычет, стоит на другом выходе – я виновата. Кто-то чего-то потеряет, опять я... Кого-то в пабе забыли, он с девушкой кокетничал (через переводчика, кстати), поплелся ее провожать, уже без меня, не все же с переводчиком, так ведь? Вернулся, а группы и нет... Кто виноват? Понятно...

Да, работа – не сахар. Особенно с такими людьми.

Уфф...

Виктор Васильевич

Или вот, например, однажды мы с группой из сельхозуправления (сплошные мужики! И важные, как пингвины!) приезжаем в один гостеприимный дом в Нортумберленде. Идет дождь. И ветер такой, ну просто ураган. Хозяин фермы мне говорит: вам нечего делать в поле, мисс, идите в дом, мы сами разберемся. Идите-идите. И под недовольными взглядами моих я пошла в теплый дом. Ну и правда – холодина, а я в тоненькой курточке. И пока они ходят по ферме, рассматривают технику, мы с хозяйкой для всех готовим чай.

И тут входят наши. Замерзшие, им повсюду надуло. И что они делают? Я не уследила, а они поскидывали туфли у входа. (Ну, у нас и в Японии только так принято. А британцам, конечно, и в голову не придет заставить гостей обувь снимать.) И вот они в костюмах и галстуках проходят в столовую, где накрыт чай с сандвичами и тортом, босые, в носках, и садятся чай пить. Вижу – недовольны. Физиономии красные от ветра и дождя, мокрые и злые. А когда хозяева вышли за чем-то (потом оказалось, что за приготовленными для гостей сувенирами), они стали на меня орать, мол, ты-то сама в тепло ушла, а у нас вопросы были, ходили по ферме как немые. А я пытаюсь возразить, что они ведь и сами все увидели, что там спрашивать. Трактор он и в Англии трактор. И один, Виктор Васильевич, с длинной, как огурец, головой и маленьким личиком педагогически запущенного второклассника, встает и орет на меня, что мое дело переводить, а не учить! Переводить, а не возражать! И не своевольничать мне тут!!! – взвизгнул он. И орет-орет, а сам стоит взлохмаченный, носом хлюпает, в сером костюме-тройке, галстуке, в кармане платочном две ручки, на лацкане – флажок депутата, не кот начхал, такой важный дядька, ножки короткие, примерно как моя рука. До локтя. Брюки по полу волочатся и шуршат. А сам – в носках. Зеленых. Притоптывает пяткой и носом шмыгает. Я еле сдерживалась. И лицо закрывала ладонями, и носом сопела. Они думали, что это я плачу...

Ахахахахахахаха!!! Так я узнала, что Виктор Васильевич ходит в туфлях на скрытой платформе и высоком каблуке.

Диэ-э-эта

Однажды в группе была профсоюзная дама. С канонической «химией», в традиционном костюме, с обычным для профсоюзных деятельниц выражением лица. Такие тетки рождаются в костюмах джерси и с пережженным перманентом. А еще рождаются только для того, чтобы портить жизнь не только себе, но и окружающим. Ну спрашивается, чего она поехала с группой из сельхозуправлений страны, если не собиралась ходить по полям, лугам и коровникам? Как только группа на поле, она капризничать: я же на каблукаааах, вы знаете, сколько эти туфли стоооят... Она своим нытьем так раздражала, что я даже хотела предложить ей, чтоб мы с еще одной переводчицей Ией сделали из сплетенных рук стульчик и таскали бы ее по полю, как раненого бойца. Вот же противная. И тупые вопросы задавала везде, ни черта не понимая в сельском хозяйстве. На нее даже шикали. Из тех, кто грамотный в этом деле. А у нас в группе были такие. (Сейчас, к слову, на их крепких спинах вообще вся Украина держится. Как древняя земля на китах и слонах. Вот кому надо звание Героя Украины давать. Они страну хлебом кормят, дешевым, между прочим! И впечатление складывается, уже не впервые, что делают они это вопреки желанию власть имущих. Ну, это тема не моей книги...) Словом, тетка профсоюзная. Везде, где кормили, начиная с самолета, она щелкала пальцами и басом тянула: «Диэ-э-эта». И все бежали к ней, как дрессированные пудели, и норовили угодить. А она ужасно гордилась, что такая эксклюзивная, что за ней так ухаживают. А на самом-то деле у британцев просто сервис налаженный, и все для клиента. Но вот в этот раз клиента им Аэрофлот прислал – не приведи Боже. Таскали ей на выбор какие-нибудь равиоли с сыром, или вареную курицу с рисом, или еще что-то заманчивое цветное из овощей. Потому что объяснить, какая такая у нее диЭЭЭта, она даже не брала на себя труда. Многие ей завидовали. Особенно я. А я вообще ела так: только закину еду какую-нибудь в рот, а тут наш чиновник вопрос задает, я этот кусок за щеку и давай переводить. Потом вообще перестала есть. Я же не хомяк еду за щеками копить. Ну вот. Как известно, в Британии не еда хорошая, а хорошие манеры. Приносят что-нибудь, не всегда аппетитное. Ну, и дама эта нос брезгливо переложит слева направо над тарелкой и как загудит: «Эй! ДиЭЭЭта!» И бегут, ей несут. И у них на кухнях обязательно оказывается что-то очень симпатичное. Для себя они, что ли, готовили... То ли паста, то ли протертый суп оранжевый, то ли просто холодный цыпленок. Все лучше, чем

баран, запеченный в собственном желудке. Ужас. Или зайчатина. Опять ужас-ужас. Я вообще-то не очень капризная, но тут я иногда отказывалась ей переводить. Нет, ну что это за диЭЭта такая, если тетка, например, вместо баранины хочет… жареной свинины?! Я так понимаю, что свинина жареная – это вовсе не диета, а она желает просто пожрать от пуза, как привыкла дома. И когда я увиливала от работы с ней, а садилась за столик подальше, она тогда рисовала официантам в блокноте. Однажды нарвалась: нарисовала свинью, довольно натурально, и официант, красавчик смуглый, вроде пакистанец, не принес ей свиную отбивную, а побежал ябедничать менеджеру отеля, что-де оскорбляют и нарушают права национальных меньшинств Соединенного Королевства. И тогда мне пришлось вмешаться, но свинью ей все равно не принесли. Диета так диета. И вот эти люди с хорошими манерами, да, везут ей тележку с разными блюдами на выбор. У них вообще принцип такой – тарелки размером чуть ли не с летающую. А она, тетка наша, каждую рассматривает, опять нюхает, что-то выбирает с брезгливой рожей, остальное ладошкой отмахивает и ест медленно. Пережевывает тщательно. Во гадина какая была профсоюзная. Зубки мелкие. Вообще. Я, может, и писателем мечтала стать, чтобы ее образ неповторимый воплотить.

Но однажды в лондонском отеле, уже перед отъездом, ужин подали на редкость нормальный. Просто абсолютно человеческая еда. Даже для Англии. Красиво сервированная. Картофельное пюре, и курица в сливочном соусе с овощами, и какое-то симпатичное многоцветье салатов. И пирожные фруктовые на десерт. И кофе пахнет кофе. Ну она опять, как обычно, скривилась, щелкнула пальцами и: «Диээээта». И уже тянется свинью рисовать. Как обычно. Но официант-афроангличанин, несколько озадаченный, быстро ушел и вернулся с самой, наверное, большой тарелкой в истории ресторанного бизнеса Великобритании, в середке которой было чем-то капнуто. Сизым с лиловым отливом. Буквально крохотная капля из кофейной ложки. И все. И все мы замерли. (Нас там, конечно, просто за форменных идиотов считали, так думаю. Хоть и обидно.) А в другой своей шоколадно-розовой ладошке он принес зеленое яблочко. Принес он все это и потянулся уносить блюдо с тем самым ужином, который был предложен всем. Ну, где картофель, курица с овощами в сливках, шампиньоны, салаты. Пирожные. Профсоюзная дама сначала уставилась клювом в сизую каплю на тарелке, а потом резво вцепилась в поднос двумя руками, приговаривая: не-не, оставьте мне это, я лучше это буду-буду…

Ну, афроангличанин не упорствовал, пожалел, наверно…

Кстати, яблочко и сизое капнутое ей тоже оставил. Все съела быстро. Ням-ням – и нету.

Не пара

Стивен из потомственной благородной фамилии Сэнсбери. Вы если только произнесете эту фамилию, вам любой англичанин с уважением и восхищением скажет: «О-о-о, Сэнсбери!! Да-да...» Словом, такой классический британец, немного холодный, немного отстраненный, очень воспитанный, образованный. (Тихо-тихо, девушки! Женат. И как говорит моя бабушка – женат, и очень!)

Он стал рассказывать, с каким нетерпением они с Фионой, женой, и дочкой Линдси ждут Рождества. Потому как в Рождество они приезжают к его родителям в поместье и весь вечер, никуда не торопясь, слушают Пёрселла.

– Пёрселл?! – подключается Петечка из моей группы, всеслышащее его ухо со школьным уровнем английского ухватывает суть беседы, которую он может поддержать, – Пёрсел, Пёрсел... – бормочет Петечка, – шо-то знакомое... А ну-ка, напой чего-нибудь!!! Sing! Sing! Ну, синг самсинг, Стива, этого Пёрселла напой!

– Спеть? – Стивен растерялся. – Но... Тут? Прямо сейчас? Вот тут, в ресторане? Но я не... Но что?

– Да что знаешь, то и пой! Синг! Синг! То, что любишь, напой, – командует Петечка.

– Ну... «Пассакалью», конечно, люблю. Нет, я не могу, не сумею... Ну вот из «Саранчи и мухи» разве что... Такой дуэт... – Стивен напевает музыкальную фразу...

– Э! И всего-то? Ничо особенного, – отмахивается Петечка (помните, надеюсь, анекдот: Карузо-Карузо! Мне Рабинович напел, ничего особенного), – вот у нас недавно новая песня появилась, «Дельфин и русалка» называется, – Петечка глубоко вздыхает и с восточными подвывами причитает: «Дельфин и Русалка – не пара, не пара, не пара...» Песню подхватывает кто-то из соотечественников, сидящих за соседним столиком.

– Оу, – вежливо, но натянуто восхищается Стивен, – оу... Питер, а что есть слово «NEPARA-NEPARA-NEPARA»?

– Ну, это, – Питер-Петечка разошелся и на своем английском: – Это рыба такая, фиш! фиш! долфин, долфин! – Петечка пальцами вытягивает себе нос, показывает дельфина, потом немыслимо изгибается и таким же жестом, каким только что вытягивал себе дельфиний нос, начинает вытягивать себе пальцами сзади и внизу русалочий хвост... – Жениться – ноу, Стивен, ноу жениться! Импосибл!

– Мэриэнн?! – Стивен совсем ничего не понимает,

испугавшись Петечкиных не совсем приличных манипуляций с носом и хвостом. – Что есть «NEPARA-NEPARA-NEPARA»?!

– Мистер Сэнсберри, «NEPARA» означает примерно следующее: «Что такой образованный юноша, как вы, делает в компании такой подозрительной девушки, как она?»

– А-а-а!!! – догадывается Стивен Сэнсбери. – Русское «NEPARA» означает французское «me€salliance»?!

– Да-да, где-то так, something like this.

Мисс Кения

Ездим по Британии в одном автобусе со студентами из Кении. Познакомились. Им хорошо и плохо. Им не нужен переводчик, но им приходится пережидать, пока я переведу все, что говорит координатор или гид.

Девушка Роуз. Красивенькая, точеная. Одета цивилизованно. Вся голова в косичках. Показывает с гордостью фотографии будто бы из дому – глиняная нищенская хижина, и ее то ли мама, то ли бабушка – замотанная в зеленую тряпочку, вся в бусах, в ушах громадные кольца, палочки, проволочки и совсем лысая – добывает огонь. Трением палочки о палочку. Оказалось, что это деревня масаи. Показательная, специально для туристов. А на самом деле девочка живет на вилле и приехала в Англию учиться с братьями. И если Роуз была очень привлекательна и сразу получила у нас имя Шоколадка, то сидящие тут же братья – огромные, с длинными нескоординированными руками и ногами, синегубые и мрачные, подозрительно блестевшие белками глаз, – Соевые Батончики. Они, как оказалось, были от разных матерей, в Кении многоженство. У отца Шоколадки и Соевых Батончиков было пока три жены, но он на этом не собирался останавливаться, поскольку домашнего рогатого скота у него было много и он мог взять себе в жены еще парочку лысых кениек. Братья не отходили от Шоколадки ни на шаг. За ужином руководитель буковинской группы чиновников Говорушко угостил их нашей отечественной водкой. Все семейство, к нашему удивлению, охотно принялось выпивать и быстро захмелело. Еще по рюмочке. И братья-батончики – брык! – вырубились. Их заботливо уложили на диваны в комнате отдыха центра. Роуз же с видимым удовольствием продолжала угощаться водкой и требовала танцевать «Кумпарситу», а Говорушко после каждого тура танго хватал ее за руку и выбрасывал ее вверх, как судья руку победившего боксера, и при этом вопил (тоже был не очень трезвый): Мисс Кения!!! Словом, беспредел... Стыдно вспомнить... Когда стемнело, Роуз перешла на суахили и возмущалась, что никто ее не понимает. Бедную пьяненькую Шоколадку тоже аккуратно уложили на диванчик. Ее братья-батончики к этому времени уже пришли в себя и сидели рядом со своей сестрой с двух сторон, как два истукана, караулили. Под диванчик рядком поставили ее маленькие туфельки.

Так они и остались в моей памяти: на длинном диване возлежит пьяная шоколадная красавица, а рядом – молчаливые отупевшие от алкоголя сфинксы, положив руки на колени и

нехорошо стреляя глазами.

Снукер

Большой развлекательный молодежный центр. *Мои* застряли в бильярдной. Час играют, второй, третий. Пришла, вежливо поинтересовалась, не нужна ли моя помощь и можно ли мне идти спать. Они, к моему удивлению, благосклонно разрешили.

Я иду к себе в номер и думаю, они такие жадные, так денег на все жалеют, а тут вдруг с такой щедростью тратят командировочные фунты на бильярд.

Оказывается, эти подлецы, купившие по скидке дрель (тогда у нас в стране не то что дрелей, у нас гвоздей даже не было), просверлили этой дрелью дырку в металлическом фунте, привязали к нему леску и бросали в щель стола снукера. После того как шары выбрасывались на стол по новой, фунт аккуратно за леску вытаскивали. И играли так всю ночь. Эти советские такие богатые – говорили служащие – всю ночь играли в бильярд.

«Птица счастья»

В молодежном центре в Ковентри всех гостей пригласили на вечер отдыха. В приглашении было написано: принесите с собой bottle-or-two. То есть бутылку или две.

Ну, мои пришли. В костюмах. На молодежный вечер. Принесли с собой каждый по два литра. Ну, бутылки такие с ручкой, чтоб ловчее держать.

А там, на этой молодежной вечеринке, главное развлечение – не танцы в темноте, а выпить хорошо и с завязанными глазами на ощупь определять, где чья попа. Правда, такая игра. И все, кто пришел, должны участвовать.

И сохранился у меня компромат: фотография секретаря обкома, который стоит… ну как лошадь в стойле, но спиной, в ряду таких же, как он, сотрудников обкомов, райкомов, исполкомов, и их всех и его лично трогают девушки с завязанными глазами. Трогают за… ну…

Короче – он недавно баллотировался. Конечно, не от той партии, от которой стоял в Великобритании… лошадью, выставив хвост, а от другой партии – от которой у нас по всем трассам билборды с его портретом. Ролики о нем по телевидению сопровождаются песней: «…выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня…» И у него там такой вид, как будто он ангел – росу пьет, пыльцу ест…

МОИ ШОТЛАНДЦЫ И ДРУГИЕ – ТОЖЕ МОИ

Из письма

И опять о деталях, нюансах, оттенках. Как-то я написала:

*Хотелось бы побывать еще хоть раз в Великобритании. Знаете ли вы, что такое джуста? А кто такой сенешаль? А ристалище? А герольд? И я тоже знаю. А еще «Инн» в Вуллере, отель в старинном деревянном просторном двухэтажном доме с маленькими серебряными колокольчиками на стене в холле. Шестнадцать колокольчиков, шестнадцать номеров. Один из колокольчиков вдруг вежливо зазвенел, значит, где-то в каком-то номере уже проснулись и просят кофе в постель… Счастливые… И вокруг желтые нарциссы, даффодилы, и холодный свежий воздух… И столько надежд впереди… В эт*ом отеле в холле целый месяц ежедневно собиралась группа людей, которые гостили в семьях, а я их ждала в этой гостинице по утрам для работы. Вечером их снова забирали семьи. А меня забирали Джейн и Джон… У них была старая собака, его звали Хани (Медовый, Милый). Он плакал по ночам, у него был ревматизм… И тогда Джейн включала ему электрогрелку, Хани становилось легче. Мы с ним очень подружились. Он провожал меня до самого «Инн» вместе с Джейн и Джоном, помахивал мне хвостом и радовался, когда я выходила из автобуса, а он с хозяевами меня ждал.

А потом в большом зале этого отеля был знатный бал и даже танцы под живой оркестр. Красиво. Там я полюбила имбирное печенье. Иногда у меня не получалось поесть в течение дня, потому что во время ланча, чая и обеда мне надо было работать, переводить. И вечером Джейн приносила мне молоко или йогурт с имбирным печеньем в постель. Джейн была женой обыкновенного фермера. В гостиной у них стоял рояль «Рёслер», и Джейн играла Шуберта, довольно лихо. А еще ездила в салоны красоты. Они, эти фермеры, подарили мне семитомник Шекспира 1803 года издания и двухтомник Бернса с иллюстрациями ручной печати, которых в мире всего 12 штук… Из фамильной библиотеки Джейн. С печатями ее предков.

В Великобритании есть наследственная культура не только книги читать и играть на роялях, а есть еще уважение и любовь к земле, возведенные в ранг политики. Поэтому работа фермера – высокооплачиваемая и с низкими налогами.

А однажды я была в имении, где родился Черчилль… Это недалеко от Оксфорда… А в Стрэтфорде побывала дважды.

А еще – в ветеринарной клинике, где видела, как кошке под наркозом снимают зубной камень ультразвуком… А собаки в Англии не лают.

А еще была в Винчестере... А потом в городе Регби, где мы с гидом Ханной (у нее родители поляки) прятались от дождя под мостом и болтали обо всем на свете. И там же стояла женщина с коляской, где спал маленький мальчик... И запах такой был чудесный – дождя, почему-то лаванды, мокрой земли... А еще – в имении Олтоурп, где родилась леди Диана, я познакомилась с ее отцом. Диана тогда еще была жива... Чарующее время...

Я вернулась, я туда опять вернулась.

Килт

Главный смысл жизни шотландцев – доказать всему миру, какие они, шотландцы, классные парни и какие *остальные* – непутевые ребята. Шотландец шутит с абсолютно серьезным, а временами скорбным выражением лица. Когда все хохочут, он с кривой скептической ухмылкой безрадостно пережидает, становясь еще печальнее, и шутит опять, вызывая новые взрывы смеха.

Шотландцы любят отличаться от англичан. И восторженно эти отличия подчеркивают. Если у англичан утренняя овсянка сладкая, значит, у шотландцев – соленая, если англичане пьют кока-колу (фффу!), то шотландцы – Айрон-брю (тоже, между прочим, фффу! – но зато местного производства, хоть и производится из бревна). У англичан файв-о-клок, где гостям подадут чашку чаю клауди, пахнущего тряпкой, и маленькое печеньице, ну хорошо, ради праздника, с орешками. У шотландцев же – high tea. Это трапеза, которая длится долго, начинается с горячего супа и оканчивается горой сладостей. До чая как такового могут и не дойти, потому что выпили уже достаточно пива, а то и виски.

На праздники англичанин надевает брюки, а шотландец их снимает.

Как известно, шотландец надевает килт, то есть клетчатую юбку, белую сорочку и короткий жакет, и в придачу жуткие толстые шерстяные гетры. Между юбкой и гетрами на кривоватых ногах торчат бледные коленки, все абсолютно несовместимое, при этом вид у шотландца бравый и умопомрачительно элегантный.

Тетушка Лиз

Эти шотландцы, Максвеллы, Джейн, Джон, Роберт, Майкл, Кейси, живущие на севере Англии в Нортумберленде, поднимают шотландский флаг у себя во дворе на все шотландские праздники, на дни рождения всех членов семьи, на Рождество и просто так, из вредности, чтобы насолить своим соседям-англичанам, с которыми, кстати, очень дружны, что не мешает им чувствовать свое превосходство, сравнивая флаги Шотландии и Англии, и шутить по поводу английского флага, что он – санитарный. (Английский флаг представляет собой красный крест на белом фоне.)

Джон Максвелл уверенно заявил, что все-таки англичане и шотландцы – это не один народ. Это два народа. И они так и остаются двумя разными народами.

– Вот, например, – признался Джон, – когда англичане играют с кем-то в футбол, – все шотландцы болеют... за их соперников. Поэтому мы часто болеем за «Динамо» из Киева. И потом, когда соперники англичан выигрывают, мы злорадно празднуем, размахивая шотландскими флагами.

Вид развернутого знамени Шотландии вызывает скупые мужские слезы даже у трезвенников, принадлежащих к знаменитой на весь мир нации. Хотя трезвенников среди шотландцев маловато. Зато талантов, великих людей – каждый второй. Выходки шотландских футбольных фанатов после победы команды вызывают одобрение, ведь они, как правило, декорированы родным стягом.

Джейн Максвелл говорит, что смысл жизни шотландца – доказать всему миру, что Британия без Шотландии ничто, что все века Британия опиралась только на шотландцев во всех сферах жизнедеятельности: в армии, в промышленности, в сельском хозяйстве, в искусстве и литературе. Когда заходит речь о национальной гордости, шотландцы, если они еще и немного выпьют, начинают загибать пальцы на своих руках и руках соседей по застолью – пальцев ведь не хватает – и перечислять великих шотландцев, не забывая Конан Дойла, Стивенсона, Джеймса Барри (автора всемирно известного Питера Пэна) и – конечно, конечно! – Роберта Бернса. При этом скромно опуская глаза и намекая на кровное родство всех шотландцев с ее величеством Елизаветой Второй. «Даже троюродный брат племянницы брата мужа сестры моей жены каждое утро по веками сложившейся традиции 15 минут играет на волынке у входа в покои королевы, пока ее величество изволит завтракать

свежим яйцом, булочкой и кофе от «Харродз». Вот так вот!

Вопрос

Вежливость британцев вызывала у меня тяжелые нервные припадки. И это на контрасте с беспардонностью людей, которых я сопровождала в поездках по Британским островам.

Прежде чем задать вопрос, Бекки осторожно и даже где-то вкрадчиво спрашивает: «Мэриэнн, можно ли задать тебе вопрос?»

Получая утвердительный ответ, Бекки, опять неловко запинаясь, с реверансами и ритуальными подскоками сам вопрос еще не задает, а кратко пересказывает его содержание. Что это касается моей страны и меня лично, и народа, к которому я принадлежу. И опять переспрашивает, так можно ли меня спросить. Я потихоньку теряю присутствие духа, но опять отвечаю утвердительно. И опять Бекки, пространно обходя, как ей кажется, острые углы, объясняет, что тем вопросом, который она собирается мне задать, она не хочет никого обидеть, и что у нее и в мыслях такого не было, и что если я передумаю, она не будет спрашивать, и что она готова тысячу раз извиниться, и что она не хотела бы, чтобы я подумала, что она...

Словом, когда у меня от такой церемонной вежливости уже голова кругом и холодок под ложечкой, Бекки спрашивает:

– Мэриэнн, а у тебя дома есть тостер и майкровейв?

У жениха – ноги

Приехала в колледж города Ковентри. Ждала группу, бродила по колледжу, занятия уже окончились, и координатор встречи предложил посетить их очень интересные курсы.

Оказалось, курсы для домохозяек.

Вел их очень строгий, при этом прямо сказочный старичок-гном, шотландец, с раскатистым р-р-р-р. Один из тортов на свадьбе принцессы Дианы и принца Чарльза был изготовлен им. В тот день темой занятий были украшения тортов для детских праздников. И для одной пожилой женщины это занятие окончилось слезами. Преподаватель поставил ей «Е», самую низкую оценку, потому что ее украшение «утенок» было на утенка не похоже.

– Должен быть маленький, легкий, задирррррристый, желтый!!! А у вас, Мэррррри, толстый, тяжелый, серррррый и с больной печенью!!!

И я пррррредставила, как бабушка придет домой, и ей не дадут сладкого, потому что на курсах она получила плохую отметку...

– А завтра, – увлеченно рррррассказывал кондитеррр, – мы будем учиться делать невесту.

– А жениха когда? – интересуюсь я

– Ну, жениха не скоро. Невеста в кринолине из глазури. Это легко. А жениха делать сложнее. Деталей больше... Ноги. Две. Туфли опять же.

«Прингл»

Мы приехали на шотландскую фабрику «Прингл». Ходили, смотрели процесс: свитера, пуловеры, женские, мужские, детские. И везде на левом рукаве вышито – «Pringle». И Роберт говорит, пойдем, посмотришь закрытую лабораторию. И мы спустились по ступенькам вниз, Роберт, мой муж Аркаша и я. А там микроклимат, и несколько девушек перед ручными станками сидят, все в одинаковых платьях с надписью на карманах «Pringle». И бейдж на груди с именем и фотографией. Прямо как в НАСА. Оказывается, в лаборатории они создают эксклюзивные модели ручной работы. И выяснилось, что одна из девушек сплела на станке свитер для принцессы Дианы. А можно посмотреть? – спросила я. Конечно, нельзя, ответила она и показала на плечиках образец, сделанный ею на машине, черный с исландской отделкой вокруг шеи и на рукавах, и на груди – три розы: красная, фиолетовая и бордовая. Свитер короткий и стильный. Ах какой свитер! Не могла от него оторваться... Я вообще-то не тряпичница и не шопоголик, но тут вот я прямо влюбилась в этот свитер. И я спросила робко, а можно себе купить такой свитер? Нет, резко ответила девушка, только через год после того, как ее высочество получит свой свитер, и только в том случае, если она его наденет.

С сожалением я ушла с фабрики и села в автобус, и была грустна ужасно.

А вечером был бал, а потом мы обменивались прощальными подарками. Я подарила Роберту бескозырку, а Роберт мне – семь томов Шекспира с иллюстрациями ручной печати 1803 года издания. Я подарила Максвеллам акварели моей подруги Лены Бирюковой, а они мне – два тома Роберта Бернса. Я – разные гуцульские украшения и вышитые предметы одежды, а Джейн сунула мне в руки подарочную коробку, и уже не было времени ее открывать, потому что я спешила на автобус к отелю «Вуллер-инн». И только в автобусе, открыв ее, я обнаружила тот самый свитер с тремя розами. Думаю, я надела его чуть раньше, чем ее высочество получила свой такой же, но ручной работы... Но об этом никто не узнал. Мне ни разу не попадалась фотография леди Ди в таком свитере. Я же свой – надевала и носила долго. Он и сейчас жив-здоров и выглядит как новенький.

Олтоурп

Кстати, о принцессе Ди.

Однажды меня пригласили сопровождать группу в Олтоурп-кэсл, имение лорда Спенсера, где родилась принцесса Уэльская.

Мы бродили сначала по саду, прошли к озеру, посмотрели замок с его старинными портретами Спенсеров, мебелью, книгами. Мы славно погуляли по замку, и тут один из наших туристов, директор управления сельскохозяйственной техники Севастьянов, отвел меня в сторонку:

– Маринк, это… Пойдем, Маринк, поможешь мне… Тут… Такое… Купить… надо мне… Кое-что…

– О! Где, – спрашиваю, – в сувенирной лавке? О! Мне тоже надо.

А он засмущался и пробормотал:

– Та не… Там… Это… Выставка одна есть продажа… Де Бирс. Так называется, де Бирс.

– Де что? Чтооо?! Бри… лли…

– Чшшшшшш… Тихо! Да-да!!!

Напомню, это было еще такое странное время, когда государство решало, сколько денег можно взять с собой за границу и какую родину любить всем сердцем, какой просто симпатизировать, а какую люто ненавидеть.

Я там чуть в обморок не грохнулась от блеска и сияния.

Я-то думала, он сейчас скромненькое колечко выберет. А он сразу пальцем – тырк – в браслет, усыпанный камнями. И мечтательно:

– От это. Для Рады…

Нет, не для той рады, о которой вы подумали. Звали его любимую женщину – Рада.

А вообще, история Севастьянова – это тема большого сентиментального романа. А в этом, пора признаться, я совсем не сильна. Но если коротко, или, как сейчас говорят, синопсис, то вот: обычный курортный роман, потом, как в моем любимом кино, они поняли, «что обрели друг друга», что это любовь. Ну такое вот. И он все резко перевернул в своей жизни. То есть не шуровал где-то там под кустом, не шатался по баням или еще каким-нибудь злачным местам или как другие, на курсы ездят. Повышения квалификации. Он – нет. Все разрубил, оставил жене и детям ВСЕ, а Раду с ее детьми забрал из ее города, сначала жили на съемной квартире, потом он поднатужился. Словом, настоящий мужчина был. Ну и любил, конечно…

Короче, мы купили Раде этот бриллиантовый браслет. И я

тогда еще подумала, что к этому браслету надо бы и платье, и обувь, и автомобиль, и охрану, и виллу... А потом посмотрела внимательно на Севастьянова и подумала, что главное у нее есть, у Рады. Остальное уже неважно. Как говорится, она и без черевичек...

Ну, словом, ослепленная блеском «Де Бирс», покачиваясь, я еле выбралась из магазина и вдруг увидела прекрасную картину. На белой лошади верхом въезжал во внутренний двор поместья крупный полноватый дяденька в высоких узких сапогах для верховой езды, зеленой шерстяной кофте на пуговицах и в жокейской кепочке. А лошадь под уздцы вел совсем древний, но очень стройный красивый дедушка в поношенном странного кроя сюртуке. Всадник спешился, аккуратно ступив ногой на специальное деревянное приспособление, опираясь на руку деда, и спустился в подвал.

И несмотря на то, что мне тогда уже было ого сколько лет, я впервые в жизни погладила лошадь. И с ужасом подумала, что могла бы упустить такой шанс. И тут же навсегда это запомнила. И теперь, когда мне выдается удача погладить лошадь, я всегда вспоминаю ту, белую лошадь в Олтоурп-кэсл. И как фыркала тихонько, как ее спинка подрагивала мелкой волной. Это потрясающее ощущение, и, если бы я умела писать стихи, я бы написала что-то о ее велюровой теплой шкурке и шелковистой, но жесткой гриве, о мягких влажных губах, о лиловых чернильных влажных глазах... И еще о том, как лошадь кивала и шаркала ножкой: «Hello! Hello!» И в тот момент я вообще забыла, где я, какие у меня обязанности, кто я... так бы и обнимала лошадь за шею. А она бы ножкой шарк-шарк и головой: «Привет! Привет!»

– Что ты тут стоишь?! Побежали за ним! – подбежал запыхавшийся Дуглас. – Вот удача! Он приехал! К счастью, мы знакомы, он патронирует нашу молодежную организацию, бежим, я тебя представлю! Быстрей! Давай! Ну пошли, оставь уже эту лошадь. Лошадей ты еще увидишь, а лорд Спенсер – один!

– Сэр, – сказал Дуглас, – это Мэриэнн.

– Мэриэнн, это лорд Спенсер.

(Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса.)

– Как поживаете, Мэриэнн? – поздоровался лорд в домашней зеленой кофте.

– Спасибо, сэр, хорошо, – ответила я, пожимая большую теплую ладонь и чуть-чуть приседая. – А вы как поживаете?

И тут – внимание! Притом что я безобразно близорука, моя зрительная память очень цепкая. И вот она, прямо как компьютер, перебрав все варианты, подсовывает мне картинку, где этот самый дяденька ведет свою дочь-невесту к алтарю. Ну да, ну да!

Это был отец ее высочества принцессы Уэльской леди Дианы лорд Спенсер.

– Позовите Майкла, – распорядился лорд куда-то в двери через плечо. – Сейчас придет Майкл, – потирая ладони, пообещал сэр Спенсер и кивнул на что-то странное, лохматое, висящее на боковой деревянной панели над большим основательным и высоким столом.

Пришел маленький, робкий, стеснительный Майкл, тот самый дедушка в длинном сюртуке, щуплый мальчик очень преклонного возраста.

– Кам он, Майкл, – сказал лорд, – начнем.

Майкл прошел за стол, снял *лохматое* с панели и нацепил себе на лицо. Это была искусственная, довольно потрепанная, кудлатая, видавшая виды седая борода.

Что-то в этом всем действе было нереальное – пожилые достойные люди, один в домашней кофте, тем более зеленой, второй – в ветхом сюртуке, устраивают какое-то детсадовское шоу. А оказалось – как всегда – тра-ди-ци-я.

Да-да, банально. В тысячный. В миллионный раз говорить, что Британия – страна традиций. Но поражает это удивительное бережное отношение ко времени, к прошлому своего дома – чтоб ничего и никого не забыть, чтоб и дети, и внуки…

Отец невесты Дугласа Вуда, адвокат Саймон Беннет, сказал как-то за обедом с почтением и скорбью в голосе: мы, британские адвокаты, носим черные мантии не просто так, а в знак траура по безвременно умершей королеве Мэри, супруге Вильяма Третьего.

– А… А когда ее величество… эээ… упокоилась? – осторожно спросила я, такая печальная тишина повисла над столом от слов мистера Беннета.

– Как это «когда»?! – возмутилась его дочь, невеста Дугласа. – В 1694 году, конечно!

На мой немой вопрос адвокат Беннет развел руками:

– Ну и что?! Да, это было давно. Но мы все равно носим траур. Потому что так принято. Такова традиция.

Майкл разлил вино и раздал всем чуть влажные запотевшие бокалы, я сделала глоток, поставила бокал на поднос и полезла в сумку за платком, чтобы вытереть влажные пальцы. Но в этот же миг ко мне подскочил Майкл и, вытянув вперед подбородок, подставил бороду: вытирайте, мисс. Так принято. Такая традиция…

Потом мы снова вернулись в замок: Рубенс, Ван Дейк, Рейнольдс. Старинная керамика и мебель. Большая библиотека с кожаными креслами, гостиная с галереями, дубовые лестницы и зал, где для посетителей в Рождество наряжают елку и угощают

рождественским обедом. Бизнес – налоги на землю, сад и конюшни, и овес нынче дорог...

Словом, ничего особенного, по сравнению с винным погребком, сэром Джоном Спенсером, его белой лошадкой и фальшивой бородой старого чопорного лакея.

Туристы, ожидавшие своей экскурсии, весело играли, бросая друг другу соломенную шляпу с большими полями. Лужайка зеленела и манила, в огромном саду перекликались птицы, удобные тропинки вели к старому пруду... И ее высочество леди Диана тогда была еще жива, молода и восхитительна, но уже несчастна...

А восьмидесятилетний лорд Спенсер был печален и думал, вот если бы хотя бы пятьдесят... Ну шестьдесят... Ну ладно, ну пусть хотя бы семьдесят... И не знал тогда, что через несколько лет так трагично и нелепо рухнет жизнь его любимой дочери.

Автобус наш выехал за ворота имения, прекрасный день клонился к вечеру, а над утомленным Олтоурп-кэсл сгущались тучи. Англия: утром – солнце, в полдень – дождь. Радуйтесь доброй погоде, ваше высочество принцесса Уэльская, радуйтесь, лорд Спенсер. Над вашим домом собирается буря...

БЛИНЫ, СОСЕДКА МЭРИ И ЧАК ГОРДОН БАРНС

Баклуши по-английски

Когда мои дети спросили, что же мне запомнилось больше всего, что понравилось больше всего в Великобритании, я ответила сразу, не задумываясь и однозначно: это был день, когда я никуда не пошла, никуда не поехала, ничего не переводила, а осталась в имении Максвеллов и била баклуши.

Бить баклуши по-английски – это значит: помогать хозяйке дома Джейн приготовить еду на пятерых наемных рабочих, одну довольно прожорливую гостью и пять членов семьи – сыновья хоть и жили в отдельных коттеджах, но исправно приходили в центральную усадьбу на завтрак, ланч, файв-о-клок и обед. Кстати, у них в холле между входом в столовую и кухню (одну из самых симпатичных кухонь, какие я в своей жизни видела) на невысоком столике с гнутыми ножками стоял старинный гонг. И когда дом был полон людей, в него лупили что есть силы за пару минут до начала трапезы. А к вечеру дня, когда я била баклуши, в дом были приглашены гости посмотреть на живую русскую.

Эти соседи-англичане напросились сами. Мы встретили Мэри по дороге домой, и нас друг другу представили. Она была так ошеломлена – и, не скрывая изумления, рассматривала меня, как говорящую обезьяну. А сама, к слову, ходила по своему садику в халате, в теплом платке на пояснице и в косынке, кое-как завязанной под подбородком, – ну чисто обычная бабушка из молдавского села. Она трогала мое пальто, рассматривала сапоги, перчатки, сумку и не верила, и спрашивала: нет, ну правда, ты из России?

– Неправда, – отвечала я. – Я с Украины.

Ну и как многие, она тут же спрашивала, а где это, и далеко ли находится Сибирь от моего дома.

И вот тогда галантный Роберт предложил:

– А почему бы вам не зайти к нам?

И Мэри склонила голову и ответила, как Винни-Пух, что до вторника она абсолютно свободна и они с мужем будут рады.

И Роберт вежливо поклонился и ответил, что его родители, а также их гостья, тоже будут счастливы...

А Мэри приветливо ответила...

А Роберт галантно ответил...

Я вертела головой то на одного, то на другого, как будто они играли в теннис. А они совершали ритуальные поклоны: Мэри – Роберт, Роберт – Мэри. Пинг-понг. Понг-пинг!

Я так радовалась выходному дню – словами не передать. Потому что люди, которых я тогда сопровождала, вели себя так,

как будто их насильно в Британию привезли. Причем британская сторона приглашала молодых фермеров, а поехали, как всегда, чиновники. В делегацию молодых фермеров в тот раз входил не только весь руководящий состав областного сельхозуправления, но и приближенные к ним люди: главврач, секретарь одного из райкомов партии, начальник станции техобслуживания автомобилей, дочь какого-то Большого человека и жена брата Большого человека. Палитра выражения лиц этих «молодых фермеров» была от сурового до кислого, от подозрительного до высокомерного. Меня даже репортер телевидения в Вуллере спросил: а почему ваши молодые фермеры такие немолодые? И мне пришлось выкручиваться, краснея от неловкости. А они стояли, надутые и величественные, с портфелями. Вот пусть теперь сами, подумала мстительно я и, как только случилась возможность, осталась.

С самого утра три черно-белые собаки и я пошли относить ланч Джону и его мальчикам в павильоны, где доят коров. Сначала собаки предложили поехать на машине – у них есть своя машина, у собак. Ну то есть собаки дисциплинированно запрыгнули в кузов пикапа, сели на хвосты и ждали, вывалив яркие свои языки, предполагая, что кто-то из нас четверых должен сесть за руль. А почему я? – пожала плечами я. Ну не я же, обиделась старшая собака. Тогда я предложила пойти пешком, причем словами предложила, помахивая рукой для убедительности, и, кстати, по-русски предложила, но собаки поняли, и мы с ними построились в колонну по двое и побрели по дороге, наслаждаясь прозрачным солнечным утром и восхитительными видами.

Никогда-никогда в жизни у меня не было такой прекрасной компании для прогулки. Мы шествовали чинно, не перегавкиваясь, не переругиваясь и не отвлекаясь на запахи и проезжающие мимо машины. Причем собаки, приветливо заглядывая мне в лицо, вели себя как гостеприимные хозяева, и я полностью положилась на их знание маршрута, и рядом с ними была уверена в своей безопасности. По дороге мы встретили семью, родители ехали верхом на лошадях, а девочка – на пони.

– Morning, – приветливо поздоровались всадники.

– Morning, – ответили мы.

– Хорошая погода для пешей прогулки, – по-свойски заметил отец семейства.

– Прекрасная погода для прогулки верхом, – ответили мы.

– Еще бы, – хвастливо отозвалась леди, – два часа верхом – и вы другой человек. Разве вы не ездите верхом? Попробуйте.

А девочка ничего не сказала, она только улыбалась, и ее

шоколадный пони тоже очень смешно выворачивал верхнюю губу и скалил зубы.

Мы, продолжив свой путь, весело помахивая хвостами, прошли мимо дома Мэри, по тропинке пересекли поле и вышли к павильону.

Вот вы видели когда-нибудь павильон космонавтики на ВДНХ?

Вот. Блестящая поскрипывающая чистота. Металл везде. Простор и загадочные аппараты.

Коровы – чистые, нарядные, спокойные, как выпускницы частной школы для девушек, приседали в реверансах на соседнем пастбище, молоко по трубам уже ушло *куда-то, и* его уже увез *кто-то* на *каком-то* большом молоковозе. Дальнейшая судьба молока известна только старшему семьи Джону, поскольку именно он ведет бухгалтерию.

Кстати, спустя много лет, после того как ферма Максвеллов пережила эпидемию коровьего бешенства и они начали все с самого начала, к тому времени младший сын Джон уже окончил колледж и построил небольшой завод по переработке молока. Теперь у Максвеллов есть свой личный бренд – фирменное масло и йогурт, а также фирменное мороженое со вкусом пива – дань кулинарным пристрастиям истинных шотландцев.

Кстати, однажды я сопровождала одного председателя фермерского хозяйства, Гришу Туруна, ох что с ним творилось – у него была настоящая истерика, когда он вошел вот в такой павильон: каждая корова подходила на вечернюю дойку к своему месту, где на маленьком дисплее светился номер, в свою очередь, выбитый на специальной клипсе на ухе коровы. И Гриша бегал на улицу курить, руки у него дрожали, в глазах блестели слезы, и он, нервно хлопая себя по карманам в поисках зажигалки, заикаясь, с надрывом шептал: «Г-г-где мухи, где з-з-з-з-запах, м-м-м-мухи! М-м-м-м-мухи где?!»

И много чего еще он шептал, в основном, конечно, слова, которые в таких случаях лежат на поверхности, но их я тут цитировать не буду.

А через несколько лет у Гриши уже было шесть таких павильонов. Вот так вот!

А в тот день, когда собаки привели меня домой, мы с Джейн стали возиться на кухне – Джейн варила в кастрюле брюссельскую капусту и еще какие-то овощи, варила долго, как ее учила мама. Писал же американский писатель Кельвин Триллин, что даже сейчас английскую девушку учат варить овощи долго, как минимум полтора месяца, на тот случай, если один из гостей забудет захватить с собой зубы. Потом Джейн это все зеленое

мяла ступкой – мяла, мяла, потом кастрюлю с зеленым закрыла пищевой пленкой и удовлетворенно вздохнула: все, обед готов.

Нет-нет, на обед Джейн еще приготовила тушеную говядину и йоркширский пудинг. Это такое эмм… такое… ну, пусть, назовем это пирогом. Это, значит, пирог из заварного теста – как основа, которую мы дома печем для эклеров, так? Да, значит, пирог. Из заварного теста, такая лепешка, внутри полая… Ну и все. Это и есть легендарный йоркширский пудинг. (Алиса, это пудинг… Ах вот вы какой, пууудинг…) Его поливают мясной подливой, этот пудинг.

Короче, с сомнением покосившись на кастрюльку с зеленым, я энергично взялась за дело и напекла гору блинов, а икру – и черную, и красную – я предусмотрительно привезла с собой. Причем когда я их пекла, Максвеллы – солидный отец семейства, трое парней от 25 до 35 лет, которые к обеду вернулись домой, и девочка, двадцатилетняя племянница Джейн, сирота, студентка с фарфоровым личиком, прелестная и тоненькая Кейси – вели себя точно так же, как все мы – моя сестра, мой муж, мой сын, племянница, мой папа – у нас дома, когда мама пекла блины, – то есть забегали в кухню на манящий аппетитный запах и потихоньку таскали с блюда, обжигаясь и хихикая.

Стол в столовой накрыли скатертью такой площади, что ею можно было покрыть футбольное поле. И хотя гостей пришло достаточно много – за столом все поместились и сидели просторно. Атмосфера была непринужденной, манеры – должными, еда – вкусной. С явным превосходством выигрывали мои блины, которые почему-то были объявлены перед подачей моим семейным традиционным национальным блюдом. Хотя это не совсем так. Но я не возражала. Просто фаршированную рыбу или красный борщ, или плов, или пельмени, или вареники готовить гораздо дольше.

После обеда, как и полагается, все уселись в каминной, камин, естественно, был зажжен, подали чай, кофе, пирог с малиной, мужчинам предложили сигары – ффу! – и пошел разговор.

Говорят, что основная тема американцев – geographical links – спрашивают, а откуда вы? Потом они интересуются, далеко ли это от Москвы, и вне зависимости от твоего ответа, что да, очень далеко, с радостью делятся: «Оооо, брат дяди моей жены когда-то ухаживал за девушкой, которая тоже жила в Москве. Но они расстались, потому что в Москве очень холодно, а брат дяди моей жены – теплолюбивый. Теперь он живет в Австралии».

Насчет американцев в это можно поверить. Не раз в этом убеждалась. А вот то, что основная тема разговора англичан –

погода, не верьте.

– Мэриэнн, а вы агент Кей Джи Би? – спросила Противная Мэри.

– Нет, – ответила я и обиделась. – Я даже не знаю, где находится офис.

– Ну так ведь не обязательно знать, где находится офис, у вас же агенты надевают резиновые длинные плащи, берут в руки корзинки с яблоками и встречаются на мостах, в метро, на явочных квартирах…

– А хотите, мы покажем вам, где находятся наши ракетные инстолейшнз? – подмигнул мне муж Противной Мэри, Противный Джордж. – Для вашей работы… Вас повысят в звании…

– Все вы там коммунисты, – безапелляционно отмахнулась лапкой Противная Мэри, – у вас ядерное оружие.

Я так расстроилась, как будто меня обвинили в том, что ядерные боеголовки ждут своего часа прямо у меня дома на балконе.

Я ужасно обиделась, и мне захотелось домой к маме.

Между прочим, когда мне плохо или мне не по себе, или я болею, я всегда хочу к маме, и сейчас тоже, хотя сама уже мама и уже – ой! – даже бабушка.

– Не обижайся, Мэриэнн, – успокаивала меня Джейн после ухода Противных Мэри и Джорджа, – что с них взять, они ведь англичане.

– Да ладно, не волнуйся, они хорошие ребята и никому не скажут, что ты работаешь на Кей Джи Би, – пошутил кто-то из Максвеллов.

На следующий вечер, когда я приехала с работы домой, я обнаружила в просторной кухне корзину.

– Вот, – хитро улыбаясь, Джейн протянула мне открытку с алым толстым смеющимся сердцем: «Простите нас! Виной всему ваша пеппер-водка». (Пеппер-водкой они назвали нашу перцовку, привезенную мной в подарок, с перчиком внутри, которой они угощались до и после обеда. Во время трапезы пить крепкий алкоголь у Максвеллов было не принято.)

А в корзине спал Чак. Потрясающей красоты и обаяния душистый теплый щенок бодер-колли, черный с белым подбородком, с толстыми многообещающими лапами. Малыш раскрыл сизые бессмысленные сонные глаза, и я влюбилась раз и навсегда. Я взяла его под пузо, придерживая второй рукой под попу, а он счастливо тявкнул, задрал морду и облизал мне подбородок.

Он, как и подобает порядочному собачьему ребенку, имел отменный аппетит, любил всех вокруг и от избытка радости

повизгивал и писал везде, куда мог достать.

Тогда я не смогла его вывезти, потому что еще какое-то время мне пришлось работать и жить в других английских городах, и возить с собой малыша Чака не было возможности. И потом мне не хватило бы моего переводческого гонорара на специальную, обязательную тогда по правилам перевозки животных клетку, на обследование щенка у ветврача, обязательные прививки и двухнедельное его содержание в карантине в Москве.

Чак остался жить у Максвеллов, и в каждом письме Джейн, или Роберт, или Кейси обязательно присылали его фотографию и отпечаток лапки. Отпечаток становился от письма к письму все больше и солиднее. Чак вырос настоящим другом и помощником и даже стал чемпионом среди собак-пастухов на больших традиционных соревнованиях. Максвеллы писали, что он, сообразительный и чуткий, понимал команды, поданные не только голосом, свистом, жестом, но еще и взглядом и даже мысленно.

На одной фотографии, которую мне прислали Максвеллы, полный достоинства, с медалями на ошейнике гордый красавец Чак во время награждения улыбался. Причем улыбался по-настоящему. Как могут улыбаться только самые добрые, любящие, благородные существа – собаки, лошади, дельфины… И мои родители.

* * *

Через полтора года в самое трудное для меня время вдруг поздно вечером к нам домой приехали с ближайшей заставы два офицера. Один из них, замечательный Грыгоровыч, на груди под бушлатом принес мне подарок – любовь. Любовь в чистом ее виде, бескорыстную, самоотверженную, жертвенную любовь. Нет-нет, Грыгоровыч со своими чувствами тут ни при чем. Это был двухнедельный щенок шотландской колли и немецкой овчарки.

Никаких сомнений по поводу выбора его имени не возникло. Я назвала его Чак Гордон Барнс.

«У меня есть собака, значит, у меня есть душа…»

*Эту главку моей книги я бы хотела посвятить их памяти. Вашей – бодер-колли Чак Гордон Барнс из Нортумберленда, и Вам, друг мой, душа моя, любовь и скорбь моя, Чак Гордон Барнс, сын благородной колли Чейни и пограничной овчарки Барон*а.

У меня есть собака, верней,
У меня есть кусок души,
А не просто собака.
Я люблю ее и порой
Очень сочувствую ей:
Нет собаки у бедной собаки моей.
И вот, когда мне бывает грустно…
А знаешь ли ты, что значит собака,
Когда тебе грустно?
…И вот, когда мне бывает грустно,
Я обнимаю ее за шею
И говорю ей:
«Собака,
Хочешь, я буду твоей собакой!»

(Хулио Сесар Сильвайн)

Мать Чака-второго – из высокородной семьи колли, где каждое поколение было отмечено медалями и розетками за красоту и смышленость, за музыкальность и профессионализм на различных международных выставках и конкурсах.

В XVIII или в XIX веке барышни из вельможных благопристойных семей вдруг сбегали из дому с блистательными офицерами, а потом через некоторое время возвращались к папеньке с маменькой, потеряв веру в мужчин, но приобретя опыт, горькие знания о несовершенстве мира за пределами усадьбы и младенца в голубом или розовом чепчике. Почти то же самое и произошло с матерью Чака Г. Барнса, колли по имени Чейни, юной девушкой с огненной гривой, белоснежным воротником и шелковистыми боками.

Хозяин прелестной Чейни, человек военный и подневольный, должен был уехать в командировку на целых два месяца. А хозяйка колли должна была ехать в другой город нянчить внучку, только родившуюся, маленькую. Ну и Чейни уговорили два месяца пожить у друзей ее хозяев в деревне. Ей говорили: Чейни,

ты даже не представляешь, какая там красота – там воздух, там природа, там даже есть овечки. Будешь с ними играть. Там еще цветы, огород. И корова есть. Тебе понравится, вот увидишь. И Чейни согласилась. Одного хозяева не учли. У друзей была овчарка, заслуженный пограничник, отважный герой, закаленный в погонях, драках и боях на границе, Барон. Красавец самоуверенный, с широкой грудью, сильными лапами, прямым смелым взглядом и немного хвастун. Что уж там. Нет, а почему нет? Он в любое время суток, если надо, вскакивал по щелчку. И если надо – в воду зимой, если надо – через ночной лес...

Ну и вот. Привезли в тот день Барона со службы домой поздно – преследовал нарушителя через пахоту. Потом с молодежью встреча была. Опытом делился с ними. Школьников привезли, Барон демонстрировал, как задерживать нарушителя. А потом шутки шутил всякие – лейтенант Вотяков, его хозяин, ему: «Умри!» Пес – брык! И дети – хохотать! Так что в тот день Барон устал как собака. И даже вообще не в курсе, что в доме кто-то есть. Он ведь в вольере жил – у него же своя жилплощадь. Правда, запах такой дразнящий, фиалки там, весна... Чего-то вообще сердце стало вдруг бухать, напоминать, мол, служба службой, а жизнь проходит...

Ну тут вдруг на крыльцо вышла Чейни... Барон сначала вообще замолчал и подумал, что теперь будет молчать всегда. Он так на нее пялился, склоняя голову то к правому боку, то к левому! А Чейни, там что ни возьми – ну совершенство. Там лапки, там носик – длинный такой, там шерстка. Манеры. Барон – каблуками щелк! Отрекомендовался четко, мол, детка, я старый солдат и не знаю слов любви...

Ну и потом прекрасную Чейни тоже в вольер подселили, в соседний. И между Бароном и Чейни – стеночка. Да ну, цирк, а не стеночка, – ну метра два – два с половиной, ну три... Так он эту стеночку, не разбегаясь вообще...

Словом, когда Чейни забрали домой, через некоторое время и родился щенок, которого мы нарекли Чаком Гордоном Барнсом. От матери он унаследовал роскошную рыжую шерсть, доброту, любовь к детям и ласковые маслиновые глаза, а от своего отца Барона – смекалку, силу и все важные качества, которыми должен обладать настоящий мужчина.

И все семнадцать лет рядом со мной и моими детьми он доказывал поступками своими преданность, верность и беззаветную любовь. Любовь в чистом ее виде, без примесей...

ПРИВИДЕНИЯ, КОРОЛИ, КАПУСТА И ДРУГИЕ ОВОЩИ

Духи неуспокоенных

Британские привидения хорошо сохранились, прилично устроились и неплохо выглядят. Мало в какой стране могло найти приют такое количество привидений. Каким образом? А только потому, что британцы в них верят. Именно поэтому британские привидения оправдывают надежды.

Да, привидения. Тут и там. Ошиваются где ни попадя. Одни ездят верхом, другие вышагивают, как на параде, и звенят шпорами, третьи мотаются босые, одетые в рубище, и тягают за собой свои отрубленные головы, поют, читают стихи, ноют, ругаются, сквернословят, гремят цепями и воют в каминных трубах... Розовые, серые и черные леди, юные печальные влюбленные красотки-утопленницы, коварные плохо кончившие усатые интриганы, незаконнорожденные малютки – бастарды, и погибшие за королей рыцари...

У них, у британских привидений, вообще-то очень суетная жизнь. Когда в поместье Максвеллов, где я жила какое-то время, поздно вечером я полезла осматривать нежилое крыло, вдруг мимо меня, не обращая даже никакого внимания, – а на мне-то была новая кофточка! – вдруг деловитой, даже суетливой походкой с легким топотом пробежал какой-то прозрачный дяденька в съехавшем набок парике, в смешных панталонах, бренча связкой огромных старинных ключей. А когда я вслед сказала ему: «Э-э... Сэр?» – он, не оглядываясь, буркнул: – Get away! То есть «уйди с дороги».

И с размаху унесся сквозь несущую стену. А стены там – ого! – ядро остановят, такие там стены.

И когда я наябедничала хозяйке про незарегистрированного жильца, она, озабоченная выпеканием йоркширского пудинга (кстати, ну ничего особенного), отмахнулась только:

– Ай, мало ли их тут бегает, стоит ли обращать на них внимание...

Оно, это существо, так и шастало за стенкой весь месяц, пока я жила у Максвеллов, особенно шумно топало и ворчало в полнолуние, будя при этом обитателей дома, гостей и собак.

* * *

Британия буквально нашпигована привидениями. Ну немудрено! Что вытворяли эти короли, их фавориты, потом лорды, алчные, эгоистичные, вероломные, порочные, мнившие

себя чуть ли не богами, уму ведь непостижимо – вершили судьбы, не ведая чувств человеческих, замуровывали несимпатичных им людей прямо целыми семьями, нанимали убийц с кривыми ножами, писали подметные письма, подсыпали яд, рубили головы ближайшим родственникам. Ну, словом, вели себя прямолинейно и непосредственно. Не нравится – голову долой.

Дети же королевских кровей, иногда всходившие на трон, еще даже не умея ходить, росли, как в джунглях: все вокруг так и норовили их сожрать, совершить покушение, сдернуть корону и выдернуть из-под маленькой, но венценосной попки трон. А потом, если юный король все-таки ухитрялся выжить, все удивлялись, отчего это он или она такие безжалостные и неугомонные.

А родственнички? Да куда ни заглянуть бы, в какую историческую эпоху ни всмотреться, обязательно за каким-нибудь гобеленом или портьерой таится чей-нибудь коварный дядя. С бородкой, как у знаменитого волокиты короля Чарли, ядовитой ухмылкой и плохими намерениями.

Поэтому и кишит Британия духами неуспокоенных.

Красотка Мод

Ну вот, например, однажды внук Вильгельма Завоевателя, Генрих I, перед смертью взял с баронов своих обещание, что они признают королевой его дочь Матильду. Ну бароны, как это обычно бывает, решили: а че это вдруг?! Какая-то капризная Матильда? И сама так себе, и имечко для королевы никакое. А вот лучше посадим-ка мы на трон Стефана. Красавца. Тем более и предвыборная программа у него конкретная, потом откаты, то-се... Ой, о чем это я? Увлеклась. Да. Словом, короновали Стефана. И вот что я вам скажу: это ведь зависть, ревность. Эти бароны, вруны и лицемеры, что подумали! Так, тихо, это что ж такое – жен-щи-ну на трон?! Зная, что испокон веков женщины хотя и вершили государственные дела лучше, благоразумнее, обстоятельней, чем мужчины, но при этом гораздо искуснее и тоньше интриговали, изощреннее плели заговоры и мстили, и никогда и ничего не оставляли без расплаты. То есть они, бароны, почувствовали опасность для своих кошелей, судеб, влияния, свободы и жизни, в конце концов. Поэтому судьба трона была решена еще до того, как внук Вильгельма Завоевателя сделал первый свой шаг к вечности, подавившись рыбной костью. Сын Стефана, нового короля, Иоанн стал клеиться к дочери Генриха I. Матильда, прекрасная вдова, конечно, только плечиками пожала, мол, еще чего! И тогда жалкие, ничтожные, мстительные... ох, какое бы слово похлеще найти, изменщики заточили в темницу красотку Мод, как звали ее тюремщики. И потом, чтоб Матильда не досталась вообще никому, Иоанн ее взял и отравил. Н-да, нравы были еще те...

А что покойный Генрих? Узнав *по своим каналам* о роли бывших подданных в судьбе несчастной своей дочери Матильды, возмущенный Генрих, Матильдин папа, очень на том свете огорчился и даже обиделся. И стал *являться*. У них, у обиженных британских королей, мода такая была, чуть что с ними не так – разобидеться и *являться*. Мерещиться и грезиться.

Полночь: Бомммм.... Бомммммм... Бомммм... Шорох. Легкие шаги. *Явился*. Стоииит.... Колыышется... Сколько баронов в истерике бились, каялись. А что уже каяться?! Поздно, батеньки. Так до сих пор Генрих и бегает по ночам к их потомкам. Там даже поверье пошло: к кому Генрих ни являлся, тот самозванец, а не барон.

А Генрих свою работу знал, как штык являлся.

Между прочим, вот как надо защищать своих детей! И я решила, если вдруг кто моих детей обидит, тоже буду являться.

Стоять в проеме окна ночью. Прозрачная, красивая, в платье, ну том, из бутика, с вышитым рукавом. Буду стоять, колыхаться, мерещиться и грезиться, и пальцем грозить. Как Генрих.

Страшно?! Аааа.. Не обижайте моих детей! Я предупредила. Dixi.

Девятидневная королева

Полагаю, что самое достойное привидение Британии – леди Джейн Грей.

Она, маленькая и легкая, по Тауэру носится: является в разных темных углах то тут, то там. Грезится и мерещится чуть ли не ежедневно. Смириться никак не может.

Причудлива память истории. Некоторые имена и события запечатлены ею в мельчайших деталях только из-за изощренных интриг или одиозных поступков. Ну, например, Алиса Перрес, любовница Эдуарда III. Та еще тетка – властвовала в королевстве как хотела. И даже не побрезговала стырить драгоценные перстни его величества прямо с холодеющих его перстов.

А вот теперь о леди Джейн – юной прелестной королеве на девять дней, маленькой леди Джейн, внучке Марии Тюдор и племяннице Генриха VIII.

Кристофер Дэниэл пишет в своей книге, уверенно и самодовольно, что у нее, у леди Джейн Грей, напрочь отсутствовали качества, необходимые для королевы, что шестнадцатилетняя Джейн даже не понимала, что играют ею, как шахматной фигуркой. Ребенок-марионетка, которого умело дергали за ниточки коварные руки лорда Нортумберленда.

Та-ак… Разрешите возразить, сэр Кристофер! Отсутствие необходимых королевских качеств, по-вашему, это каких? Неумение интриговать, нежелание посылать на плаху и на костер, отсутствие болезненных параноидальных, присущих королям амбиций, ущербности, похотливости, склонности к садизму?

Девочка возраста моей дочери, щуплый нежный росточек. Никто, включая ее родителей, так и не понял, с кем рядом жил.

Мать ее, леди Френсис, регулярно и с удовольствием колотила девочку, стегала розгами. И все это в воспитательных целях, для чего в доме наличествовало даже кресло специального дизайна.

А девочка была покорная, смирная и застенчивая, и при этом умная, блестяще образованная – кроме знания естественных наук и философии, говорила и читала на древнегреческом, латыни, иврите. (Да, а что?!) Была убежденной доброй протестанткой.

Может быть, именно такой и должна быть королева?

Джейн и ее юный муж были арестованы и помещены в зловещий Тауэр. И после недолгих колебаний опытная, познавшая жизнь, злобная и коварная единокровная тетка маленькой Джейн, облеченная властью, из личных интересов, из страха перед отвагой, благородством и доблестью юности,

казнила детей. Прилюдно. Девочку и мальчика. Леди Джейн Грей и ее возлюбленного мужа Гилфорда Дадли.

Вероятно, народ Британии просто не заслужил тогда еще такую королеву, а девочка, как это не раз было в истории, родилась раньше своего времени.

Девочка и тетка ее совершенно по-разному понимали королевский девиз: «Долг превыше всего». И поэтому маленькая Джейн вошла в историю под именем девятидневной королевы, а ее тетка как одна из самых жестоких английских королев – под именем Кровавая Мэри.

Маргарита Шотландская

Экскурсию в крохотной часовне, куда с трудом может поместиться человек двадцать, и только плечом к плечу, проводил древний-древний старик. Рррраскатисто и возвышенно говорил он о прекрасной Маргарите, так искренне, с такой нежностью, с таким глубоким почтением, что даже возникло у меня предположение, а не влюблен ли он часом в благороднейшую из королев и человек ли он вообще...

Когда мы выходили, я поблагодарила его от всей души и тихонько тронула его за рукав. Мои пальцы не провалились в пустоту... Дедушка этот был не привидение. Он просто любил. Любил историю своей страны и гордился ею...

Артур

Рыцарский орден Круглого стола – первое в истории мужское братство. Одна из самых притягательных легенд Британии. Прекрасная история о любви, верности, отваге и чести.

Винчестер – столица древнего королевства Уэссекс. Здесь был построен один из замков Вильгельма Завоевателя, от которого сохранился большой зал, на стене которого висит крышка знаменитого круглого стола. Ну, как уклончиво отвечают гиды на вопрос «тот самый стол?!», a kind of.

В Британии ведь было как – стоило только пошатнуться королевскому трону, или кризис случался, например, или еще какие-то неприятности, сразу вмешивался какой-нибудь волшебник.

В случае с королем Артуром возник Мерлин, волшебник, живший, как он сам утверждал, во встречном времени.

Под покровом ночи старик в черном плаще, с белой бородой, увез от опасности младенца, завернутого в пурпурную мантию. И вырос мальчик среди долин и озер, и вынул меч из теснин. И восславили герольды нового короля.

Король Артур. Легенда. Как Тристан и Изольда. Как Робин Гуд. А ведь наверняка он был, существовал – британцы свято верят, что, когда понадобится, он придет, он вернется. И наверняка был красив и чертовски изобретателен и умен. Потому что придумал круглый стол, чтобы уравнять всех своих рыцарей. В древние времена было плохой приметой, когда людей, сидящих за одним столом, разделял угол. Пожалуй, еще и не только для этого. Круглый стол имел магический смысл. Рыцари, садясь вокруг стола, замыкали свои силы, умы, чувства, и рождались мысли, принимались решения. Вон же он, их круглый стол. Король сидел за ним, опершись локтями о столешницу, рыцарь Пеллинор мог случайно пролить вино (вон там, какое-то темное пятно), рыцарь Гавейн в задумчивости тер столешницу ладонью. Ланселот, конечно, сидел напротив короля, глаза в глаза, конечно – напротив... нет, стоп, напротив сажали гостей. Или врагов, которые приезжали в Камелот с ультиматумами... И над всем этим царил неукротимый, непокорный, вольнолюбивый дух Мерлина. Мерлин, Мерлин... Он прекрасно знал грядущее и мог, если что, подсказать, намекнуть или дать консультацию. Но вот прошлое, как его, так и его подопечных, было для него закрыто. Конечно, там же, рядом с ним, в поле его деятельности суетилась парочка злых волшебниц, как же без них. Именно это обстоятельство и подсказало мне печальную уверенность, что

легенды о рыцарях Круглого стола, об их самоотверженности и бесстрашии, о благородном отношении к даме сердца придумали… женщины. В тоске по настоящему рыцарю, который пусть и не будет охранять свой дом на пороге, закутавшись в плащ, но хотя бы не забудет забрать детей из детского садика и вовремя вынесет мусор.

Сегодня Британия уже и не рассчитывает на Мерлина. Решив, что он, Мерлин, видимо, разочаровался в человечестве, крепко обиделся навсегда и покинул не только Британию, но и планету целиком.

Вся надежда на Гарри Поттера.

ИХ НРАВЫ

С Англией испокон веков все хотели породниться. Взять хотя бы Ивана Грозного. Сколько жен у него было! А он все надежды не оставлял – Елизавете Первой предложения делал. Ну а Елизавета, как и положено по ее статусу девственницы-королевы, мол, люблю тебя как брата, хоть и мил ты мне, а честь девичья мне дороже. Тогда Иван Четвертый, ну уже совсем из него песок сыпался, послал своего человека сватать племянницу Елизаветы Мэри Гастингс, первую красавицу Англии. Приказал, ты осмотри ее внимательно, так ли хороша, как о ней говорят, и привези ее портрет, чтоб близок был к оригиналу. А Елизавета, не будь дурой, нарядила служанку и вывела пред очи посла, а племянницу спрятала.

И что? Пишет царю посол, мол, ну что, батюшка, так и так – берем? Девушка красавица – толста, румяна, весела, ну оспины у нее там и сям, ну так что ж, с лица-то воду не пить. И вот-вот уже должен был отправить письмо, а тут какой-то левый английский гражданин ему на ухо: слышь, русский, а, русский! Невеста, что тебе показывали, была не настояшча!

– Как это не настояшча?!

– А так это! Пойдем покажу, если, конечно, денег чуть-чуть дашь.

И повел посла ночью в окошко подглядывать. А тааам...

Короче, порвал посол письмо прежнее и написал другое: «Невеста, ваше величие, чтоб вы знали, надёжа-наш-царь, тьфу! Поганая, лицом бледна, аж прозрачна, телом тонка, шейка аки ниточка, ручки маленьки и не цепки. Не бери ея, государь, – никудышна».

Так разные представления о красоте спасли прекрасную Гастингс от деспота и самодура.

Письмо посла я, конечно, придумала, но смею заверить, что примерно так и было.

* * *

Британцы гордятся своей монархией. И своей королевой из королев – Викторией. Наш гид Джон превозносит ее заслуги. Причем у ее памятника говорит не о том, как она, помазанница Божия, историю вершила, а как была изобретательна и умна. Рассказывает, что ее величество королева Виктория, выслушав как-то неудачную глупую шутку Гладстона, холодно ответила:

– Нам не смешно!

(Почему я не королева… Как часто приходится так думать, но помалкивать.)

* * *

В Великобритании нет конституции. Ну нету! И нормально…

* * *

Очень часто в британских газетах появляется заголовок, что-то типа: «Нация глубоко шокирована» – по поводу той или иной выходки кого-то из членов королевской семьи.

И что? Королева бегом к телефону, вызывает телевидение и давай оправдываться, мол, недосмотрели, извините…

Прочла в Интернете последние новости в Украине…

Шокирована. Глубоко. Никто не извиняется.

* * *

Повторюсь, британцы, конечно, очень недовольны своей королевой, частенько бывают потрясены поведением ее семейки, постоянно подсчитывают, сколько из их собственных денег расходуется на содержание монархии, они запросто пожалуются вам на королеву за ланчем, но не дай бог вам согласиться или того больше – вякнуть о Лизавете кривое слово – тут же можно получить по шее. А те же, кто попатриотичнее, так те догонят и еще добавят. И нажалуются куда надо… И тебя больше не впустят в страну.

Вот это я понимаю!..

Как-то мой дедушка, когда мой же дядя – папин брат Илюшка – привел в гости курящую и выпивающую девушку, которая вдобавок тут же сказала, увидев меня, что очень не любит детей, и бабушка потом устроила Илюшке выволочку, мол, кого ты привел в дом, да что же это такое! И когда соседи пытались поинтересоваться, кого именно наш Илюшка привел вечером и что это за вульгарная девица, так вот тогда, помнится, мой дедушка очень резко ответил, что к ним пришла прекрасная девушка из хорошей семьи, между прочим, специалист по водорослям.

И на мой недоуменный взгляд тихонько сказал:

– Наши – лучше всех!.. А с ней мы сами разберемся. Тут. Тихо.

Кстати, ту специалистку по водорослям тоже звали Лизаветой...

* * *

Королевы с рождения были в двух состояниях. Или соблазнительная невеста, за которой давали в приданое полкоролевства, или безутешная вдова, плавно переходящая в статус соблазнительной невесты, за которой все еще отдавалось и свое приданое, и полкоролевства покойного супруга.

* * *

Как только британский король всходил на трон, его сразу предупреждали: ваше величество, хотим сообщить вам пренеприятнейшее известие: вы наследуете страну в прискорбном состоянии.

Это означало, что казна, как всегда, пуста, драгоценности разворованы фаворитками и нахальная челядь на королевской кухне уже съела последнюю утку. Надо идти воевать. И подымать на знамя какую-нибудь благородную идею, имея в виду чужие земли, а также золото и другие полезные ископаемые, лежащие в сундуках очередной намеченной к завоеванию страны.

* * *

Нет, что ни говорите, а мне очень импонирует Елизавета Первая. Молодец! Девственность – как говорил ей Уолсингем – это товар, который никогда не падает в цене... И во время всего правления ее величества цена не упала.

Хотя говорили, что у нее и дети были...

Да врут, наверное.

* * *

Мне вот нравится, что в Британии нет такого юридического понятия «народ». Жители Британии – подданные ее величества королевы. Она же, королева, олицетворяет закон. В суде

обвинительный акт всегда начинается словами: «Именем короны».

А в действительности – демократия в Британии активно разгулялась. Британцы требуют от своих монархов высоких нравственных стандартов. И монархи стараются соответствовать королевской чести. А народ, то бишь подданные, наблюдают и делают замечания.

И еще мне очень нравится, что когда будущий монарх влюбляется в особу некоролевских кровей, то, преодолевая конфликт личных чувств и монарших обязанностей, он принимает решение – отказаться от короны. Или от любви. И то, и другое вызывает уважение.

* * *

Эти полгода чуть ли не каждый день я рассматривала портреты английских монархов разных эпох. В пору своей молодости и цветущей красоты они как-то не озабочивались по поводу своего следа в истории – воевали, делили земли, закладывали подданных своих ради собственных амбиций, гоняли армии туда-сюда, интриговали, само собой, а спохватывались вдруг в старости, что стены у них в замках голые, и гобелены уже не модно, а главное, что потомкам своим, кроме собственных скандалов, и оставить нечего. И давай вызывать художников, мол, рисуйте мой портрет, да покрасивей, да поблагородней. А там ведь что – приукрашай не приукрашай, уже ничего не исправишь, как говорится, вся жизнь – налицо, или на лице.

Однажды спросили у одного очень красивого мужчины, пусть не королевских кровей, но дворянина по воспитанию, это уж точно, спросили его, как же вы так сохранились. Вам уже более шестидесяти, но вы так хороши собой и так добры и великодушны, и так открыты миру, и барышни до сих пор вздыхают о вас, и наши барышни, и тетеньки земель дальних. И он пожал плечами, смутился немного, улыбнулся и сказал:

– Совесть относительно чиста.

Так вот беда всех венценосных в том, что рисовали их уже в те годы, когда не только совесть, а и руки были запятнаны так сильно, что не ототрешь, не отмоешь. Вот, пишут в воспоминаниях, какой же Генрих Восьмой был в молодости красавец, глаз не отвести, а на портретах – одутловатый, порочный, злобный старик в дамском берете. Конечно, вызывает недоумение, неужели из-за этого вот потасканного и свалявшегося деда с пустыми рыбьими глазами гибли прекрасные женщины, и о нем слагали поэмы, и его любили…

И ведь художник еще и наверняка Генриха приукрасил. Прикиньте, вот художники были – фотошоп вручную!

А потом, во времена Кромвеля, так вообще – как говорил сосед моего одесского дедушки, носатый фотограф неясного происхождения в усах и кепке: «Еси дракона ф'аторафируишь – рэтушировай нэ ретушировай, вийдет максимом яштерица. Макси-мом!»

А Кромвель, уставший от дел ратных, ввалился со своей лихой компанией в королевский дворец, походил-потоптался грязными сапогами, порассматривал портреты, понял, что все пацаны в мехах и коронах на картинках гораздо привлекательней его, и на их фоне он ужасно проигрывает со своим пейзанским профилем, и сделал художникам более выгодное предложение, то бишь издал приказ рисовать драконов «со всеми бородавками». Вот ему художники и отомстили, вот уродец так уродец – талантливый художник его рисовал, Кромвеля, – сразу видно: и завистлив, и весь в комплексах, и злобный...

Не королевского воспитания был. Не королевских кровей.

А хотел бы.

ДОРОГИ, ЛЮДИ, ЛЕДИ, СОБАКИ И ОСТАЛЬНЫЕ

Дело правое

Полин Дигганс отвозит меня в колледж, где будет проходить лекция. Я села в машину, просматриваю текст лекции, когда вдруг подымаю голову – аааа! – меня, оказывается, посадили за руль, а руля нету. И мы едем!!! Уф, справа за рулем Полин.

– О, май бой... Это ужасно, Полин, – возмутилась я. – Это так ужасно, когда руль с правой стороны, это так ужасно и непривычно!!!

– Может быть. Может быть, это и так ужасно. Но согласись, – отвечает Полин, внимательно глядя перед собой на дорогу, – что правосторонний руль – это гораздо удобнее, чем левосторонний. Гораздо удобней. Особенно на дорогах Великобритании...

Мы и они

– Посмотри, они снова чинят, они опять латают, – Ник ворчит, объезжая ограждение на трассе. Там пыхтит от усердия дорожный каток и висит табличка: «Извините. Ремонт дороги».

– И вот так всегда! Постоянно надо объезжать. А бывает – вообще нужно ехать по другой дороге и в объезд.

Я вспомнила, как однажды мы наконец переехали со съемной квартиры в свой дом, и там вокруг был край света – никого, только рядом с нашим домом люди начинали строить свои. И все подводили туда воду, газ, возили кирпичи, плиты железобетонные… Нормальных дорог там не было, да и сейчас нет. Практически у всех, кто тут живет, внедорожники – специально сюда в плохую погоду ехать. Поэтому я повседневную обувь нам с дочкой тоже такую покупаю: туфли-внедорожники, сапоги-внедорожники, чтоб если пешком идти, – не утонуть. И вот однажды я узнала, что у меня будет ребенок-девочка, в прямом смысле будет, не приедет, не придет в гости, а родится, и плетусь в мечтах о ней домой, задумалась, а тут – оп! – улицу перекопали совсем. Я спрашиваю у длинного и какого-то слишком гибкого, как ламинария, дяденьки в шляпе и куцем пиджаке с папкой, который около ямы стоит, за работой наблюдает и с пяток на носки переваливается, спрашиваю: «Э! Э! А когда все это закопают?»

А он, подавая мне руку, – рыцарь, Ланселот уцененный, – чтоб я по перекинутой доске перешла, говорит:

– Во вторник.

Я сказала:

– Ааа, ну тогда ладно.

Но он не сказал, КАКОЙ вторник…

И пока Линка не научилась ходить, мы с ней из нашего угла медвежьего ни разу не вышли никуда, потому что туда, где машины не ездили, нам с нашей нежно-фиолетовой коляской было очень далеко плестись. И опять-таки, грязно, и мне не под силу, и через ту самую яму по доске переезжать было рискованно, а Ланселот с папкой там больше не стоял, чтобы руку подать.

Ну где-то года через полтора жители нашего маленького сумасшедшего квартала (это группа вопрекистов, которые хотели жить на природе, у реки, чтоб воздух и тишина, и при этом еще, чтоб Европа, – чтоб не только кислород, а чтоб и горячая вода, газ, Интернет, дороги), словом, жители нашего квартала плюнули, взялись вместе и закопали эту клятую канаву. Потом вызвали бульдозер, или как там его, разровняли, чтоб стало

гладенько...

Не знают британцы своего счастья.

Лампочки и фонари

Дедушка Ника работает в большом колледже – менятелем лампочек. Я формулирую так неловко потому, что у нас такой профессии вообще нет. У нас есть, конечно, электрик, которого надо вызывать. Долго ждать, придет – не придет. А вот дедушка Ника в колледже начинает свой день прямо с утра и работает до вечера. Потрясение. Культурный шок был, когда мы узнали, что он меняет лампочки, которые отбыли свой срок. Пусть они еще работают и горят, но раз прошло двести дней, значит, ее надо сменить.

– Но ведь она еще горит? – возражаю я.

– Но ведь она может погаснуть в любой момент. И тем самым нарушить учебный процесс.

– А как вы помните, где какая лампочка и какая из них отгорела уже свои двести дней?

– Для этого, – гордо отвечает мне Ник, – и работает дедушка в колледже фул-тайм. Чтобы знать каждую лампочку, каждый фонарь в лицо.

У нас дома на площади установили кованые, как жители нашего города называют, «пушкинские фонари». Они снаружи кружевные, а изнутри под ковкой – матовое стекло. И недавно я стояла, ждала там кого-то и вдруг заметила, что все стекло изнутри разбито. То есть это кто-то пришел и долго целился в проем между кружевами, чтобы попасть и разбить... Уже много лет я хочу на него посмотреть, на того, кто бьет фонари в нашем городке. То есть он встает утром, принимает душ – или не принимает, так, да? Ну свитер надевает. Чистый. Мама постирала, сложила. Рукав к рукаву... Позавтракал. Как нормальный человек. Сел за стол. Чашка, наверное, у него в горошек, красная... И мама ему: не торопись, не обожгись, чай горячий. И бутерброд ест...

А потом выходит, гуляет, берет камень, выбирает потяжелее... Вот кто он? Какой он? Кто его родители? Как он живет, этот вот, который берет камень...

Мой муж Аркадий однажды выстроил небольшой ресторанчик. Там, на том месте, в свое время была граница, и стояло здание старинной таможни между Австро-Венгрией и Россией. И Аркадий постарался. Сделал точь-в-точь как было. Беленые стены, черные мощные балки через потолок, красиво, стильно. Назвал ресторанчик «Старая таможня». И на небольшой площади установил тоже стильные под старину светильники. В первую же ночь после открытия их разбили. Все до одного! У

Аркадия были запасные плафоны, опять вкрутили мощные лампы. Разбили опять. Тогда Аркадий выступил на заседании горсовета, заказал полвагона светильников и нанял на работу сторожа. Война началась. Охранники не выдерживали, увольнялись. Светильники били. Аркаша устанавливал новые. Когда разбили последние плафоны, у Аркаши открылась язва желудка. Теперь вместо светильников там стоят чугунные столбы. Для чего – гостям не совсем понятно. И гости – англичане, которых принимали в этом ресторанчике, говорили: какой интересный дизайн. А вот эти столбы на площади, они что означают, Аркадэй?

– А это места, где путешественники в старые времена привязывали своих лошадей, – уверенно привирает Аркаша, грустно ковыряя ножом паровую диетическую котлетку, печально со мной переглядываясь.

– Аааа… – понимающе кивают англичане, – интересный дизайн. Очень. Только знаешь, Аркадэй. Я дам тебе один маааленький совет – что-то темновато вечером. Надо вам сюда какие-нибудь светильники… И будет еще лучше. Вот увидишь, Аркадэй.

Недавно установили камеры наружного наблюдения и поймали троих. Показывали их по нашему местному телевидению.

Внешне абсолютно нормальные. И вот следователь с ними беседует и спрашивает: «Зачем?» – и видно, что его это интересует не как следователя, не как милиционера, а просто он что-то хочет понять в этих людях. Он заглядывает им в глаза и спрашивает: «Зачем?! Ну за-чем?!» А те трое молчат загадочно. Или не загадочно, просто тупо молчат. И оператор показывает одного близко-близко, а у того тяжелые веки, и он их вдруг мееедленно поднимаает… Мееедленно…

Как Вий!

И мне захотелось крикнуть этому усталому следователю:

– Не смотри им в глаза, не смотри!.. Это опасно. Это очень опасно! Погибнуть, может, и не погибнешь, но язва может открыться…

Мэксин

Семья, у которой я гостила в Олтоне, совершенно замечательная. Он – красивый джентльмен, сделанный из кролика. И его жена тоже из кролика сделана. Такая семья из Страны чудес. Их дочь Мэксин – художница-флористка. Живет у своего бойфренда, но, когда им недовольна, быстро собирает чемодан и возвращается домой. Бойфренд гонится за ней, приезжает с подарками, цветами, просит прощения, стоит на коленях, соглашается на все, клянется в вечной любви. Вот и в этот раз. Мы с Кроликами сидим уютно на застекленной террасе, завтракаем, болтаем о всяком. С визгом останавливается машина, выскакивает взбешенная Мэксин, вихрем в дом, швыряет чемоданы прямо в гостиной, бежит наверх – побыстрей кинуться на кровать лицом в подушку и рыдать. Чемоданы сиротливо валяются посреди комнаты, из них торчат рукава блузок, края юбок, платьев. Я бегу к Мэксин наверх, я ее очень люблю, она чуткая, талантливая, поэтому такая импульсивная. Говорю: так, Мэксичка, давай успокойся, прекрати немедленно, он не стоит твоих слез, моя дорогая, ни один мужчина не стоит наших слез, поверь моему опыту. (Женщины всегда про опыт говорят, чтобы им поверили.) А знаешь, вот мы сейчас с тобой разберем чемоданы, развесим все твои вещички, а потом пойдем и кааак выпьем чего-нибудь!..

Она вытирает красный нос, слезы и отвечает, идем *уже* выпьем. Не надо разбирать чемоданы. Я обычно, говорит Мэксин, в них кидаю только то, что не мнется. Пусть так лежат, скоро Джон приедет, чтоб потом не складывать...

Какая изобретательность!

Недавно они поженились. На фате Мэксин были живые райские яблочки. А Джон был в сюртуке, старинном галстуке и котелке...

Бутлы

Собаки – неплохой народ. И если бы не люди, они были бы самыми лучшими, самыми благородными существами во Вселенной. Но отношение к ним в разных странах разное. Вот возьмем, например, Израиль. Там за малейшую провинность собаку вашу могут арестовать. И вам придется нанимать адвоката в лучшем случае, чтобы освободить вашего любимца, а в ином другом случае – носить вашему песику передачи – сигареты там, носки три пары, мыло, ну и какие-нибудь пирожки «Педигри Пал» или «Чаппи» с запеченными вовнутрь напильниками…

Иное дело в Британии. Собака в Британии – это практически священная корова. Британцы очень любят собак. В Эдинбурге стоит памятник верному грейхаунду Бобби. А кладбищу собак, которые служили в охране Эдинбургского замка, может позавидовать любой почитающий традиции и память город. В каждом уважающем себя британском доме обязательно есть собака. Вот приезжаешь, например, в гости. Тебе представляют всех взрослых членов семьи, потом детей. И ты недоуменно: аааа… где?.. И хозяин дома себе через плечо негромко:

– Денни, это к вам!

И вот входит веселое приветливое благородное существо с умными глазами и хорошими манерами.

И так везде. Портреты висят в гостиных, специально заказанные. В одном доме на приеме прямо на террасе, где был накрыт фуршет, на полу в большой корзине возлежала (не лежала, не валялась, а именно возлежала) красавица золотая ретриверша, и у нее под боком, как для фотографии, рядком, как кукурузные початочки, дисциплинированно спали щенятки. И так это выглядело образцово-показательно, как будто они выполнили команду «смирно, тихо, спать!». Никто из них не пищал, не возился, не пачкал. Не могла отойти от той корзины. Любовалась. И пахло оттуда молоком и голыми теплыми щенячьими животами.

* * *

Собаки в Британии очень приветливы. Очень вежливы и не лают. Вот у моих Кроликов корги. Это такая коротконогая, но величественная и немного высокомерная собачка, чуть похожая на Лизавету. Да, простите, на ее величество королеву Соединенного Королевства Британии и Северной Ирландии. И вот

как-то я приезжаю домой из Олтонского колледжа – там я переводила встречу по обмену опытом. Вышла из автобуса, бреду медленно по улице – хорошо, тихо, спокойно, дяденька какой-то учит внука своего на велике кататься. Вообще, этот самый велик – одна из главных составляющих счастливого детства во всем мире. Ксения Драгунская, например, в романе «Заблуждение велосипеда» сформулировала три составных счастливого детства: *велосипед, собака, папа*. В Британии много счастливых детей. Этот вот, веснушчатый рыжеволосый, точно был счастлив. Они, эти трое – дедушка, внук и велосипед, – на меня наехали, случайно, чуть с ног не сбили. И я, между прочим, им ничего не сказала. И не ворчала, мол, эти англичане, они на всех своими велосипедами наезжают. Не говорила, что выйти на улицы невозможно. Не сказала, нет. Это я к тому, что дальше произошло. Ну вот. Иду, отряхнулась. И вдруг вижу – по дорожке с независимым видом прется Бутл, корги. Собака моих Кроликов. Деловой такой. Важный. Пыхтит. Ему бы еще портфель, ну чистый банкир. Я ему:

– Бутл, тихо, стоп, ты вообще куда пилишь? Тебя кто выпустил?

А он, к слову, уже давно планировал выскочить: весна, запахи, то да се. Топтался в прихожей, пытался прорваться. Но Кролики мои бдительные его не выпускали, хотели на нем срубить денег, потому что он, этот коротконогий ушастый симпатичный уродец – потомок одной из собачек самой Лизаветы, ее величества. Поэтому свадьба с ним – это практически морганатический брак. А тут – вот он, выскочил и налево, бесплатно жениться, ну куда это годится!

А Бутл на меня, хоть он и маленький, смотрит неприветливо и довольно высокомерно сверху вниз, как будто говорит, мы с вами, иностранная гражданочка, на брудершафт не пили, что за фамильярности тут.

Я его под пузо хвать – и тащу. Бутл ворчит, конечно, но куда деться – все, накрыли его, повязали. Он хоть и маленький, но плотненький, а еще и сопротивляется. Короче, запыхалась, пока его волокла. Вхожу в дом, победно зову: Джейн, а вот смотрите, кого я принесла! И даже так сурово покрикиваю, мол, куда вы смотрите, почему двери не закрыли. Выходит Джейн. За ней, цокая по полу коготками, выходит Бутл. И смотрят оба на меня. На меня с Бутлом… То есть у меня на руках Бутл, и рядом с Джейн Бутл. Одни Бутлы кругом…

Мне даже показалось, что тот Бутл, который у меня на руках, хихикнул, так я была растеряна. А следом прибежал дедушка, который тренировал счастливого внука-велосипедиста.

Скандалил: мол, ваша русская, она нашу Санни украла! Этим русским нельзя доверять! Все русские – воры... Мы тут всю жизнь живем, и никогда ничего. А вот приехала русская, собаку украла нашу. А сам ведь на меня своим внуком наехал! На велосипеде!..

А я и не совсем русская, между прочим...

Они тоже служат родине

Теперь о британских котах. Их там любят не меньше, чем собак. Во время войны самые бесстрашные и самоотверженные кошки Соединенного Королевства получили ошейник с надписью «Мы тоже служим родине».

Есть в Британии кошки, являющиеся штатными работниками. Например, в штате железнодорожной компании они стоят в списке сотрудников вместе с именами сотрудников-людей. Причем последние относятся к коллегам с уважением. Поскольку есть служебные обязанности, которые люди исполнять не в состоянии. Например, ловля крыс. Оплачивается эта непростая, не каждому по зубам работа едой. Плюс бесплатное медобслуживание. Без вычетов из зарплаты – подчеркивает сотрудник компании. Сотрудник-человек.

Интересно, ходят ли кошки на профсоюзные собрания, платят ли налог на бездетность, получают ли оплачиваемый отпуск, имеют ли своего адвоката, чтоб защищал их кошачьи права...

Хотела бы я в следующей жизни родиться в Великобритании. Кошкой.

Мои прекрасные леди

Перед балом Джейн повезла меня в салон, как она строго предупредила, для настоящих леди. И там меня принимали как настоящую леди. И усадили в кресло. Как настоящую леди. И подали чаю в фарфоровой тонкой посуде. Как для настоящей леди. И поговорили со мной как с настоящей леди, конечно, о погоде. И все девушки держали спины и передвигались бесшумно, как и подобает настоящим леди. И сделали мне маникюр, покрыв ногти светлым прозрачным лаком. Как должно быть у настоящей леди. И уложили мне волосы естественными мерцающими волнами. И сделали мне незаметный макияж, тронув губы розовой под цвет губ помадой. И похвалили мое платье – цвета увядшей розы, заметив, что платье, как у настоящей леди.

И уже выходя из салона, чинно, медленно, важно, как настоящая леди, я, близорукая, приблизила лицо к большому зеркалу в приемной, рассмотреть себя поближе, прочла на раме зеркала надпись:

«Dear ladies, don’t kiss the mirror, please. It’s sooooo hard to wash it. Thanks a lot»

«Дорогие леди, не целуйте зеркало – помада трудно смывается. Спасибо».

Долли

Когда я в Британию летела, чтобы забыть о высоте, я учила специальную лексику по пересадке эмбриона у коров. Ну есть такая технология для улучшения породы. Кстати, результаты этой науки демонстрировали нашей группе на станции, которая находится на севере Англии. Мы туда приехали, прошли через какие-то холодные прозрачные стерильные коридоры, нас со всех сторон со свистом обдуло воздухом с запахом стоматологического кабинета, потом всех нарядили в прозрачные комбинезоны, бахилы, шапочки, маски... и мы во всем этом построились кучей и побрели, как инопланетяне. Я посмотрела на все это... и специальная лексика вылетела из головы моментально – тем более я учила ее в то время, как боролась сама с собой и своим страхом высоты в самолете, что ж это за учеба! Но зато смешно было – не передать словами. Чиновники мои идут, переставляя ноги тяжело, они же привыкли *легенько* топать ножками по ковровым дорожкам, короткими экономными шажками, а тут идут, широко ноги расставив, шуршат комбинезонами – астронавты. Только вот физиономии в скафандрах торчат – как-то выражения лиц костюму не соответствуют – больно растерянные.

Ситуацию (а заодно и меня) спасла девушка из Томска, жена одного из ученых этого института, она переводила нашу странную экскурсию по огромной, практически межгалактической станции. Звали эту девушку Дора. Но сотрудники института – это важно – звали ее Долли. Она нас водила, показывала, объясняла, как и что. Коровы и овцы стояли в просторных залах красивые, чистые, образцово-показательные, как на картинках. И чувствовалась за всем этим какая-то тайна, гораздо бо€льшая, чем просто искусственное осеменение коров, овец или пересадка эмбрионов теляточек и ягнят от одной коровы или овцы к другой. И я говорю другу моему Тому:

– Слушай, Том, а тут подвалы есть, как ты думаешь?

А Том мне отвечает, конечно есть, мол, я думаю то же, что и ты... Тут есть и подвалы, и подземные лаборатории, и какая-то секретная, прямо как в кино, исследовательская деятельность...

– А может, они и людей... того... А? – стала я развивать сюжет дальше.

А Том мне:

– А ты посмотри вокруг...

А вокруг – такая охрана, несколько степеней защиты, карточки, коды, наши гиды везде собственные пальцы к замкам

прикладывают, чтобы отпечатки пальцев совпали, – только тогда двери разъезжаются. Фантастика, словом.

И что б вы думали – мы с Томом как в воду глядели. Через полгода буквально, даже чуть меньше, мир облетела сногсшибательная новость, что, мол, в таком-то центре на севере Англии, пока ученые всего мира ваньку валяют и баклуши бьют, эти тихони британцы взяли да и клонировали овцу! И назвали ее – внимание! – Долли.

Вы можете сказать, что я все это придумала. Ну-ну… Через несколько лет в Несебре на большом концерте, где выступала группа из Ирландии со своими национальными танцами, я вдруг заметила, что впереди меня сидит знакомая женщина. И я вспомнила – это ведь Дора. «Здравствуйте, Дора! – завопила я. – Долли! Долли! Это вы? Это же вы?!»

А женщина повела плечиками и с вежливой холодной улыбкой ответила по-английски: «Sorry, you are wrong. I’m not Dolly…»

И потом клон Доры, не досмотрев концерта, встал и быстро вышел вон из концертного зала.

Вот так!

Дикари

Миссис и мистер Эйри никогда не читали Голсуорси. Сказали, ай, там так много томов... Времени нет.

– Ваша мама, Роберт, – сказала я, – похожа на Айрини из саги.

– Какой саги? – спросил Роберт.

– О Форсайтах. Ну Голсуорси. Английский классик.

– Английский классик – Шекспир.

И Дебора Эйри призналась, что они были уверены, мы – дикари, что у нас зима круглый год, что мы живем в срубах или в землянках, что все, кому не лень, партизанят в ватных штанах и пускают под откос поезда, а иногда на поезда нападают конные банды в мохнатых шапках, а еще, что все женщины здесь похожи на миссис Нина Хрущев. И только Раиса Горбачев исключение, и поэтому ее выбрали первой леди.

А я читала Голсуорси. В подлиннике. У нас в университете моя группа вся читала. И когда мы приехали в Лондон, я легко пересказала роман «Собственник» из «Саги» нашему гиду, студентке Фионе, которая готовилась к зачету по английской литературе и не читала Голсуорси. И вместо нее сама провела своих от Трафальгарской площади до здания парламента, потом до Букингемского дворца. А чуть позже провела экскурсию по Вестминстерскому аббатству...

ЯНВАРЬ В АПРЕЛЕ

День рождения Роберта Бернса 25 января. А мы приехали в Шотландию в апреле. Но нет ничего невозможного для шотландца, который от гордости, что Бернс его великий земляк, готов не только раздуться, но и лопнуть. И нас пригласили на день рождения Бернса. А что делать, если апрель, а отпраздновать очень хочется?! Вот одна маленькая девочка говорила, что день рождения – это просто ужасно, ждешь-ждешь его целый год, а он приходит и... ррраз – и уходит. Получается, что один миг – гости, подарки, а потом выдохнуть и опять ждать.

Короче, мы поехали в горы.

Обычно 25 января все шотландцы и сочувствующие им граждане нешотландской национальности выражают свою солидарность с маленькой, но гордой нацией, в любви к поэту путем обильного возлияния, поедания специального блюда под названием хаггис и чтения стихов Роберта Бернса.

Конечно, по дороге прозвучал вопрос, который я ожидала, мол, а кто такой этот Роберт Бернс.

– Ну это как Пушкин в России и Шевченко на Украине, понятно?

– И как наш Мицкевич, – ревниво добавила гид Ханна, полька по происхождению, живущая в Англии. – Кстати, шотландцы уверены, что поэзия как жанр родилась именно в Шотландии. Ну взять хотя бы НАШЕГО Лермонтова, – продолжала Ханна.

– А чо это ВАШЕГО? – возмутился Папашвили Давид, владелец большого виноградного хозяйства. (У нас ведь такое место, где мы живем, что если кто к нам и приезжает ненадолго в гости, то частенько просто остается. Так и Папашвили приехал за невестой своей и остался у нас жить. И принялся заниматься тем, чем издревле занимался весь его род, – виноградниками.) – Чо это вашего Лермонтова? Он – НАШ Лермонтов, – высокомерно и хвастливо заметил Папашвили.

– Да, но он ведь из НАШИХ, – хитро прищурился Дуглас и прищелкнул языком, – из клана Лермант.

* * *

У меня в группе был один тип, начальник налоговой инспекции, уникальный в своем роде гражданин: будь он чуть-чуть похитрей, из него получился бы просто гениальный жулик. С синими, как васильки, наивными сверкающими глазами, он был

такой жадноватый, прижимистый, с характером мелким. К тому же ужасно прожорливый. Ну просто как будто сначала родился его желудок, а уж потом этот вот орган оброс всем остальным вокруг – руками по бокам, ногами внизу и в самом уже конце маленькой головой сверху. Его совершенно не волновала биография великого шотландца, стихи и весь ритуал праздника, он живо интересовался лишь тем, какое питание будут подавать, почему оно так называется, из чего готовится.

В паб надо было подыматься по канатной дороге.

О том, что у меня стойкая гипсофобия, я уже писала. Это на фоне стойкой клаустрофобии. То есть сначала меня усадили в кресло и очень крепко пристегнули, и у меня началась паника, потому что мне было тесно, а потом мое кресло еще и стало подыматься вверх. Я поплыла над сероватым пористым покрытием, похожим на свалявшийся поролон.

С каждым метром становилось все холодней и холодней, и соседка по креслу кричала мне сквозь свистящий ветер: «Застегнись!»

Но я не могла отодрать пальцы рук от поручней. Она еще кричала: смотри, как красиво. Но я зажмурилась и ничего не видела. Все мои силы были направлены только на одно – не потерять от страха сознание.

Но недаром говорят, что женщина, прошедшая советский роддом, может выдержать все – конь ли это на скаку, или там изба разной степени возгораемости, или подъемник на горной трассе в Шотландии.

* * *

Небольшое двухэтажное здание. На первом этаже играл волынщик, а на втором сидели все мы. И организатору, прежде чем что-нибудь сказать или объявить, приходилось орать вниз: «Джон! Джо-он!!!»

Ну, чтобы Джон прекратил свою музыку. Потому что он в своей медвежьей шапке – как будто ему долго не давали, не разрешали играть и он дорвался наконец – так упоенно вдыхал душу в свою волынку, раздувая щеки, что совсем ничего не слышал, прямо как токующий тетерев.

Меня предупредили, что во время выступления повара всем нужно молчать, потому что это ведь стихи, и чтобы я рассказала содержание его оды хаггису, то есть фаршированному требухой и овсянкой со специями и луком бараньему желудку, перед выходом повара. И вот вроде не дети, не школьники, взрослые

солидные люди приехали. Объясняю, мол, господа, сейчас к вам выйдет повар, и вы увидите старинный ритуал разрезания хаггиса и услышите оду. На гэльском языке. И пересказываю подробно, о чем она, эта ода, и объясняю, что знакомлю их с содержанием оды сейчас, до выхода повара, чтобы не мешать ему потом...

И заиграла волынка, и вынесли хаггис, и вышел чтец, и начал читать оду рублеными раскатистыми фразами... И наши люди, вот молодцы, стали шипеть все громче и громче, переводи! Переводи! И возмущаться, мы же ничего не понимаем, переводи, что сидишь.

Была бы их воля и сидели бы они поближе ко мне, не знаю, что бы они со мной сделали...

Нет, все-таки самая лакейская профессия – не лакей. Самая лакейская профессия – переводчик.

Иногда приходится иметь дело с такой публикой и переводить такую чушь, попутно придавая ей смысл и форму, что к вечеру в голове тикает и гудит так натужно, что хочется мертвой тишины и молчать. И раздражают любые вопросы, даже «Который час?». Хотя многое зависит и от человека, чью речь ты переводишь. Иногда просто наслаждаешься правильно сформулированной мыслью и из шкуры вон лезешь, чтобы перевести ее на английский с такой же окраской, таким же чувством юмора; и как бы становишься соавтором. Но, к сожалению, таких людей становится все меньше. Нет, умные люди, конечно, не перевелись – они просто выучили язык и переводчики им теперь не нужны. Умные люди теперь путешествуют сами. А мне в тот день достались совсем не те, которые путешествуют сейчас сами, мне достались остальные.

Ничего не могу сказать о вкусе исторического блюда с названием «хаггис», не пробовала, все как обычно – поесть не случилось. Но все остальное было прекрасно – и волынка, и чтение стихов Бернса, и песни, и рождественская «Забыть ли старую любовь», которую все пели, переплетя руки. И я тоже, потому что знала ее, эту песню, чуть ли не с рождения от моей мамы.

Забыть ли старую любовь,
Не говорить о ней,
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней...

* * *

Правда, весь вечер меня не оставляла мысль, что придется еще раз садиться в кресло подъемника и опять плыть над серым поролоном, но уже в темноте.

Хотя, как оказалось, трасса была ярко освещена, и я опять зажмурилась, выдохнула и вдохнула уже только внизу, измученная и лицом серая, как горная трасса.

Внизу – это, условно говоря, нам пришлось еще долго спускаться по дороге-серпантину, и звезды висели низко, заглядывали в окна неоплана и хихикали:

– Нет, ну ты же просила… Ты же это сама просила. Так и просила: Ве-ли-ко-бри-та-ни-я… А в заказанный пакет входят и такие неприятности, как назойливые невоспитанные туристы или же командированные, экстрим в виде горного подъемника, постоянное чувство голода. Зато и всякие красоты, включая сегодняшний вид из окна автобуса – бархатное незнакомое небо и мы – будущие Персеиды и Леониды.

БРИТАНСКИЕ ГОРОДА И ВЕСИ

Оксфорд

Оскар Уайльд учился здесь, а вот Льюис Кэрролл и учился, и преподавал. Он стучал мелком по доске, выводя математические формулы, а в это время Алиса уже бежала в обратном времени, чтобы догнать настоящее, а из-за угла выплывала пока еще не видимая никому улыбка Чеширского кота.

Отец маленьких бесстрашных обаятельных ушастых хоббитов и создатель прекрасного фантастического мира Толкиен тоже учился здесь, в Оксфорде, и преподавал студентам медиевистику. То есть историю Средних веков.

Оксфорд мне запомнился толпами молодежи и объявлением: «По газонам не ходить. Исключение – для преподавателей и для старост факультетов». И я представила, как идет компания студентов по дорожке к своему факультету на лекцию или практическое занятие, или коллоквиум, или экзамен. Идут, оживленно обсуждают что-то, и вдруг один из компании отрывается и заносчиво чешет по лужайке. Все – по дорожке, а он – по траве чавкает ногами (на лужайке автоматически включается и выключается фонтанчик для полива). И понятно, вот эти вот – веселые, дружные – простые студенты, а вон тот заносчивый одинокий дурак с мокрыми ногами – староста факультета.

А вот еще – уникальный колледж, который мои британские приятели называли «Last dance». Есть в английском такая поговорка «Last dance – last chance», что означает «Последний танец – последний шанс». Колледж Раскина принимает на учебу исключенных из других учебных заведений студентов, которых по каким-то причинам не принимает ни один колледж Великобритании. Как благородно – дать молодому человеку еще один шанс. И многие его используют, уж поверьте мне.

Подмосковные вечера в Бервике

Что бы там ни говорили, британцы – очень гостеприимные ребята. И очень ответственно относятся к приему гостей. Например, те семьи, которые принимали у себя моих так называемых «фермеров», за несколько недель до приезда выясняли по телефону их кулинарные предпочтения и узнавали, нет ли среди них вегетарианцев. К тому же все они приобрели яркие и очень смешные англо-русские разговорники разных изданий, где латиницей были написаны самые необходимые для общения фразы (списано дословно из раздела «беседы в ресторане»).

Цитирую:

– Russky lubyat blini i vodka. – Русские любят блины и водку.

– Ukraiski lubyat svinski zhir i gorilka. – Украинцы любят свиное сало и горилку.

– Angliski lubyat visky, ovtsa i pudding. – Англичане любят виски, баранину и пудинг.

И очень, ну просто очень стремились угодить. Столько раз за месяц слышать песню «Подмосковные вечера» в разных местах, в разных исполнениях мне не приходилось даже дома и за всю жизнь.

Как только мы приехали в Нортумберленд и вошли в здание местного колледжа, по местному радио стали транслировать «Подмосковные вечера» в исполнении Вэна Клайберна.

Как только мы заходили в какой-нибудь паб, где были запланированы встречи, радостный хозяин или официант немедленно бежал к аппарату, вставлял жетон, и мы опять наслаждались «Подмосковными вечерами». На концерте кантри-группы ведущий торжественно объявил, что группа приготовила гостям сюрприз, и в странной песне-сюрпризе мы смутно различили знакомую мелодию и слова «Нэслишньи садюуу дазе щё-о-охэ...». Объяснить, что мы имеем к песне очень косвенное отношение и у нас другие музыкальные предпочтения, было невежливо: ведь британцы старались изо всех сил, хотели, чтобы мы чувствовали себя как дома и чтоб, не дай боже, нас на островах не замучила ностальгия.

Однажды мы приехали в Бервик-эпон-Твид, старинный город, который знаменит тем, что долгое время фактически находился в состоянии войны с Россией. В 1852 году Британия объявила России Крымскую войну. Под документом «Иду на вы» стояла подпись «Виктория – Королева Британии, Ирландии, Бервик-эпон-Твида и всех британских доминионов». Но когда, одумавшись,

стороны подписывали мирный договор, Бервик-эпон-Твид в списке сторон забыли. И еще долго, наверное, около ста лет город гордился тем, что находится в состоянии войны с таким могущественным противником, как Россия. Думаю, что в России об этом и не догадывались.

Примерно в шестидесятых годах прошлого столетия Роберт Нокс, мэр города Бервик-эпон-Твид, решил восстановить справедливость. Сколько можно воевать, леди и джентльмены! Пора и мирными делами заняться! – воскликнул сэр Нокс и пригласил представителя СССР, который ни сном ни духом, чтобы подписать с ним перемирие.

И вот, когда формальный договор был уже подписан, Роберт Нокс в своем спиче на праздничном обеде в честь перемирия обратился к советскому дипломату и сказал: «Ну что же... Передайте всем русским, что отныне они могут спать спокойно».

– Да мы, собственно... – пытался возразить дипломат, но супруга его, умная женщина, тихонько пнула его ногой под столом.

Так было, правда. Ну или примерно так.

– Хотя, – шепотом заметила моя новая приятельница Айрини, – некоторые юристы говорят, что договор о перемирии недействителен, потому что мэр города не является преемником королевы Виктории и не имеет права подписывать такие документы и заключать такие договора от имени королевы. Так что... – Глаза ее хитро заблестели, и она указала рукой на плакат в пабе, где мы пили кофе, – там британский воин в клетчатом килте попирает ногой и длинной пикой с британским флагом на конце лежащего и связанного огромного медведя в красной шапке с серпом и молотом...

Мэрия Бервика встретила нас очень торжественно. Гостей привели в нарядный и гулкий зал для приемов и попросили чуть-чуть подождать. В открытой боковой двери я видела какое-то движение, какие-то люди препирались и суетились, а через пару минут оттуда важно, не торопясь, очень торжественно и гордо к нам вышли трое старичков во главе с мэром города, все одетые в старинные костюмы, бархатные мантии, парики и шапочки с кистями и перьями. На специальном помосте они произнесли короткие и емкие речи в честь гостей и пригласили нас на тут же накрытый фуршет. Мэр и его свита так и бродили среди гостей в своих жабо, чулках, туфлях с пряжками и на каблуках, украдкой почесывая головы под старыми париками и шапками. Один из помощников мэра глотнул виски и так расшалился, что позвал нас всех в башню ратуши, завел в довольно тесное помещение и попросил выйти семерых, желающих участвовать в какой-то его

затее. Мои «фермеры» капризничали и отпирались, тогда я вышла первой, а остальных старичок выволок за руку, расставил нас по кругу и вручил каждому в руку висящий сверху канатик, который, как оказалось, вел к колоколам. Тыкая энергично рукой в каждого из участников по очереди, изгибаясь как дирижер большого симфонического оркестра и покрикивая на нас командным голосом, в своих сползших чулках и пыльном парике, он приказывал резко дергать за канатик, и после небольшой репетиции с колокольни городской ратуши зазвучала мелодия. Над старинным непокоренным городом Бервик-эпон-Твид, местом приграничных войн Шотландии и Англии, городом, однажды разрушенным до основания Эдуардом Первым, городом, переходившим из Англии в Шотландию и наоборот 13 раз, городом, население которого в основном составляют горячие независимые шотландцы, поплыла величественная мелодия, исполняемая на колоколах гостями с Западной Украины под руководством помощника мэра Бервика, – хорошо узнаваемые и уж очень сильно поднадоевшие «Подмосковные вечера».

Здравствуй, школа!

Посетили школу города Бервик-эпон-Твид. По-тря-са-ю-ще!.. У нас над входом в школу как написано? «Здравствуй, школа!» А у них – «Добро пожаловать, дети!». Все, можно было бы дальше и не писать. Конечно, сегодня такие уютные оборудованные школы есть и у нас. Дело в другом. Школа у них не для учителей. Для детей. И еще: руководит у них школой не только директор, но и попечительский и ученический советы. В муниципалитете же есть всего один чиновник, ведающий школами в своем городе, который непосредственно подчиняется министерству образования. И все! Нашей же школе приходится тягать на себе батальоны инспекторов районо, облоно, плюс ответственных за образование в администрациях различного уровня, в советах депутатов. Плюс методкабинеты, которые, в связи с тем, что ничего не знают и не умеют, так же как и вышеперечисленные, приходят проверять и укоряюще мотать указательным пальцем. Ну и министерство, конечно.

К тому же мои дети и их одноклассники волокли в школу такие тяжеленные ранцы, что по ним уже с третьего сентября начинали плакать медицинские центры по патологиям позвоночника.

В ранцах же двух старшеклассников-британцев, которые пришли к нам на встречу в школьную библиотеку, было: у мальчика – четыре рабочие тетради, полотенце и запасные белые носки для тенниса. У девочки: купальник и шапочка для бассейна, три рабочие тетради и еще косметичка со всякими девчачьими фенечками для красоты. Остальное хранится в именном шкафчике ученика в школе под замком.

В библиотеке не пахнет книжной пылью, в школе, включая спортзал, раздевалку, столовую, санитарную зону, не пахнет ничем. Ну, во всяком случае, не тем, чем пахнет у нас в школах.

В школе Бервика запрещено жевать жвачку. Как ученикам, так и учителям. Но не запрещено выпить сок прямо на уроке, если хочешь пить. В начальной школе коробочки с соком и маленькие бутылочки с минералкой без газа стоят на отдельном столе прямо в классе. Встал, подошел. Попил.

А первоклассники в нашей школе бегают через дорогу в соседний удобно пристроившийся рядом с младшей школой киоск и покупают пепси-колу, фанту и чипсы. И опять никому до этого нет дела.

Здравствуй, школа!..

Остров Скай

Как раз перед поездкой в Шотландию у нас по телевидению транслировали фильм «Горец» о шотландцах клана Маклаудов, которые были бессмертными. Правда, бессмертными они могли быть при одном условии – если никто не покушался на их головы. Если уже их обезглавливали, то все. Зато тот, кто снимал противнику голову с плеч, как раз и получал силу и энергию погибшего. Словом, обычная нынешняя голливудская бодяга.

Однако – как мне пришлось тогда убедительно приврать – основанная на реальных событиях. Почему приврать? Да потому что надо было выбирать – или поездка на остров Скай, или вечеринка в пабе и концерт кантри-мюзик. Причем вечеринка была бесплатная, а в замок Донвеган надо было заплатить пять фунтов.

Боже мой, как бы я хотела когда-нибудь приехать сюда одна, без равнодушных, высокомерных и довольно состоятельных, но очень экономных дяденек и тетенек!

Конечно, не все мои «фермеры» согласились расстаться с небольшой сравнительно суммой, чтобы рассмотреть потертый серый кусочек выцветшей материи, благодаря которому, как гласит легенда, Маклауды и наделены букетом всяких магических возможностей.

Это знаменитый флаг феи. Говорят, что это фамильная драгоценность, которую кто-то из Маклаудов привез из крестового похода. А другая легенда гласит, что один из младенцев клана то ли потерялся в саду и замерз, то ли его почему-то решили бросить его же няньки, и жалостливая добрая фея, услышав плач мальчика, завернула его в эту волшебную ткань.

Словом, именно этому вот кусочку материи и обязаны Маклауды своей славой. Конечно, я пошла в замок с тайным умыслом встретить хотя бы одного из представителей рода. Я ожидала встретить гордого красавца с точеными чертами лица, стройного, ловкого, ну как минимум в зале для тренировок, где он острым мечом сшибает головы у манекенов на тот случай, если кто-то из таких же вечно живущих соперников заявится на предмет пополнения жизненных сил путем снимания у Маклаудов головы.

Но не повезло. Хотя и представили нам толстого дедушку-гида как одного из Маклаудов, но кто ж им поверит. Подстава. Все Маклауды уже, наверное, где-то мотаются по времени туда и назад в поисках такой же вечно живущей невесты или какого-

нибудь зазевавшегося источника жизненных сил.

Железный Джон и Вивьен Ли

Второй раз я приехала в Стрэтфорд с группой поменьше и лестью и уговорами, а также с помощью ложных посулов уговорила водителя ехать сначала в театр.

Кстати о водителе. Этот изысканный худощавый блондин Джон в синем блейзере, в новых блестящих башмаках, при галстуке, в ослепительно-белой сорочке меньше всего походил на водителя обычного туристского автобуса. Ну что ж, какие дороги, такие и водители.

Вот, допустим, наш сопровождающий говорит: скажите вашим людям, что вон там находится полуостров... ну и так далее... Я прошу, Джон, пожалуйста, дайте мне микрофон. Джон замедляет ход автобуса, достает из кармашка ключик, открывает ключиком какую-то дверцу в нише у руля, оттуда достает микрофон с аккуратно свернутым и закрепленным шнуром, разматывает шнур, вставляет штекер в гнездо, поднимает тумблер на «ON» и передает микрофон мне. Я сообщаю всем сидящим за моей спиной – семь минут назад мы проехали узкую тропинку, ведущую на полуостров, где расположен старинный монастырь. В этом монастыре испокон веков монахи делали эль. Во время прилива тропинка заливалась водой, но изобретательные английские пропойцы не ждали милостей от природы, а пробирались к монастырю на утлых лодчонках и плотиках и уже там дожидались, когда монахи вынесут им новые порции хмельного напитка.

Все мои слушатели приподнимаются на своих местах, тянут шеи: «Где?! Где это? А как? А что?»

А ничего. Пока скрупулезный Джон подключал микрофон, шанс отведать эль был упущен.

Кстати, после того как я заканчивала очередной перевод, Джон протягивал назад руку, не отрывая взгляда от дороги, я вкладывала ему в ладонь микрофон, и он проводил ту же процедуру в обратном направлении. И так продолжалось несчитаное количество раз: ключик, дверка, ниша, микрофон, провод, штекер, тумблер на «ON», перевод скороговоркой рассказа о месте, которое мы уже все равно давно проскочили, протянутая холеная ладонь, микрофон, тумблер на «OFF», штекер, шнур, ниша, дверка, ключик в кармашек – и ни разу! ни разу! терпение и выдержка не изменили ни Джону-водителю, ни... ни... м...м...мне, перрррррреводчику-ку-ку-ку!..

* * *

Когда-то в музее Шекспировского королевского театра было придумано замечательное освещение – чтоб человек с неустойчивой психикой уже окончательно свихнулся там от всяких впечатлений. Ну, например, хожу я медленно, рассматриваю портреты всех этих красавцев и красавиц, которые Гамлета играли, всяких уродцев и карликов – Ричардов Третьих, и вдруг понимаю, что я в этом тупичке, куда забрела, что я там – не одна... Что нас там – несколько, по крайней мере – двое. И тот, второй, пристально и в упор на меня смотрит. Я повернула голову и – из темного угла на меня шла прозрачная фигура в легком дымчатом наряде. Она молитвенно сложила руки на груди и... АААААА!!!

Я не люблю восковые фигуры, но эта была сделана с таким обожанием и нежностью, что нельзя было ею не восхищаться. Вивьен Ли в роли Джульетты. Из-за ее спины дул вентилятор, развевая легонько ее тонкие одежды, на волосах традиционная сеточка. Боже, как же она была хороша, такая изящная, такая похожая на оригинал!

– У нас в музее есть услуга, – предложила испуганная консультант, когда я пришла в себя, – за отдельную небольшую плату вы можете примерить платье Вивьен Ли и в нем сфотографироваться.

Я в ужасе представила, как с бедняги сейчас сорвут платье и мне придется натягивать его на себя, и то, и другое было очень неприятно.

– Нет-нет, вы меня не поняли, – успокоила консультант, – вы будете примерять копию платья, только копию, но очень точную.

И платье принесли. Дрожащими руками я вывалила из кошелька какое-то количество фунтов (потом в магазине «Маркс энд Спенсер» видела шикарные кроссовки для сына за такую же сумму) и ушла в специально оборудованную комнату. Сзади платье зашнуровывалось и завязывалось сверху донизу, поэтому при желании его можно было надеть прямо на собственную одежду. Но только не платье Вивьен Ли! Вы ее талию, надеюсь, помните? Я выдохнула воздух и влезла руками в рукава. В то время талия у меня была очень узкая, но и те 64 сантиметра не могли сравниться с талией Вивьен Ли. Меня затягивали сзади и шнуровали-шнуровали, и чем туже меня затягивали, тем больше портилось мое настроение.

Фотографироваться я так и не решилась. Какой бы тоненькой и хорошенькой ты ни была, все равно никто не сравнится с Вивьен Ли, так зачем же...

Где-то минут двадцать после этого неудачного опыта я ходила грустная и подавленная.

Но зато потом мы с новым знакомым Стивеном разговорились о музыке, и это было гораздо интереснее, чем свихнуться от страха или расстроиться от невозможности хоть в чем-то быть похожей на Вивьен Ли в Королевском шекспировском театре.

Продам недорого

В Кентербери мы однажды поехали с мужем. Причем он хотел в Ливерпуль, потому что оттуда «Битлз», а я хотела в Кентербери, потому что там аббатство и Кентерберийские привидения. И мы по дороге ругались, ругались. И когда приехали в Кентербери и зашли в турагентство, девушка, оформлявшая нам проездные талоны, вдруг сообщила, что в 1820 году здесь у них на Кентерберийском рынке один суровый кентербериец продал свою жену за 5 шиллингов, как было принято в Англии.

И мой муж сразу как-то оживился и спросил:

– А где, где этот рынок у вас здесь расположен?

А я спросила:

– И как, его бывшей жене понравилось в новой семье?

И девушка сначала внимательно посмотрела на Кузьмича, потом на меня и строго заметила:

– Не знаю, понравилось ли ей, но он всю жизнь не смог избавиться от угрызений совести и сошел с ума.

Ну а потом мы пошли смотреть Кентерберийское аббатство. И я совсем повеселела.

Ну, Лондон!..

И вот мы приехали в Лондон.

Я столько о нем читала, столько посмотрела фотографий и фильмов, что ощущение, что я не просто сюда приехала впервые, а вернулась, не покидало. На гиде организаторы решили сэкономить, и нас сопровождал водитель автобуса. С книжечкой про Лондон, путеводителем. Он туда заглядывал, прежде чем что-то рассказать, и пересказывал в двух словах. Чувствовалось, что иногда то, что он рассказывает, для него тоже является новостью, чуть ли не откровением. Нет, без ложной скромности и хвастовства – хорошо, что у нас в группе в тот раз была я. Хорошо еще было бы, если бы нашим людям все это было интересно. А им было неинтересно. Ну разве что музей мадам Тюссо. Но, к счастью, билеты туда были дорогие, а моим товарищам по путешествию еще очень хотелось пробежаться по магазинам (хотя я их и предупреждала, что все очень дорого), ну и посидеть где-нибудь. И подешевле.

Ох и устала я от неловкостей всяких, ох и устала.

* * *

Последний вечер в Лондоне предложили провести с толком – то есть как следует выпить. Но, видя мою кислую физиономию, друзья-британцы предложили: ну хорошо, можно пойти на ужин в «Бифитер».

– Там знаешь что, – увлеченно агитировал Майкл, – там рыцарский турнир, там подают еду, которую готовят, как в Средние века, – на открытом огне, там старинные баллады поют лучшие музыканты, а хозяин этого вечера сам Генрих Восьмой и все его жены. Вот увидишь, будет очень весело!

– Ага, – мрачно ответила я, – учитывая, как плохо закончили эти женщины благодаря своему похотливому мужу... О-оочень будет весело.

– Ну... – растерянно парировал Майкл, – зато там алкоголь без ограничений.

И мы поехали...

* * *

Генрих Восьмой, тот еще тип, отличался завидным

постоянством – медовый месяц с очередной своей женой он проводил в замке Хэмптон-корт.

Говорят, там до сих пор бродят привидения двух его жен – леди Сеймур и леди Ховард. Интересно только – они бродят вместе, взявшись за руки, или все еще из ревности враждуют друг с другом? Хотя вряд ли. Там есть еще одна особа, которая прогуливается по замку, – няня единственного сына Генриха Восьмого – Эдуарда. Говорят, что в замке сохранилась ее комната, и что там есть прялка и веретено, и что иногда – в полнолуние или новолуние, или в канун Дня Всех Святых, она приходит в движение и вертится, вертится...

А вот в очень интересующий меня зеленый лабиринт Хэмптон-корта я не попала – группа не пустила. Боялись остаться одни и встретиться с Джейн Сеймур и Кетрин Ховард.

Действительно, как бы они стали с ними беседовать? Без переводчика.

Кстати, о Генрихе Восьмом. Какого черта его портрет пририсован на том самом круглом столе короля Артура в Винчестере? За какой такой пудинг?

* * *

В соборе Святого Павла в галерее шепота я приложила ухо к стене, а Говорушко повели в другой конец галереи, и оттуда он шепнул. И я действительно услышала, как и обещали гиды. И очень смеялась. Ну я думала, что он скажет что-то типа «Здесь был Вася» или «Слава КПСС!», или еще что-то патриотическое.

А он сказал:

– *Так хОчу мамыного борща з смэ*таною та часныком, аж не мОжу!

* * *

Подумала, стоит ли рассказывать тут о Тауэре. Ну что нового я могу написать после того, как о Тауэре писали все, кому не лень, а кому лень – просто рассказывали. Ну что?.. Ну короли, предатели, палачи... Знатные узники, интриги, братоубийства...

Гидам, которые водят экскурсии по Тауэру, очень повезло. Им практически запоминать ничего не нужно, главное, помнить имя австрийского композитора. Ну, например, ты экскурсовод в Тауэре, состарился и забыл все на свете. Чтоб удержаться на работе, твоя задача помнить одну музыкальную фразу. Ну,

например, из турецкого рондо. Или из женитьбы Фигаро… Ну или на худой конец из Реквиема, Лакримозу… Странно вам? Думаете, у меня крыша поехала? А ничего подобного! Мама моя в таких случаях говорит: не нервируй меня, куда ты клонишь? А вот куда… Главное, если ты забыл все на свете, ухитриться запомнить и воспроизвести эту вот загадочную музыкальную фразу и поинтересоваться у туриста игриво: не помните, кто композитор? Моцарт, конечно, – ответит любой турист. Ну почти любой, оговорюсь я, вспомнив моего Говорушко или Виктора Васильевича на каблуках.

И все становится на свои места. Гид, который водит экскурсии по Тауэру, должен знать всего одно слово – MOZART. И дальше – как по маслу:

M – монетный двор

O – обсерватория

Z – зоопарк

A – арсенал

R – резиденция монархов

T – treasure, сокровищница

А там уже можно ничего и не объяснять, и так все видно.

Да, в Тауэре есть выставка королевских драгоценностей. И в некоторых местах бархатная подушечка пуста, и на ней лежит карточка – в пользовании. И сразу представляешь себе жемчужную диадему на прелестной головке принцессы Дианы.

Конечно, мои туристы кинулись смотреть на Кохинор, легендарный бриллиант, обладание которым оборачивается смертью для владельцев.

Дам просят не беспокоиться – он опасен только для мужчин.

И правильно! Потому что нечего тут властителей мира строить из себя! Чтоб знали!

Вороны Тауэра. Не воро€ны, а во€роны, которые живут за счет статьи бюджета и совсем не бедствуют. Причем опять же, только лишь оттого, что легенда предупреждает: если во€роны покинут Тауэр, тот падет.

Тут же ходит Рэйвенмастер в средневековом костюме с перчаткой за поясом, на которой он носит воронов, чтобы птицелюбивые туристы могли с ними и с ним сфотографироваться. На руке – шесть птиц с подрезанными крыльями, крупные, как бройлерные куры. Шесть основных игроков и две птицы – на скамье запасных. Легенда легендой, традиция традицией, а все предусмотрено – во€роны с подрезанными крыльями никогда не покинут Тауэр. Поэтому Тауэр будет стоять вечно.

ЗВАНЫЙ ОБЕД У ЛОРДА W

Какие британцы все-таки серьезные, обстоятельные люди! Вот, скажем, присылают они бизнесмену письмо-приглашение на деловую встречу, расписывают время, когда, что, с кем, и уточняют, что в программе еще особенный пункт – званый протокольный обед. Отдельно прилагается приглашение от леди и лорда Винсон – в красивом конверте на шелковой бумаге с вензелями. В пригласительный вложена бумага, где четко указано – время обеда, количество человек приглашенных и несколько простеньких условий: черный пиджак (заметьте, не смокинг, а просто пиджак), smart dresses – это для дам, чтоб в джинсах не пришли, а в вечернем наряде, и, пожалуй, самое важное – спич по случаю. То есть тема обеда указана – заключение и подписание договора, то есть по этому случаю и спич.

Наши бойкие хлопчики делают все наоборот: везут с собой в два раза больше народу, чем пригласили, а шо там, мы ж запло €тим, если шо. Далее чуть ли не каждый надевает изумрудно-ядовитого цвета пиджак, а даму свою наряжает, как елку, в турецкий наряд, предназначенный как минимум для танца живота, а не для протокольного обеда с участием двух членов парламента и одного члена королевской семьи с супругой. О спиче – особенно не озабочиваются. Спич – это запросто, это легко, это мы умеем – недаром двадцать лет за трибуной, пальцем угрожаем – ораторское искусство у нас – ого, отточено, так что спич – это мы по ходу.

– Мэриэнн, – деликатно отводит меня в сторонку лорд Винсон, король экологически чистой пластмассы, член палаты лордов Британского парламента, нащупывая листочек со спичем в кармане черного (черного!) элегантного пиджака, – вы знаете, кто такая *mother-in-law*?

– *Sure, sir,* – отвечаю я как можно осторожнее.

– А вы сможете перевести на украинский вот такую шутку, чтоб она ПРОЗВУЧАЛА? – И лорд Винсон рассказывает забавную историю о теще. Нет-нет, не кривитесь, пожалуйста (это я вам, дорогой читатель): анекдоты о теще – это же просто международная, межпланетная тема, тем более что анекдот элегантно вплетается в его спич.

Потом ко мне подходят представители британской стороны и тоже уточняют что-то по своим заготовленным речам. Я начинаю нервничать и тихонько дергаю за рукав бизнесмена Говорушко, которого сопровождаю. Предупреждаю, Вадим Григорьевич, готовьте спич, мол, тут это очень серьезно и ответственно. Вон

британцы готовятся, волнуются, репетируют со мной, хотят, чтобы *прозвучало*.

– Та... – отмахивается Говорушко и продолжает снимать пробы с халявных аперитивов из бара, – это лёгко.

Распорядитель, нарядный, в килте, заглядывая в огромный свиток, провел меня на мое место. Столы в зале были расположены параллельно друг другу, и за ними уже сидели гости. А меня посадили за головной стол, расположенный перпендикулярно ко всем другим столам в зале, между лордом Винсоном и Говорушко. Сэром.

Столы были украшены цветами и свечами в подсвечниках.

Справа от тонких белых тарелок с маленьким золотистым вензелем отеля лежало, нет – покоилось, несметное количество ножей, слева такое же количество вилок разных конфигураций, перед тарелкой несколько разных ложек.

– Оооо! – разочарованно протянул Говорушко. – А де ж само питание?!

– А чо так много, – неодобрительно продолжил экономный Говорушко, оценив количество бокалов, фужеров и рюмочек у каждого прибора.

* * *

У них сначала едят. И все. Едят и тихо беседуют. Первая перемена блюд, вторая, третья... Едят красиво, медленно, аккуратно. Все невкусно. Но есть мне не приходится – так, отщипнуть пару раз. Как всегда энергичный любопытный Говорушко хочет поговорить:

– Слышьте, лорд-лорд, а вы вот как... (И меня подпихивает локтем: ну переводи, давай, шо ты?!) вы как, зарплату за лорда получаете, там, в парламенте или как?

И это я – ну честно! – еще сгладила и не преувеличила.

А потом леди Винсон перегибается и через спину Говорушко спрашивает, не хочу ли я помыть руки. Ну я же, конечно, хочу, раз она спрашивает, мало ли, что у меня там с руками. Мы встаем, а оказывается, это знак такой. Когда первая леди, которая этот обед дает, встает со своей первой гостьей, тогда все могут встать. И мы с первой леди пошли мыть руки. Мимо нас пронесли торты с клубникой и со сливками. Я только вздохнула. И правильно.

Как только мы вернулись к столу, все тоже сразу вернулись. Леди Винсон сначала стояла недалеко от входа и держала меня за локоток легонько, мол, еще постоим, еще не время, а потом, когда все уже почти собрались в зале, она прошла на свое место,

и я за ней. Н-да, сложная работа протокольный обед. Девушки стали разносить торты, кофе и шоколад «After eight», как уточнил лорд Винсон, любимый шоколад ее величества, с мятой. А распорядитель, Джон в килте, торжественный, возвышенный, как голубь, вдруг объявил:

– Леди Винсон, лорд Винсон, леди и джентльмены… Комрадз.

(Комрадз – это для наших, чтоб они все поперхнулись тортом с клубникой и со сливками.) Разрешите поднять первый бокал вина из подвалов… ля-ля-ля… тэ-тэ-тэ… и потом выдержал паузу и выдохнул: «За королеву!»

Ой, мамочки, как все рванули со своих мест! То ли потому, что королеву так свою чтят, то ли потому, что наконец настало время, когда можно выпить.

Ну и пошли тосты – один ярче другого. Что они там ели, что пили, не знаю, – я все это время стояла. Самое страшное – это был спич Говорушко.

– Хаспада и товарищи!

– *Lord Vinson, lady Vinson, ladies and gentlemen*. (Слово «товарищи» я решила опустить.)

– Говоря про вашу всю страннууууу…

– *Speaking about your country…*

– …я не могу не сказаааааать…

– *…I can't help saying…*

– …что мы вылетели из Москвы в девять утра, а прилетели в девять пятнадцать. Значит, мы летели всего пятнадцать минут! – произнес Говорушко и, захлопнув рот, победно осмотрел зал, ожидая дальнейшего перевода.

Давно готовая ко всему, я включила резервную извилину и, стараясь сохранять ритм и интонацию Говорушко, произнесла спич о прекрасном британском народе, гостеприимном и миролюбивом, дружелюбном и талантливом, трудолюбивом и толерантном. А Говорушко при этом продолжал что-то нести, свое, привычное. Его речь о планах и соцсоревновании очень напоминала анекдот про хрупака, любимый анекдот Василь Василича о том, что, сколько бы ни посеяли картофеля, все сжирает хрупак, так пусть он в конце концов обожрется уже!

Когда моя мама потом смотрела видео, она плакала от смеха.

Ну и уже после всех речей, обмена подарками встал Роберт Максвелл и, выставив грудь, попросил тишины и стал говорить:

– Лорд Винсон, леди Винсон, леди и джентльмены, комрадз… Я предлагаю поднять бокалы за человека…

(Ну, думаю, все, последний тост, теперь наверняка за Горбачева, британцы к нему с большим уважением – О, Горби, Горби…)

– Благодаря которому мы сегодня так хорошо поняли друг друга…

(*Перевожу.*)

– Благородного…

(*Перевожу.*)

– Хорошего воспитания…

(*Перевожу.*)

– Образованного…

(*Перевожу*)

– Красивого…

(Ну тут, он, конечно, перегнул, какой там Горбачев красивый, ну вопрос вкуса, перевожу. Мое дело – маленькое в данном случае.)

– Даже, я бы сказал, – игриво добавил Роберт, – хорошенького…

(Тут я заподозрила неладное, потому что сказать о мужчине «*pretty*», это значит его сильно обидеть. О мужчине в таких случаях говорят «*handsome*».)

– Оказавшего нам честь…

(*Перевела, но насторожилась, о ком это…*)

– Моим родителям, моим братьям и мне…

(*Ну тут я уже почти задохнулась, потому что я поняла, о ком это – весь месяц я жила у родителей Роберта Максвелла, в их родовом поместье. Но перевела.*)

Роберт высоко поднял свой бокал, сделал им неуловимое движение, как будто бокалом нарисовал в воздухе замкнутую петлю, и, понизив голос, кротко, мягко и торжественно провозгласил:

– For Marieann!

И тут весь зал (ну, кроме наших, конечно) рванул опять, и все сто с лишним человек встали и сотворили в воздухе такую же петлю Мебиуса, хором повторив вслед за Робертом: «For Marieann!»

Я ужасно растерялась, смутилась, закрыла рукой лицо и чуть не разревелась от этого всего, и больше всего в жизни жалела, что этого не видит декан нашего факультета Ярослав Иванович Пащук, чтобы он мог убедиться, что правильно не выгнал меня когда-то из университета за устроенные мной в общежитии ночные гадания в Крещенский вечер, моя преподавательница и руководитель моей научной работы Жанна Аркадьевна Моргулис, а главное – моя мама.

Сразу после этого тоста (который наши мне уже никогда не забыли и не простили) леди Винсон опять спросила про помыть руки (прям санэпидемстанция какая-то). И я обреченно побрела

за ней мыть руки. И за пять минут все столы были убраны, и начался бал.

* * *

Бал требует отдельного рассказа. То ли столов во время обеда было так много, то ли кто-то, как у Булгакова, умел расширять пространство, но, когда мы вернулись, только где-то там, далеко, на маленькой эстраде настраивался небольшой оркестр, а зал был бесконечен, паркет празднично блестел в предвкушении праздника. Раздалась народная кельтская музыка, и член Палаты общин Британского парламента, обаятельнейший Алан Бииз, прилетевший на этот бал специально, *на вертолете*, легонько скинул пиджак, прямо под музыку переменным шагом подскочил ко мне и, протянув мне руку и заложив за спину другую, весело и несолидно подпрыгивая в такт, пригласил меня на танец. И мы с ним, идя первой парой, как поскакали вместе! Там, у них, во время танца есть специальная леди, которая громко в микрофон объявляет фигуры, и мы под ее выкрики менялись местами, партнерами, скакали по кругу, делали «ручеек», пробегая под поднятыми аркой руками других танцоров. И мне так было весело: во-первых, ничего уже не надо было переводить, во-вторых, Алан очень забавно разбрасывал ноги в разные стороны, и кажется, что весь вечер он не мог дождаться этой вот самой минуты, когда ему, такому солидному члену парламента, можно будет безнаказанно носиться по залу, выкидывая всякие коленца, таская меня за руки и прокручивая в разные стороны.

И был бал, настоящий бал. Пожалуй, первый и пока единственный настоящий бал в моей жизни. Несколько достойнейших мужчин Соединенного Королевства были готовы отдать мне свое сердце, отводя меня в уголок (причем почему-то в один и тот же) и признаваясь, что прежде никогда... никогда... и просили мой номер телефона и мой адрес, и говорили-говорили... (Даже один аукционер сообщил, что я ужасно понравилась его родителям и дедушке и что даже его дедушка не прочь на мне жениться, так что уж говорить о нем.) Леди-распорядительница все время объявляла перед началом танца: «Нужно шестнадцать пар, в первой паре идет Мэриэнн и...».

И тогда ко мне подлетали желающие идти в первой паре...

Тут вот надо признаться, что я в своей жизни ни разу – подчеркиваю, ни ра-зу! – не была на танцах. Ну там, в клубах, домах культуры, городских садах или на дискотеках... ну ни разу. Не потому, что мне не разрешали, просто находились дела

поинтереснее. Правда, я ходила на школьные вечера и вечера в университете, танцевала в клубе бального танца. Но все это, конечно, не сравнится с балом в Вуллере-инн.

Боже мой, как же я была счастлива и весела тогда!

Потом Джон и Джейн Максвеллы везли меня в своей большой машине домой. Шел нарядный дождик, полноправный и чопорный участник этой волшебной ночи, сыпал бисером на стекла. От его торжественного неторопливого шествия засверкали в свете фонарей чисто умытые улицы, крыши домов и листья деревьев, запахло весенним цветением и растворился постылый туман. На мне все еще было вечернее платье цвета бледной сирени, все еще свежее и не помятое, мои блестящие новые туфельки, машина все еще не превращалась в тыкву, а водитель был все так же хорош, хоть его торчащие усы и напоминали отдаленно что-то крысиное. Мы с Максвеллами, родителями, сыновьями и их друзьями-соседями, еще долго сидели на просторной кухне, обсуждали прошедший вечер, и я смущенно проигрывала в памяти еще и еще, как вдруг встал весь зал, и все подняли бокалы и разулыбались – члены парламента и фермеры, фабриканты и профессора университета, домохозяйки и художники, ученые и наемные сельхозработники, студенты и журналисты – все, с кем свела меня такая удивительная и нелегкая работа, а скорей судьба, когда Роберт провозгласил тост «For Marieann!». И все взгляды вдруг скрестились на мне, смущенной до слез, с замершим от благодарности сердцем.

Через день, уже в Москве на Киевском вокзале, я попрощалась с группой и, опаздывая на поезд, прямо на ходу впрыгнула в вагон, куда у меня был давно куплен билет, но не было времени его показывать, потому что поезд набирал ход. Проводница – большая, суровая, с отекшим лицом, маленькими злыми глазами, несчастная и, видимо, очень одинокая, собрала в горсть куртку у меня на груди и не без удовольствия энергично вытолкнула меня из вагона на перрон. Прямо на ходу. Я почему-то из всего этого помню только ее толстые пальцы с покрытыми облезшим розовым лаком и грязными ногтями...

Но, как пишут обычно, это уже другая история...

МОЯ ВЕСЕЛАЯ АНГЛИЯ
Рассказы

Здрасьте, Ваше Величество!

…Круг вышел не очень-то ровный.

– Правильность формы несущественна, – сказал Додо.

Л. Кэрролл «Алиса в Стране чудес»

В восемь лет я разбила лоб, и мне наложили четыре шва. Бабушка всплеснула руками и горько констатировала:

– Все! Она уже никогда, ни-ког-да не станет разведчицей!

В десять лет баскетбольным мячом мне разбили очки. Папа поднял и резко опустил правую руку:

– Из нее ни-ког-да не получится спортсменка!

На выпускном экзамене в музыкальной школе я оттарабанила Глиэра в другой тональности, на слух, нагло досочинив финал, завершив его джазовым аккордом, самоуверенно полагая, что так Глиэр (портрет которого покосился на боковой стене актового зала) звучит лучше. Директор музыкальной школы обиженно заявил моим родителям, что ни-ког-да. Ни-ког-да!

Ну, потом мелочи. Вывихнула ногу, повредила связки в балетном классе Дворца культуры – ни-ког-да!

Побила партнера в кружке бального танца (прости, Гарик) – ни-ког-да!

Все, Маруся! Учи формы неправильных глаголов английского языка. Learn – learnt – learnt.

После окончания университета мне предстояло заниматься совсем безнадежным делом – преподавать английский язык в школе. Тут уж я сама сказала свое «никогда» и решила идти в монастырь. А что? Уйти в монастырь и дать обет молчания. Как Кончита. Я уже представляла свое бледное лицо, мелькающее сквозь ветви старого заросшего монастырского сада. Свою прозрачную фигурку в черно-белых одеждах, истощенную воздержанием и постами… И кто-то таинственный по имени, например, Аркаша рыдает у монастырских оград, потому что я Другому отдана. И никогда. Никогда…

Это роковое решение тлело во мне часа два. Пока на глаза не попалось объявление: «Молодежное туристическое агентство. Переводчики. Конкурс». Last dance – last chance. Последний танец – последний шанс. Так говорят англичане. Я рванула по указанному адресу – и (мама не верит до сих пор) прошла

конкурс.

После длительных оформлений и многочисленных проверок тайной службой империи я села в кресло самолета «Бритиш эйрвейз». Мои «никогда» цеплялись за подол: боязнь высоты, слабый вестибулярный аппарат, такая же трусливая японка рядом и кокетливый жест бортпроводницы, указывающей, где, «на всякий случай», находятся спасательные жилеты. Наш с японкой сосед посоветовал выпить чего-нибудь кислого – например, белого сухого вина – и забыться сном. Вот это говорить было необязательно. После наперстка алкоголя меня всегда тянет в сон. Эх… Последний танец – последний шанс!

Королева пришла неожиданно, когда я только собралась уснуть. Пришла в карнавальном шахматном костюме и села рядом, спихнув мою японку. Уселась и закурила сигарету «Прима люкс».

– Здрасьте, ваше величество, – растерянно поздоровалась я.

– Ты кто?

– Ма… Маруся…

– А я – Королева, – сообщила Королева, следя за кольцами сигаретного дыма.

– Трудно? – робко спросила я.

– А ты как думаешь? Пообедать спокойно не дают. В первую перемену блюд я обязана говорить только с тем, кто сидит по левую руку от меня. А так иногда хочется поболтать с тем, кто справа…

– Нельзя?

– Да где там! С тем, кто сидит по правую руку, я буду говорить после второй перемены блюд… Ну да ладно… – В руках у Королевы оказалась колода карт. Она задумалась на секунду и вдруг предложила: – А назови-ка мне все падежи.

– Падежи? – не поверила я.

– Да! У вас, у русских, это так загадочно, сложно, красиво…

– Падежи?

– Ну да! – Королева стала раздражаться. – И давай быстрее! Сегодня вторник. У меня скоро встреча с премьер-министром.

– Ну пожалуйста. Именительный, родительный, дательный…

– Ну вот еще глупости! – вскипела Королева.

– Но как же… Именительный, родительный…

– Ты пойми, я прошу особенные падежи. Превосходные. Которые не падают. А парят. Парят, – Королева затанцевала руками в воздухе. – Самый красивый – это творительный. Остальные – родительный, дательный – фи! Так приземленно. Вот творительный! – Королева тяжело вздохнула. – Какая ты глупенькая! Если идешь назад, это совсем не значит, что ты

идешь именно назад!

– Я поняла! Я знаю!

– Раз знаешь, начинай. Творительный...

– Творительный, удивительный, пленительный, изумительный, блистательный, очаровательный...

– Отвратительный и печальный, – удовлетворенно добавила Королева. В руке ее искрилось вино в хрустальном бокале. – Пью твое здоровье, Маруся!

– Ах, ваше величество, я не забуду никогда, никогда...

– Никогда не говори «никогда»! – взвизгнула Королева. – И когда прощаешься с Королевой, надо просыпаться. Просыпайся! Просыпайся!

Кто-то тронул меня за плечо:

– Просыпайся! Мы подлетаем.

Королева в последний раз перетасовала колоду, вручила мне одну карту и голосом стюардессы сказала:

– Заполните декларацию, пожалуйста.

Моя соседка отдувалась и охала:

– Я думала, мы не долетим никогда-никогда...

– Никогда не говори «никогда», и тогда даже падежи будут парить, парить... Станут превосходными...

– Падежи? А что это?

Трудно объяснять японке, что такое русские падежи. Наверное, этого не объяснить никог... Попытаюсь...

Мы снижались и летели над Букингемским дворцом. На ветру бился королевский флаг. Значит, Королева дома. Она выпила кофе от «Харродз», закурила сигарету, глядя в окно. На наш самолет. Наши взгляды перекрестились между дворцом и самолетом.

– Здрасьте, ваше величество...

– Ты кто?

Ночь полнолуния в замке Дэмбероу

– Джентльмены, закурим? – он откинулся в кресле и закурил. – Вы и не догадываетесь даже, где можно счастье встретить. Я вот свое встретил в подвале. Да, в подвале замка Дэмбероу. Фиона... Шотландка... Актриса... Сколько ждал ее... Сколько искал...

Вы ведь наверняка знаете, джентльмены, что юной девушке трудно найти место в театре. Можно, конечно, таскать канделябры, пока приму театра, лет тридцать игравшую Джульетту, не переведут наконец на Гертруду или леди Макбет, если потянет. А тут уже и девушка увяла, и возраст шеи, и рыхлость чувств. И торчит бедная дева до старости статисткой на заднем плане, народ изображая.

Нет, Фиона, или Фи, как называют ее близкие, не стала ждать места в Королевском театре и поехала по объявлению к нам в Нортумберленд, на север Англии.

Главреж театра «Модерн», он же завпост, он же звукорежиссер и осветитель, он же ведущий актер на ролях героев-любовников, он же сам себе кофе подает в раскладушку, которая тут же в театре и стоит, узкоплечий сутулый невнятный юноша с седой косичкой по имени Майкл, оглядел мою Фи, этот бутон, эту надежду культуры британской, и предложил разделить с ней свою раскладушку.

– Ты – красавица, рыжая шотландка. Я – опытный мудрый усталый путник. Это ничего, что на лбу моем гениальном пять морщин продольных, как стан нотный. Открой его ключом скрипичным и пиши мелодию нашей любви.

Это на раскладушке, значит. В пыльной гримуборной.

Окинула она его взглядом холодным, как метель. Он затрепетал и спросил:

– Ну?

– Фи! – сказала Фи.

– Ноу! – сказала Фи.

– Невер! – сказала Фи.

– Ноу так ноу, – вяло согласился Майкл и склочным голосом проворчал: – Тогда вон! Бездарь!

Вот так она попала к нам, в отель «Дэмбероу». Американцы этот замок средневековый купили и в одном крыле музей открыли, в другом – отель. Для любителей острых ощущений. Вот последнего-то как раз и не хватало. То ли привидения наши с прежними хозяевами переехали, то ли реставраторы их напугали...

Контракт Фи предусматривал работу семь дней в месяц, в полнолуние. Выход – по последнему удару часов в гостиной, в полночь. Так мы и познакомились. Работали, в отличие от других привидений, вдвоем. Фи в сером платье с бурыми пятнами на груди – леди Дэмбероу, убитая мужем из ревности. И я – лорд Дэмбероу, в отчаянии заколовший сам себя. Резвились мы: стенали, выли, цепями бренчали, свет гасили, скрипели ставнями – придумывали каждый раз что-нибудь новенькое. Гости были довольны. И Фи была счастлива. Только обида на Майкла не давала ей покоя. Понять можно – она ведь из старинного клана Вудов, честь превыше всего: мести хотела. Я все и придумал.

Как-то ночью вдвоем мы пробрались в его театр. Спал он на своей раскладушке и выглядел непотребно. Девица полуодетая с визгом выскочила, он глаза открыл, а тут мы, прозрачные, в своих нарядах ветхих тюдоровских. Ах, джентльмены, зрителя не было! Свистящий шепот Фи под мои-то качественные стоны – Сара Бернар! Это были гнев и ярость всех убиенных героев шекспировских. Вот, мол, лицемер, валяешься на раскладушке, еще башмаков не стоптал, в коих юную деву совращал, а уже другую охмурил морщинами своими пыльными.

А потом она, дитя мое, склонила головку и грустно так:

– Прощай навек, коварный!

А тут и я, как репетировали. Выхватываю меч – выходи, говорю, ловелас, на открытый бой на рыцарский! И вжик мечом над его макушкой. Куда там! Герой-любовник от страха приседал и жмурился, скулил и плакал, повторяя:

– Невермор! Невермор! Невермор! Больше не буду никогда!

Исчезли мы, когда ничтожество это под одеяло с головой забралось.

Как радовалась любовь моя, Фиона Абигайль Вуд, как сверкали глаза ее цвета старого эля! Рассвет застал нас в подвале замка, на скамье каменной. Слагали мы песни о любви и распевали их тихонько.

Вот таков, джентльмены, мой рассказ о том, что любовь свою можно встретить и в подвале. Посему разрешите мне, лорду Дэмбероу, восьмому графу Диггансу, виконту Персивалю, конюшему короля Георга, откланяться. Да и вам пора – светает. Растворяемся, джентльмены, растворяемся. До следующего полнолуния...

Вильям Шекспир и группа товарищей

1

– Даете слово не поддаваться на искушения западного мира? – строго спросили меня в бюро переводов, подписывая бумагу для оформления документов на выезд в Великобританию.

– А как же! – вслух пообещала я, но про себя подумала, что если я нарушу эту клятву, то пусть.

– И не вздумайте от нас потом скрывать отдельные обстоятельства. Мы все равно узнаем от тех, кто знает все, – и следующую поездку вам не видать как собственных ушей.

Я вышла из кабинета, взглянула в зеркало в приемной, сначала внимательно оглядела левое мое ухо, потом правое, и побежала по магазинам и на блошиный рынок – покупать подарки своим английским друзьям, заказанные ими загодя: матросские бескозырки, солдатские шапки-ушанки, водку и украшения из бисера, дерева и соломы.

Забегая далеко вперед, скажу сразу, что в Британии я тут же поддалась на искушения западного мира, а началось все с того, что я потеряла там свою группу товарищей.

2

Меня послали в Великобританию. Причем в приглашении было условие, что группу должна сопровождать та самая переводчица, которая по собственной инициативе показывала нам, британцам, редкое, необычное и смешное.

А показывала я им действительно интересное, то, что и многим нашим не мешало бы посмотреть, а они все время откладывают на потом.

Во-первых, я потащила британцев в лес, чтобы показать то место, где медведь спер пограничный узел связи. Как-как? А легко. Узел гудел и жужжал, как ему и положено. Следуя логике медведя всех медведей, это «ж-ж-ж» означало «пчелы», а «пчелы» означало «мед». Медведь сорвал узел со столба, скрутил его, меда не нашел, осерчал сильно и порвал узел, как мавпа газету. И ушел, особо не торопясь, вихляя пышным меховым задом, обиженный, под крики и выстрелы подоспевшего патруля. Как англичане попали в эту закрытую зону? Не спрашивайте. Друзья – это гигантская сила. Потом мы еще поехали на гуцульскую

свадьбу в одно село, где, согласно обычаям, перед венчанием будущая теща тащит на себе будущего зятя в гору. Есть женщины не только в русских селеньях. Коня на скаку, это я вам скажу, так, игрушки. Вы попробуйте тащить в гору на спине крепкого хлопца в полной свадебной амуниции, ого! А потом еще невеста верхом на белом коне – это же просто чудо как красиво. Словом, много всего англичане увидели. И потом из благодарности уже планировали, что ж такого необычного и интересного покажут они мне в Британии.

Я поехала в Великобританию сопровождать группу молодых фермеров, которые должны были изучать фермерский опыт в Британской организации молодых фермеров. То есть молодые – подчеркиваю, молодые фермеры – приглашали молодых – подчеркиваю, молодых – фермеров. А поскольку, кого посылать в поездку, решалось в тогда уже агонизирующем, но еще действующем облисполкоме, то в группе молодых фермеров оказались довольно зрелые функционеры, возмужалые и поседевшие клерки сельхозуправления, а также их спелые жены и уже вызревшие далеко не юные дети. Ну и конечно, – как без них-то?! – те самые парни, которые знают все. И эту вот, как у нас говорят, юрбу я благополучно и потеряла в городе, где родился Вильям Шекспир.

Люди, объединенные в группу, особенно если вокруг незнакомый язык и чужая страна и если они уже достаточно устали, эти люди начинают мыслить коллективно и вести себя как единый живой организм. Как муравейник, например, или как улей. Хотя сказать «мыслить» – это значит преувеличивать. Ну, по крайней мере, эти люди, объединенные во временный коллектив, поступают рефлекторно одинаково, реагируя на единый, как-то подсознательно всеми выбранный раздражитель. В случае с поездкой в Стрэтфорд этим раздражителем была ярко-красная кофточка «фермерши» Розы Кульбабы, торгового работника, обворожительной женщины («кульбаба», кстати, с украинского «одуванчик»), у которой уже наметился бурный роман с «молодым фермером» из тех, кто все знает, капитаном, как Кульбаба сразу стала его называть, Петечкой. Эти двое, поскучав для вида полминуты в доме, где родился Шекспир, решили незаметно улизнуть и побродить по улицам Стрэтфорда вдвоем. Они тихо на цыпочках направились к выходу, а недремлющий, но тоже заскучавший рой «молодых фермеров» сразу же отреагировал на движение яркого пятна и направился следом за ними.

Кульбаба и Петечка медленно плыли, сцепившись пальцами рук, глазея по сторонам и даже не подозревая, что за ними

добросовестно плетется цвет и надежда сельского хозяйства страны со своими просторными сумками, куртками и плащами, перекинутыми через локоть или плечо, со своими покупками, видеокамерами, фотоаппаратами, женами и великовозрастными детьми. Сладкая парочка брела куда попало без разбору и завернула в тенистый скверик, чтобы там уже наконец слиться в поцелуе, ну и клин фермеров, поменяв направление, устало курлыча каждый о своем, безотчетно поволокся следом. И тут вот, случайно оглянувшись, Кульбаба и увидела, что на нее и Петечку равнодушно и бездумно пялится уставшее стадо ее сотоварищей по сельскому хозяйству. Гурт жевал жвачку, переминался и ждал дальнейших распоряжений к передвижению.

3

А я в это время слонялась по дому, где родился Вильям Шекспир, прислушивалась к вдохновенным рассказам экскурсоводов и недоумевала. Ну не могла я поверить, что там, в том незамысловатом ветхом домике, у примитивного очага, в доме, где не оказалось ни одной книги, ни одной картины с изображением королей или лошадей, или гончих, не было музыкальных инструментов: клавесина, например, или хотя бы свирели завалящей, не было даже вазочки, чтобы впихнуть в нее пару цветков и любоваться, ну ничего такого, из чего мог быть взращен поэт, гений, британское «Наше-всё», личность, немыслимо для тех времен образованная, вооруженная потрясающими энциклопедическими знаниями о мире, историк и философ... Нет, никаких следов. Я, конечно, было сунулась спрашивать у девушки в музейном халатике с беджиком с именем на кармашке, хотела подойти, взять за пуговку, в глаза заглянуть и тихо приветливо спросить: «Слушай, Кэйси, Катя по-нашему, Катя дорогая, ты производишь впечатление умной женщины, стоишь такая уверенная в халатике, ты что, Катя, действительно веришь, что человек, тут вот подраставший, окончивший кое-как четыре класса, мог бы стать тем, кем стал?!»

Но приятельница моя Айрини цапнула меня за руку и зашипела: ты крэйзи?! Ты хоть понимаешь, что ростовщик Вильям Шекспир из этой хаты, он же ее, Кейсину, семью кормит-поит, он оплачивает образование ее детей и гарантированный отпуск в Австралии?! Стой тихо и молчи. И тогда я прикрыла глаза, стоя посреди спальни родителей Катиного кормильца, и видела только дощатый пол, и сердце вылетало из груди, и я погрузилась глубоко в себя – вот сейчас-сейчас, я пойму, я почувствую – он

или не он, он или не он...

И вот пока я так тщательно медитировала на ночной горшок маленького Вильяма, моя группа таинственно сгинула в неизвестном направлении.

4

Кстати, первым, кого я увидела в Стрэтфорде при выходе из автобуса, был юноша в кумачовой косоворотке, с балалайкой и в кепке с цветком. Он сидел на лавочке и тоненьким девичьим голоском пел «Светит месяц, светит ясный...». У ног его развалился балалаечный футляр с одной купюрой, предусмотрительно прижатой камешком, и негустая россыпь монеток. Надо было так далеко ехать, чтоб встретить тут этого Иван-царевича...

Мы с Айрини, как заполошные куры, пометались и покудахтали вокруг дома-музея Шекспира, мне все казалось, что они, мои «труженики полей», кричат, кличут, зовут меня откуда-то – то слева, то справа, то сверху, то откуда-то непонятно откуда.

– Ой! Ой! – растерялась я.

– Бежим! – приказала Айрини.

И мы помчались мимо Ивана-балалаечника – он уже остервенело колотил расписными деревянными ложками под веселую плясовую из портативного магнитофона, лягался ногами в разные стороны и басом верещал: «Ба-арыня-барыня! С-с-су-ударыня-барыня!» – перебежали мост над рекой Эйвон и оказались в полицейском участке.

Полицейский, парень ошеломительной красоты, ненашей учтивости и белозубости, по имени Дэйвид, сказал, что у них в Стрэтфорде никогда и никто не пропадал, что везде на табличках все написано на разных языках и что везде стрелочки с картинками для безъязыких туземцев. Придут! – махнул он рукой. – Куда денутся. Подождите тут.

Но тут позвонили с другого участка и сказали, что какие-то странные уставшие и очень опечаленные люди с *вещами* ездят по кругу на колесе обозрения в парке, хулиганят, горланят что-то оттуда сверху, тыкают пальцами в разные стороны, громко перекликаются между собой и не хотят с него сходить.

Мы с Айрини помчались в парк, где вокруг аттракциона уже собрались зрители, и стащили с этого чертового колеса наших «молодых фермеров». Как же они меня костерили! А я их жалела, извинялась, каялась и робко указывала на стрелочки с картинками. А они, заморенные, беспомощные, со своими

пожитками, запыленные, даже подзагоревшие там, наверху, говорили, что они два часа играли в казаков-разбойников – носились по этим стрелочкам и все равно возвращались в этот же парк. И тогда самый изобретательный «молодой фермер», налоговый инспектор Кущик, предложил всем залезть на колесо обозрения, чтобы сверху увидеть, где стоит их автобус, или чтобы их легкомысленные сопровождающие увидели их наверху. Для этого они и орали по очереди по мере поднимания каждой корзины с «молодыми фермерами» на самую верхушку колеса. Одни оказались на верхушке, кричат:

– Аэ-э-э!!! Вон она!

Следующие наверх подползли, увидели вдалеке нас с Айрини:

– Мы ту-у-ут!

Кульбаба с Петечкой – и ведь сами же виноваты, увели народ за собой, кто их просил – они поднялись, и нет чтобы раскаяться, давай надрываться:

– Сюда смотри! Ду-у-ура!!! Мы вот они!!!

Словом, привлекали мое внимание, пока я слушала, как балалаечник тарабанит ложками себе по коленкам.

Конечно, после многоразового триумфального круиза на чертовом колесе моя юрба не захотела в тот день ехать никуда. Я очень призывала и обещала всех водить, как на веревке, и следить за каждым. Нет, они захотели только в автобус, ехать и смотреть в окно. А еще лучше пообедать плотно, вкусно и лежать, все.

Много чего еще интересного, необычного и забавного показали нам британцы. Я очень пристально следила за каждым из моих «фермеров» и больше их не теряла, хотя была уверена, что неприятности по возвращении у меня будут. Что я получу и за рассеянность, и за позор в парке, и за обращение в полицию, да мало ли еще за что...

Но, к счастью, очень быстро времена переменились, и я продолжала еще не раз поддаваться на искушения западного мира.

А Кульбаба и Петечка почему-то до сих пор делают вид, что они, во-первых, мало знакомы, во-вторых, что они ни в чем не виноваты.

А кто виноват, спросите? Ну не Пушкин же... Шекспир во всем виноват, Британское «Наше-всё»...

Рассмешить гвардейца

Какое главное развлечение туристов в Великобритании? Кроме осмотра достопримечательностей? Мадам Тюссо? Ну вы тоже! Вы говорите о музее восковых фигур мадам Тюссо?! Да глупости! Сейчас этих восковых болванов по всему миру столько налепили, прямо тесно от них в нашей человеческой жизни. Они стали выбираться на улицы наших городов, сидеть в ресторанах, ходить на выставки, презентации, развлекаться в ночных клубах, совершать преступления, баллотироваться в депутаты и выступать на теледебатах, усиленно защищая права восковых фигур. Бывает, включишь телевизор, а там голова хлоп-хлоп глазами, и вдруг рот раскрывает и молвит... голосом человеческим. И такое молвит... Ну да ладно.

Друзья мои говорят, что самое симпатичное во мне не внешность, не фигура и не мой тонкий пытливый ум, что, как муж говорит, является безусловною выдумкой, не легкий шаг, не всякие умения и способности, а мой смех. Наш областной музыкально-драматический театр, когда играет комедию, всегда присылает мне пригласительные на первые несколько спектаклей. Во-первых, своим идиотским смехом я вдохновляю труппу, во-вторых, завожу публику вокруг себя. Что есть, то есть. Если я говорю с кем-нибудь по телефону и начинаю смеяться, сеть не выдерживает, отключается. А сколько было сорвано уроков в школе. А встреча с депутатом... Многие вспоминают. Последним был мною осмеян обалденный по своей авантюрности многолюдный очень платный семинар-практикум «Стратегии когнитивных и поведенческих актов для получения лучшего уровня контроля и повышения эффективности деятельности переводчиков компании».

Вот как-то один детский писатель – хороший писатель, добрый, умный, и очень смешные книжки пишет – загрустил. А все почему – он вегетарианец, и у него очень высокие требования к еде, которую он сначала тщательно обнюхивает на предмет свежести. Поэтому чаще всего он питается, как библейские пастухи в часы невзгод и лишений, сыром и вином. А тут пришел он на фуршет, а на столах ну ничего. Имеется в виду, для него. Он прямо скис, нос повесил. Вот, говорит, смотрю в глаза этой крабовой палочке, раздумываю о нелепой ее жизни, и мне грустно. Мне грустно, что мало чего вкусного тут, на столах, среди этого изобилия неполезной еды. Почти ничего.

А я ему отвечаю: а мне весело. Потому что много чего смешного вокруг столов, почти все!

Смеяться – это такая же неотъемлемая часть моей жизни, как дышать.

Поэтому я езжу в Великобританию для того, чтобы дразнить гвардейцев. Не пробовали?

Ну, например, в Букингемском дворце. Стоит такой гигант исполинский, закаленный, невозмутимый в медвежьей шапке, красном кителе, стоит и не шевелится. Прямо как восковая фигура. А туристы ему в лицо заглядывают, анекдоты рассказывают, хохочут, а он как будто и не слышит. Ну иногда только уголок губ дрогнет, незаметно. Держится изо всех сил.

Но и это не самое интересное. Я, например, предпочитаю дразнить гвардейцев в Шотландии, в городе на семи холмах Эдинбурге, как шотландцы его называют, Эдинбэрэ.

Вот стоит такой милостью Божьей гвардеец пехотного гренадерского полка, очень живописно одетый – килт из тартана, плэйд, форран, блэнгери... Ой, столько непонятных слов. А на самом-то деле – юбочка в клетку, плед на плече, сумка меховая на... на... ну... впереди, пилотка с лентами на затылке, как у наших матросов, белые перчатки и гольфы, как у детсадовских детей. Красавчик.

– Лиззи, – говорит одна пожилая американская туристка подруге, – ты посмотри, какой он секси в этой своей юбчонке, с этой торбой на... на... ну, впереди, и этом своем одеяле на плече...

И все умирают от смеха рядом, только он стоит надменный в своем килте, глазами – далеко, там, где сердце Роберта Бернса. А оно, как водится, – в горах. Стоит такой гордый в своем одеяле. Потому что на юбке и одеяле у него черно-красные цвета клана Стюартов. А это даже не Дугласы и не Макдональды... И охраняет он не что-нибудь, а сердце шотландской истории Эдинбургский замок со всеми его каменными воспоминаниями, пыточными орудиями, сокровищами шотландской короны, часовней в память лучшей из шотландских королев леди Маргарет, тайнами, замурованными в толстенные мшистые стены, призраками и гигантским собором, где хранятся Книги Чести Шотландии, куда еще в позапрошлом веке гусиным пером внесено имя прапрапрадеда его Джона Стюарта, павшего за честь Великобритании в Афганской войне.

Между прочим, тут недалеко, в замке Холлируд, интриговала одна прелестная представительница этого же клана по имени Мэри. Очень уж хотела она возложить на свою ветреную головушку корону империи и стать владычицей морскою. Ох, как она стала шантажировать всех, искать компромат, готовить дворцовый переворот, вся такая в белом, с косой вокруг головы, полная энтузиазма и стремления сделать жизнь получше и

подешевле для своей, как она говорила, нации... Ой, я не о том, кажется... Вернее, не о той... Ну да ладно. История, как говорят, обязательно повторяется. Только второй раз, заметьте, уже в виде фарса. У той леди в XVI веке все же возможностей, на мой взгляд, было меньше... Ну не будем о грустном. Мы же радоваться планировали. И поскольку я приехала в Шотландию дразнить гвардейцев, я стала смущать Стюарта.

Вот, например, англичане едят овсянку с сахаром. А шотландцы? Ну конечно, с солью! Поэтому гвардейца в Лондоне надо смешить, чтобы рассмешить, а гвардейца в Эдинбурге надо злить. Их когда злишь, они тут же конфузятся и хихикают. Делая вид, что им наплевать, потому что они – о-го-го! Они – шотландцы, а не кто-нибудь там...

И вот я становлюсь недалеко от полосатой гвардейской будки и с безразличным видом говорю:

– Интересно, а играет ли шотландская сборная по футболу в чемпионатах Европы?

Вижу, он насторожился, хотя и так стоит, как струна, и тихонько так: «Хм...»

– Да у них-то и команды футбольной нету, наверное, у шотландцев... – подыгрывают мне знакомые американцы.

– Правда, нету? – наивно спрашиваю я, сдерживая смех.

– Ты хочешь поговорить об этом? – задают американцы свой привычный вопрос, с сомнением поглядывая на гвардейца.

А Стюарт уже глазами не в горах, где сердце величайшего из шотландцев, а готов ими меня сжечь, как ведьму на средневековом костре.

– Нет, лучше давайте обсудим их странный язык, этот их диалект английского...

Гвардеец вот-вот лопнет от ярости сейчас. Нет, ну это уже совсем наглость, играть на его национальных чувствах.

– А еще лучше, давайте пойдем и посмотрим тот самый «Камень судьбы». По-моему, просто обычный камень, стоило из-за него раздувать такую шумиху в прошлом веке, – говорю...

И тут знаете что? Тут пришла смена караула. С командами и очень смешным подыманием коленок в юбочке (это при их бесстрастном выражении лица), церемонным притопыванием башмаками и передергиванием затворов их базук, он и его напарник поменялись местами, и напарник влез в полосатую будку, а мой Стюарт оказался на свободе, чтоб наконец надавать мне по шее.

Но поскольку он был шотландец – отважная и благородная душа, храброе сердце, истинный шотландец, писаный красавец, рыжий и веснушчатый, принадлежащий к высокому клану,

верный подданный Британской короны – Якоб Стюарт, так его звали – провел со мной и моими знакомыми американцами такую вдохновенную беседу, к которой, казалось, он готовился всю свою жизнь. И что шотландская сборная играет в чемпионатах Европы по футболу отдельно от английской, и что шотландский – это кельтский язык, а никакой не диалект, и что «Камень судьбы» – волшебный, и на нем короновались все британские короли. И когда шотландские студенты выкрали его из Англии и привезли назад в Шотландию, все, абсолютно все шотландцы плакали от счастья. И мои родители плакали, и мои дедушки плакали, и шотландский парламент плакал, и трубочисты, и пекари, и волынщики, и пивовары, и гвардейцы, и поэты, и мэр Эдинбурга плакал. Его, этот огромный камень, везли по Королевской миле от Холлируда к Эдинбургскому замку, и столько было народу, и все хотели видеть это. И тогда мой дед позвал всех в первую и самую древнюю в мире Камеру Обскура, откуда было видно в специальные зеркала, как водворяют «Камень судьбы» на свое законное место. И там вокруг зеркал стояло множество людей, и они тоже плакали от счастья. И полоскался на ветру шотландский флаг над старым замком. И тогда Англия позволила оставить «Камень судьбы» в замке, видя такое всенародное ликование. Вот какая у меня страна! Шотландия в моем сердце, где бы я ни был, и лучшее в мире – это Шотландия, и самое великое – это Шотландия, и все самое красивое и вечное – это Шотландия, Шотландия, Шотландия... И все это я передам по наследству детям. И любовь к моей прекрасной стране бесцветных скал, зеленых долин и рыжего солнца, к стране легенд, древних крепостей, скрипучих деревянных ступеней и загадочных озер, к стране верескового меда и таинственных ароматов, к стране бессмертных горцев. И мое трудолюбие, и мои умения. И клетчатый килт, и плэйд, и форран, и блэнгери цветов древнего клана опальных королей я тоже передам моему старшему сыну...

Мне стало стыдно, и я сказала, что пошутила. Что, честное слово, я просто пошутила, что я просто хотела его рассмешить...

И тогда гвардеец пехотного гренадерского полка ее величества королевы Елизаветы Второй Якоб Стюарт облегченно, закидывая голову назад, придерживая свою блэнгери, весело и торжествующе рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!!!

Видишь ли, Юра…

Речь пойдет о моем личном вкладе в борьбу с мировым терроризмом. Друг мой, хороший писатель, однажды начал свой рассказ со слова «Ой». Блистательное начало! Блистательное! Но все. Уже все. Топором не вырубишь. Если даже это «ой» было первым словом в твоей жизни. Сложной запутанной жизни. Полной сомнений, тревог… Ой! Не об этом сейчас. О тревогах чуть дальше.

Придется начать свой рассказ со слова «нет». Нет, ну вы боитесь террористов? Конечно. А кто их не боится? Я – ужасно боюсь. И раньше боялась. Даже когда угоны самолетов не были настолько в моде и эти идиоты-террористы еще не так разгулялись.

Опять же, повторяюсь, – нет: нет, ну вы боитесь летать? Я – ужасно! Одно утешает. Когда я лечу в самолете, моя мама мысленно держит его, самолет, ладонью под брюхо. А когда за дело берется моя героическая мама, ни со мной, ни с моими детьми ничего не может случиться. Но эти проклятые террористы! Они ведь не знакомы с моей мамой…

Бояться для меня – как дышать… Но обычно я просто боюсь. Дежурно. По привычке. Я ж вам вначале еще про слово «ой» говорила. Но тут как-то, отправляясь в Британию, я вдруг совсем испугалась. Нет, ну просто очень! Вот втемяшила себе в голову, что давненько со мной ничего такого не случалось. Подозрительного. И, знаете, предчувствия неясные, плохие сны. И придумала сразу. А главное, поверила в это тут же. Что сегодня мой самолет захватят. И сразу поняла, кто. Сразу! У меня же мамина интуиция. А моя мама… Ну вы знаете.

Он! То ли араб, то ли кто… Вошел в салон, нервный, бледный, прямо желтый, в сопровождении юной смуглой жены и множества ребятишек. Понятно. Для прикрытия. Мол, я с семьей. Честный такой… А сам в глухом черном костюме. В июле. И в огромной чалме. Ну и что, что он потом оказался индийцем?! Индийский гость. «Не счесть алмазов в каменных пещерах…» Сам сел впереди, а жену с ребятишками усадил в конце салона, где курят.

Что они вытворяли! Это были не дети! Бандерлоги! И сколько их там было, никто не мог бы посчитать. Они носились с бешеной скоростью. Прыгали, менялись местами, прятались. А маленький, обезьянка уистити, чирикал без пауз, высоко, резко, как милицейский свисток. Самые смелые пытались раскачать самолет. Ну? Очевидно же все! Продумано! Отрепетировано на тренажерах. Отвлекали внимание. Бдительность усыпляли. Чтоб

их папашка – из чалмы, например, – «узи»! И: «Всем оставаться на своих местах!» Интересно только, куда он самолет направит вместо Лондона? В Барнаул?

Стюардесса, хорошенькая длинноногая Ирочка, пыталась усадить детей. Но напрасно. Наконец она прошла к Индийскому Гостю.

– Сэр, это ваши дети?

Индийский Гость оглянулся и задумался, окинув подозрительным взглядом свою жену.

– Сэр, это ваша семья?

– Да, – неуверенно подтвердил Индийский Гость.

– Сэр, скажите вашей мэм, чтоб она усадила детей и пристегнула ремни.

– I don't care, – с важностью магараджи отрезал тот.

Конечно, ему все равно. Он ведь о другом думает!

А Ирочка снова прошагала в конец салона.

– Мэм, прошу вас, успокойте детей.

Женщина беспомощно развела руками, покачала головой и сказала что-то на непонятном языке. Ирочка снова вернулась к Магарадже.

– Сэр, ваша жена не говорит по-английски. А я не понимаю ее хинди.

– Это не хинди! – обиделся Магараджа. – Это гуджарати!

Ирочка чуть не плакала.

– Сэр, если вы не успокоите детей, мы вызовем секьюрити, задержим вылет и будет скандал.

– I don't care, – снова ответил Магараджа.

Поняли? Если ему все равно, то что? Камикадзе!

– Но я не знаю гуджарати! – не унималась Ирочка.

Ну нет! – решила я. Еще чего! – решила я. Какой-то экстремист будет тут решать проблемы за мой счет. А моя мама в это время будет ему, гаду, еще и самолет под пузо держать!

– Я знаю гуджарати!

Вы видели тот фильм? Где он, так просто раскидав человек десять врагов своей страны, белоснежным платком промокнул уголок поврежденной в драке губы и тихо представился: «Бонд. Джеймс Бонд». Да? Видели? Помните? Так вот, эффект был такой же.

– Я знаю гуджарати! – и все. Даже нет. Тоньше все-таки, загадочнее. Вы тот, другой фильм видели? Где «Пал Андреич, вы шпион?» А ответ? «Видишь ли, Юра...» Вот.

Я встаю, разъяренная, со своего места, прохожу в конец салона. И (десять лет обучения в общеобразовательной школе не прошли даром), как наша незабвенная математичка Изольда

Михайловна Шкрянге, ору, заведясь с полоборотика, на самом что ни на есть русском языке, который велик и могуч. Что доказано ниже:

– Эт-то шо такое?! А ну-ка! сесть! всем! я! сказала! Я вам говорю или стенке говорю?! Бездари!!! По вас тюрьма плачет!!! Сели сейчас же! И тиха-а-а!!! Вас много, а я одна!!!

В салоне воцарилась такая тишина, как будто это не магараджа, а я собиралась захватить самолет. Испуганные бандерложки быстро расселись по местам – их оказалось всего четыре. Дружно клацнули пристегиваемые ремни. Аплодисментов, как по голливудскому сценарию положено, не было. Но народ смотрел на меня с уважением. Магараджа достал то ли четки, то ли бусы и принялся молиться, недоброжелательно посверкивая на меня из-под чалмы. Еще бы! Я сорвала ему проект, к которому он, может быть, готовился всю свою жизнь.

А долетели мы благополучно. Потому что моя мама, как всегда, мысленно поддерживала самолет под пузо. А когда за дело берется моя мама, со мной ничего не может случиться.

Несси, или Топорный бизнес

Кто может позволить себе съездить отдохнуть в Британию? Тот, кому это сто лет не надо и неинтересно. А кому интересно и ой как надо, тот не может себе этого позволить. Такие вот ножницы. И от этого все неприятности за границей.

Вот группа мне попалась, ну те еще хлопцы.

Оказывается, они ввезли в Британию гуцульские топоры. Причем не деревянные, из этнографического салона, а специально заказанные у мастера, металлические. И наша таможня беспечно пропустила их, идентифицировав топоры как сувениры, а бдительные британцы как-то напряглись, увидев торчащие в ручной клади у двадцати из двадцати шести украинских туристов боевые топоры с длинными резными деревянными ручками, по пять-шесть штук на брата.

Таможенники вызвали своего начальника, и мне как переводчику пришлось отдуваться там, объясняя, что это не викинги, не террористы, не бандиты, не организованное подразделение тайного гуцульского боевого искусства, а всего лишь новые буковинцы, обычные люди. А топоры – сувениры. И в конце своей вдохновенной речи изрекла, на мой взгляд, самую вескую сакраментальную фразу. Я прижала руки к груди и взмолилась:

– Let my people go!

И начальник, мысленно повертев пальцем у виска, отказавшись от пожертвованного ему в подарок топора, с достоинством, не стыдным даже для фараона, велел:

– Go!

Мои люди, коих я вызволила из таможенного плена, оказались капризны. Они хотели только выпивать и знать, где находится рынок, потому что им надо толкнуть свои топоры. Сделать бизнес. Им программу на день – музеи, костелы, памятники – а они: это неинтересно и то неинтересно, что мы, школьники, что ли, нам кое-что другое. А я им, дети мои неразумные, народ мой, мною освобожденный, Британские острова – вообще одно из самых загадочных мест на планете. Волшебники и рыцари, драконы и привидения, колодцы-омуты и гигантские камни, как будто разбросанные повсюду каким-то великаном. А эти британцы живут себе рядом и в ус не дуют. Я им – да вы что, ребята, здесь же привидений на один квадратный километр больше, чем у нас – куриц. А они: подумаешь, разве это загадки? Разве это тайны? Вот пивоварни, это да! Современные технологии производства пива или виски там, дегустации, такого

у нас еще нету, вот это же будущее! А я им, что будущее, оно ведь все равно к вам само придет, сегодня вечером, или послезавтра, или через год, надо только набраться терпения. А это британское таинственное прошлое – оно к вам уже никогда не придет, вам надо самим искать следы былого.

Да чего их искать, великодушно откликаются хозяева-шотландцы, – поехали в Драмнадрокит, если хотите.

А я подумала, что там как-то не очень будет интересно моим людям.

– А чего там? – лениво-равнодушно и даже подозрительно они поинтересовались.

– Там? А там – озеро Лох-Несс.

– Ну и чо?

– А в озере как раз и живет то самое прошлое, чьи следы вы ищете. Там живет чудовище.

А мои, они же даже и не слышали моих деликатных намеков, что Несси, динозавр обещанный, это вообще, может, и миф. Одному привиделось что-то в сумерках – может, пьяный был, может, просто расстроенный шел – девушка его бросила, обозвала еще как-нибудь или еще что – словом, в состоянии аффекта вдруг увидел торчащую голову из озера. Она сочувственно так на него глядела, как бы спрашивая: «Чо, брат, пролетел, да? Как шведы под Полтавой, да?» Да? Вот и пошла легенда такая. И шотландцы как стали его пропагандировать, мол, и я видел, и теща моя видела. И рассказывают в подробностях, как будто это не динозавр таинственный, а соседская корова.

Давайте, я сейчас крикну, что вон-вон, снежный человек идет. А я, когда ору, страшно убедительная, и все поверят и подтвердят, что да, действительно, мы ВСЕ видели снежного человека.

Нет, у меня иногда создавалось впечатление, что они, мои люди, вообще меня не слышали, тем более что за эти два месяца я отощала и подтаяла телом там, на земле Британской короны, потому что во время трапез мне приходилось работать, но это тема следующей новеллы, о еде – это потом. Ну в упор не видели – я – кто? толмач, а они кто? – да у них 300 тысяч одних курьеров и с начальником ГАИ на дружеской ноге.

Конечно, они абсолютно были уверены, что сейчас им ее покажут, а как же! Вот так вот Несси специально выглянет принаряженная, с бантиком на шее и скажет: «Оу, юкрейнианс! Оу! Какая честь! А что это у вас? Топоры? Почем?»

– Ну и где?! – стоят покачиваются, перекатываются с носков на пятки, руки за спину, как птицы. – Мы ж приехали! Когда начнется?

Стоят недовольные, шеи тянут.

Похолодало. Ветер потянул с озера нешуточный, круги на воде заходили. Мои люди недовольно:

– О, наконец-то… А то ждем, ждем…

Куда, что вы. Щас она вам так и появилась.

Словом, ждали-ждали, но, как говорится в знаменитой книжке про Джеймса Бонда: «It’s not your lucky day!», что означает «Не по Сеньке шапка», ну или примерно так.

Развернулись и недовольные потянулись к автобусу. Я еще постояла немного с друзьями, потому что Дуглас, который очень любит дайвинг, как бы оправдываясь, рассказывал, что в этом озере все – большое. Если ловишь рыбу – она больша-а-ая, если ракушки – они больши-ие, даже совсем мелкие головастики – они ого какие большие.

Мы пошли следом за моими людьми к нашему автобусу, но когда я случайно оглянулась, мне вдруг показалось, что из воды на мгновение высунулась маленькая голова на змеиной шее, повертелась, как перископ, мы встретились с ней взглядами, Несси – а это была точно она – подмигнула и скрылась в озере. Вот так вот. Но я никому-никому об этом не скажу. Пусть продают себе свои топоры.

Личинка, британцы и принц Ацдрубаль

Есть в Карпатах такой маленький городок – Вижница. Город художников, поэтов и авантюристов. В Вижнице заканчиваются цивилизация, время, мир. И начинается вечность. Дальше, то есть выше, ходят не в туфлях, а в постолах, ездят не на автомобилях, а верхом на крепких лошадях, лечатся не таблетками, а травами, поклоняются духам воды, леса, гор и привораживают любимых. Привораживают, заговаривают, пришептывают любимых на всю жизнь или на время. Это уже кто как любит. А если от любви страдают, если страдают от любви, – распускают косы по плечам, идут в горы и ищут в лесу старую ворожку, что готовит зелья горькие, отворотные. Да мало ли... Сколько там еще загадок и тайн! В Вижнице заканчиваются рельсы. Обрываются – и все. Дальше – тишина, небо, горы, таинственный звон и синий цветочек чебрик.

Именно туда, в загадочную Вижницу, и собрались приехать британцы. Точнее, жители Манчестера. Их интересовали белые грибы, травы, местные живописцы, водопады, старинные автокефальные соборы и горы, горы, горы.

* * *

Толмачей для англичан пригласили из нашего агентства. Должны были ехать Асланян, Розенберг и я. Но Асланян и Розенберг подрались в магазине «Дружба народов». Из-за «Беовульфа». На староанглийском. Это было еще тогда, когда книг не хватало и интеллигентные люди даже дрались за право обладания. Асланян и Розенберг подрались, повалив несколько стеллажей. Их забрали в милицию, и мне пришлось одной ехать за англичанами в Ленинград, а потом сюда, в Вижницу. Конечно, если бы я была в тот момент в магазине «Дружба народов», я бы тоже подралась с Асланяном и Розенбергом. И не исключено, что победила бы. Потому что «Беовульф» – редкость большая и на дороге не валяется.

* * *

Вместе со мной в Ленинград за гостями от общественности Черновицкой области выехала самая серьезная женщина города Черновцы Стефания Федоровна Личинка. Личинка – самая

серьезная женщина не только потому, что у нее абсолютное отсутствие чувства юмора. Нет. Самая серьезная женщина – это общественный статус. Объясняю. Каждый год в канун Восьмого марта в Черновицком областном драматическом театре проходит торжественное собрание, посвященное этому международному дню, о котором другие народы, кроме бывшего советского, имеют смутное представление. В президиуме собрания сидят суровые дядьки в пиджаках, с ответственными лицами. В виде исключения в этот день в президиум сажают трех женщин. Как правило, одних и тех же. Это профсоюзные деятельницы в костюмах джерси, с навеки залакированными прическами со следами бигуди. Личинка была одной из трех. Испокон веков в нашем городе их называют самыми серьезными женщинами Черновцов. А кого же еще можно посадить в такой президиум?

Вот в такой компании я и выехала поездом в Ленинград. У Личинки в полиэтиленовой сумке под кожу лежала наличность, выданная ей городом для встречи британцев: посещения дворцов, музеев, театров и ресторанов.

* * *

Всю дорогу Личинка рассказывала мне, как в юности она не поддавалась на происки империализма. И в ГДР, и в Польше, и в Болгарии. Она поучала меня долго, больно тыча в мое плечо твердым профсоюзным пальцем и подозревая меня во всех грядущих грехах. Она воспитывала меня, бесцеремонно называя на «ты», пока в соседнее купе не вошли офицеры. Глаз Личинки заблестел, она завершила воспитательный час, поправила перед зеркалом прическу, вышла из купе и мечтательно уставилась на проплывающие за окном пейзажи. Офицеры зазвенели бутылками и возбужденно загалдели, приглашая меня и Личинку принять участие в военных увеселительных мероприятиях. Я отказалась резко и сразу. Личинка поломалась и согласилась. Еще через час Личинка сняла пиджак. И всякую ответственность. Она пела песни своей юности и хохотала. Офицеры поскидывали обувь, бегали к проводнику за стаканами и штопором. И босиком, в форменных брюках и распахнутых кителях, были похожи на пленных немцев. Гусарская попойка длилась до Ленинграда. Гусары перешли с Личинкой на «ты» и хором пели песню: «Хорошо в степи скакать, свежим воздухом дышать». Личинка разгулялась, но с заветной сумкой при этом не расставалась. Молодец!

* * *

Британцы из Манчестера благополучно прилетели и ринулись на Ленинград без объявления войны.

– Скажи им, что я от профсоюза, – требовала Личинка.

– Личинка – от профсоюза! – констатировала я британцам.

– Хорошо, – безразлично кивали британцы.

– Ты сказала? Ты сказала им, что я – профсоюз? – настаивала Личинка.

– Да.

– Ну и что они ответили?

– Они ответили, что хорошо, что вы от профсоюза.

– И все?! – недоумевала Личинка. – Может, у них есть ко мне какие-нибудь провокационные вопросы?

– У вас есть вопросы к мисс Личинка? – поинтересовалась я.

– Есть! – вдруг активизировался старший группы Дэвид, как оказалось – опытный путешественник, побывавший в СССР несколько раз. – Можно не идти к «Авроре», в музей революции и в музей Ленина?

– Можно?.. – спросила я Личинку.

Личинка подняла глаза к небу, посчитала сэкономленные на политической пассивности англичан средства, выданные ей наличностью, и, сказав, что это крайне подозрительно, разрешила.

* * *

В магазине «Сувениры» на Невском я купила огромный отбойный молоток для своего папы. Это был такой сувенир – шариковая ручка в виде почти метрового отбойного молотка. Папа будет смеяться – решила я и купила это уродище. Личинка прикупила себе бюстик Есенина и осуждающе шипела, что я веду себя крайне подозрительно. Британцы по моему примеру купили отбойные молотки и себе. А потом еще веревочные авоськи и меховые шапки-ушанки. Отбойный молоток был громоздкий, хоть и пластмассовый, и не влезал в сумку. Я полдня таскала его на плече. С ним же поволоклась в Кировский театр на «Гаянэ». Уставшие британцы плелись за мной со своими отбойными молотками и в меховых ушанках, похожие на махновцев-стахановцев, только вышедших из забоя.

– Крайне, крайне подозрительно! – осуждающе кивала головой Личинка и делала вид, что она не с нами.

Пока мы пытались сдать в гардероб авоськи и шапки

(молотки у нас не взяли), Личинка пропала. Мы нашли ее отбивающейся сумкой от какого-то «не нашего» империалиста, который, приняв ее за театральную служащую в ее форменном костюме джерси, на разных языках спрашивал, как ему пройти к своему месту. Придя на помощь Личинке, я объяснила империалисту по-английски, куда ему следует пройти и где сесть.

– Скажи ему, что я из профсоюза! – Личинка возмущенно, по-куриному отряхивалась.

– Она из профсоюза, – послушно отрекомендовала я Личинку.

– А! О!..

Империалист бросился целовать Личинке руки. Она от возмущения замахнулась на него сумкой. Империалист, прижимая руки к сердцу и без конца кланяясь, убыл в указанном ему направлении.

В антракте он появился в нашей ложе, снова кланяясь и извиняясь, и церемонно преподнес мне красиво запакованную коробочку со словами: «Сувени-и-ир! Португа-а-алия!» Личинка цапнула коробочку и, ловко вытащив из-под кресел папин отбойный молоток, протянула его португальцу со словами: «Сувени-и-ир! СССР!» А мне зашептала:

– Та-а-ак! Вот мы и влипли! Это же приспешник Салазара! Фашист!

– Но в Португалии уже давно нет фашизма! – возмутилась я.

– Может, и нет, но это не дает тебе права общаться с салазаровским наймитом!

Я горько вздохнула. Наймит был интеллигентен, хорош собой, и во лбу у него явно было несколько качественных высших образований. С изяществом юного князя он поволок отбойный молоток к себе в ложу, послав на прощание такой отчаянный взгляд, что у меня перехватило дыхание.

* * *

В следующий раз приспешник Салазара выскочил на нас в Эрмитаже. Радостно и удивленно, с сияющими глазами он подпрыгивал и ликовал за спинами моих британцев, размахивая ярким платком, пока я старательно переводила англичанам сведения об экспонатах рыцарского зала. Португалец и сам выглядел бы как рыцарь при дворе короля Артура, если надеть на него доспехи, дать в руки щит и меч Эскалибур. Хотелось называть его «милорд» – он похож был на принца, не осознающего своего высокого положения. Принца по крови, по духу и по воспитанию.

– Та-а-ак… – заподозревала Личинка. – Крайне подозрительно… Ты ему сообщила, что мы собираемся в Эрмитаж?

– Не-ет…

Я сама была удивлена. И обрадована. Империалист наконец назвал свое имя – Ацдрубаль. Его звали Байо Пинто Ацдрубаль. Это было не имя. Песня. Поэма. Через несколько часов шатания по Эрмитажу мы с британцами собрались идти отдыхать в отель. Ацдрубаль увязался за нами. По дороге он пел. Изображал тореро. Танцевал. И без конца целовал мне руки. Британцы хохотали. Личинка шипела, негодовала и велела ни в коем случае не говорить португальцу, что на следующий день у нас запланирован цирк. Я не сказала. Промолчала. У гостиницы под бдительным профсоюзным оком мы с португальцем снова расстались, теперь уже навсегда. Не приходится говорить, что он уносил в своей тонкой и сильной руке мое сердце…

* * *

…В цирке шапито, куда мы приехали с англичанами, на арену вышел верблюд. Заносчивый и облезлый, он вышел явно в дурном настроении, всем своим видом демонстрируя презрение к зрителям. Плохо ему было, этому верблюду. То ли несварение, то ли полнолуние, то ли вообще – а ну ее, эту жизнь. И я его очень хорошо понимала. Верблюд надменно оглядел публику, выбрал Личинку, оценил ее костюм джерси и плюнул. Верблюжий плевок пеной расположился вокруг Личинкиной шеи и улегся липким боа у нее на плечах. Личинке стало плохо. Она повалилась ко мне на руки, не выпуская сумку с деньгами из цепких пальцев.

– Врача! Врача! – закричали вокруг.

На крик прибежал врач… Им оказался потомок лузитан и Генриха Мореплавателя Байо Пинто Ацдрубаль, принц и воин, отважный рыцарь короля и хранитель ордена Справедливости, Правды и Красоты. И, откачивая мою Личинку, он зашептал:

– Это судьба… – он зашептал. – Судьба! Третий раз! Третий раз мы встретились в этом большом чужом городе! В чужом холодном городе на воде! Это судьба…

* * *

Поезд стучал на стыках. Тускло горела лампочка в купе. Личинка вскочила и суетливо завозилась, проверяя сумку.

– Я все напишу в отчете! – пообещала она, оплеванная, но бдительная. – Я все напишу, когда мы приедем домой, – пообещала самая серьезная женщина нашего города.

* * *

И она написала. Что переводчица, молодая и легкомысленная, которую так неосмотрительно послали встречать важную для города группу, вела себя крайне подозрительно. Подробности занимали три листа.

А я довезла своих британцев в Вижницу и сдала на руки Асланяну и Розенбергу, свободным и помирившимся. В первый же день они потащили британцев смотреть, где заканчиваются рельсы.

Мне же осталось только распустить волосы и пешком отправиться в горы, искать в лесу старую ворожку, пить горькое отворотное зелье. Горькое отворотное зелье – от любви.

Цвет мечты

Как же я люблю зеленый цвет! Зеленый цвет, говорил конюх принца Чарльза, – любимый цвет Бога. И правильно говорил этот конюх. Иначе почему самое прекрасное на свете, самое значительное или просто милое и симпатичное Бог выкрасил оттенками зеленого – деревья, травы, мой любимый берет, попугайчиков, крыжовник... – не надо мне подсказывать – доллары здесь ни при чем! – изумруды, зеленку, медный купорос, глаза моего кота Мотека, «Тархун», разрешающий движение кружок светофора, арбуз, лягушек...

А вот, кстати. Знаете что? Мало мы все-таки беседуем о лягушках, друзья...

Даня, мой сын, очень много интересного рассказывал о лягушках. У него когда-то была парочка воспитанниц: жабы Глаша и Экселенц. Никак сначала мы не могли понять, кто из них мальчик, а кто девочка. Данька решил, кто первый икру метнет, того и назначим девочкой. Но потом он и так разобрался, без икры. Потому что у Глаши было трогательное приветливое девичье личико, а у Экселенца – надменное верблюжье. Даня их выпустил в болотце, в их природную среду, потому что началась весна, икра мечется в воду, а у Даньки не было опыта разведения жаб, и он боялся, как бы головастики не погибли. Даня вообще гармонию природы кожей ощущает. Жена его Ирочка рассказывала, что на пляже Даню можно глазами найти в стайке детей на мелководье по торчащей пятой точке в ярко-зеленых (зеленых!) купальных трусах. Он вылавливает мальков, рассматривает подробно и выпускает обратно в море. А наиболее привлекательными ракушками щедро одаривает детвору, разделяющую его досуг. Он из тех, кто, как говорят, и мухи не обидит. Увидит, кто на муху охотится, и просит, не убивай ее, а если тебе невмоготу, обидь ее словом. И выпусти в окно. И никогда не делит он животных на теплых пушистых и на холодных скользких. Этому он и меня научил, мой Даня. А особое уважение и жалость он воспитал во мне к лягушкам. Потому что мало того, что они не очень привлекательны с виду – кто знает, какое сердце прячется под их пупырчатой кожицей, – но их еще режут в мединститутах, на них ставят опыты в различных академиях, и это еще не все. Их едят!!! Какой ужас. Как трагичен их жабий удел!

Когда я стану ветхой костлявой старушонкой, я не собираюсь впадать в уныние оттого, что все уже было, и ничего уже не будет, что ушли лучшие годы, и мне теперь не оправдать тех надежд,

которые на меня возлагали мои мама и папа, мои бабушки и дедушки, а также любимая учительница русской словесности Берта Иосифовна. Нет. Я не буду поучать всех вокруг и раздавать никому не нужные советы, ворчать в троллейбусе на тему «вот мы в наше время» или того хуже – возглавлять домовый комитет, избирательную комиссию или кляузничать. Потому что у меня будут дела поважнее.

Когда я состарюсь окончательно, я уеду в Англию и пойду в переводчики. Нет, вы не поняли. Я буду переводить животных. Через дорогу. В Великобритании – я видела сама – животные шмыгают через дорогу, не зная страха и опасности. Олени, зайцы, лисы, лоси. А главное – сначала я читала об этом, а потом видела своими собственными глазами – на севере Англии объявление на обочине. Вот такое: «Помогите жабам перейти дорогу». А под объявлением – зеленое (зеленое!) ведро. Соберется, например, у дороги определенное количество жаб со всех окрестностей, и кто-то, оказавшийся в это время рядом, их бережно подсаживает в ведро. А кстати, самые сообразительные из жаб, кто частенько мотается туда-сюда по делам через шоссе, сами в ведро забираются. И сидят они там, терпеливо ожидая отправления, чинно, вежливо, не толкаясь, учтиво уступая друг другу места в самых удобных углах маршрутного ведра, напевая что-нибудь про себя, знакомясь, флиртуя друг с другом или сплетничая о том о сем. И кто-то берет это самое зеленое (зеленое!) ведро, переносит через дорогу, аккуратно его наклоняет и вытряхивает пассажиров в ближайшие кусты. И жабы скачут себе дальше. Умно? По-че-ло-ве-чес-ки.

Так вот – я мечтаю после выхода на пенсию работать таким вот *переносчиком зеленого ведра*.

Представляете, кем я стану для этих лягушек и жаб? Страшно подумать, дух захватывает. Для них ведь дорогу перейти, как будто на другую планету перелететь. Или даже в другую галактику. Перелететь, и ко всем радостям, что не попали под колеса автомобиля или грузовика, еще и обнаружить, что на той стороне тоже есть *разумная* жизнь, потому что с той стороны стоит такое же зеленое (зеленое!) ведро. И сидят там такие же жабки и лягушки. И ждут того, кто перенесет их через дорогу. То есть меня. Они назовут моим именем их жабью книгу судеб, мной они буду пугать своих непослушных головастиков, и со временем этот жабий народец сложит песни, мифы и легенды о Той-Кто-Переносил-Зеленое-Вед– ро-Через-Дорогу.

Нет. Пожалуй, мне одной такая слава не по плечу. Я позову с собой всех своих друзей, которые к тому времени обветшают, как и я. И вся наша развеселая компания пойдет в переводчики

животных через дорогу. И не только в Англии... Планета большая. Животных много. Людей не хватает. Может, кто еще хочет с нами? Давайте присоединяйтесь! Помогите животным перейти дорогу! Кстати. Мы тут униформу себе удобную придумали. Универсальную. Комбинезоны и кепки. Цвет? А вы как думаете?

«...щинят и каникулов...»

Как-то в Великобритании я абсолютно случайно попала на всемирный фестиваль клоунов в Эдинбурге. И я никогда этого не забуду.

* * *

Вы представляете себе, как печальна пластика старого пиджака, одиноко висящего на спинке стула? Бережно сохранившего формы свого хозяина, его локти, плечи, спину...

Вот так вот стоял стул на сцене, а на спинке висел старый пиджак с оттопыренными навсегда карманами, пустой пиджак, без хозяина в нем... А потом вышел клоун, лохматый, с огромными круглыми влажными, как у тюленя, глазами. И стал творить чудеса с этим пиджаком – клоун его выслушивал, почтительно и настороженно, как маленький мальчик слушает отца. Он с ним прогуливался, взявшись за рукав. Он к нему прижимался доверчиво. И все зрители улыбались и верили, что это совсем не старый пиджак, это папа клоуна, сильный, уверенный, непобедимый... Потом клоун вешал пиджак на спинку стула и медленно уходил знакомой вихляющей независимой походочкой... Походочкой одинокого сильного и чуткого человека...

Такая походка могла быть только у одного мальчика в мире, только у одного... Это мог быть только Занкин, мой бывший одноклассник.

* * *

Вот что нам не нравилось всегда в летних каникулах, что полноценного отдыха все равно не получалось. А какой отдых, когда нависают эти ЛДЗ – летние домашние задания. Эти ЛДЗ являлись нам во сне и отравляли наш беззаботный летний отдых. Иногда ЛДЗ были вполне конкретными – сто задач по математике, список обязательной литературы, которую надо прочесть за лето, и гербарий. Ужас! Жуть! Этим высушенным сеном можно было обеспечить не одну животноводческую ферму.

Иногда ЛДЗ формулировалось как-то туманно, что-то вроде иди туда, не знаю куда, неси то, не знаю что. Например, первого сентября можно было приволочь какое-нибудь чучело или

двоюродного дедушку, который Зимний брал, или старинную монету, правда, очень быстро исчезавшую из недр кабинета истории в неизвестном кармане.

Как-то мы с родителями путешествовали по Украине и заехали в село Морынци, как известно, родину Тараса Григорича. Шевченко, кто не понял, да. А там под окном ну такой роскошный калиновый куст рос – глаз не оторвать. И я, благословленная на воровство молчаливым участием моих родителей, стыдливо оглядываясь, варварски выломала довольно большую ветку калины, усыпанную красными ягодками, чтобы впоследствии засушить ее и преподнести музею кабинета украинского языка и литературы в качестве ЛДЗ. О, как здорово придумано было!

Я высушила эту ветку по всем правилам, наклеила на картонку и задумалась, как ее надписать. Папа предложил быть предельно честной и написать так:

«Ветка калины, стыренная в Доме-музее Тараса Шевченко»

Но мы с мамой решили дипломатично обойти нелегитимный способ добычи экспоната и надписали просто: «Ветка с калинового куста, растущего под окном Дома-музея Тараса Шевченко в селе Морынци». При этом ни на секунду не сомневаясь, что все поверят: да, эта ветка именно оттуда, а не, например, с дерева, растущего прямо в школьном саду. Ну наглость.

Скажу вам откровенно, сейчас бы я такого ни за что не сделала, и детям своим не позволила. И глупо, и жестоко, и вообще…

Но тогда быстрое решение проблемы ЛДЗ перевешивало все.

Ветку благодарно поместили в застекленный шкаф в кабинете украинского языка и литературы, и фанаты Тараса бегали туда любоваться и благоговейно прикладываться дланями к моей картонке.

Через неделю калину съели. Кто-кто… А кто же еще?!

Занкин ел все, не потому что был голоден, просто других увлечений на тот момент в его жизни было мало. Он очень любил грызть мел, ел смолу с деревьев и одуванчики, да мало ли всего съедобного. А однажды прославился на всю школу тем, что за несколько минут сжевал целый чайный сервиз в натуральную величину, слепленный девочками на уроках труда из муки и соли, абсолютно несъедобный, раскрашенный гуашью, смешанной с молоком. Чайный сервиз на двенадцать персон с чайничком, сахарницей и молочником. И потом клялся, что сервиз был вкусный. Клялся, бил себя кулаком в грудь и ел землю, опять поел… Так что моя калина – это была райская закусь для луженого Занкиного желудка.

От ветки остался только жалкий скелетик, а ягоды, которые я так старательно высушивала сначала феном, потом под прессом, потом в песке, исчезли. Занкин схрумкал их на глазах у всего класса, войдя в историю школы как пожиратель музейных экспонатов.

* * *

Так вот, тогда, на том конкурсе в Эдинбурге, Занкин получил Гран-при за игру со старым пиджаком.

Гран-при ему вручала королева Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Елизавета Вторая...

Ее величество была в белой шляпе. И в светлых перчатках. С сумочкой на локте... Такая... Королева настоящая...

* * *

Удивительно, как удивительно, но все мечты Занкина сбылись.

Во-первых, он очень хотел встретиться с королевой. Казалось бы...

Однажды он приволок в школу вырезанную из газеты фотографию: ее величество в белой широкополой шляпе, в элегантном пальто с живым исследовательским интересом указательным пальцем правой руки, затянутой в белую перчатку, ковырялась у себя в породистом носу.

– Какая она... клевая! – заключил восхищенный Занкин, склонив к плечу голову, с нежностью разглядывая ее величество. – Какая же она!!! Да-а-а... Все могут короли... – И деловито поинтересовался: – Ты не знаешь случайно, она женатая?

А вторая мечта Занкина была – стать знаменитым клоуном. Обязательно знаменитым. И еще тогда, когда он смутно, еле-еле различал в своей душе какие-то интересы, которые могут развиться во что-то большее в будущем, идею стать клоуном ему подсказала наша всегда раздраженная, всегда суровая и всегда уверенная в себе первая учительница Стефания Симеоновна. Штефа.

Как-то в класс к нам пришла Комиссия. Детям велели надеть белый-верх – темный-низ, мальчикам – подстричься, девочкам – банты. Комиссия намечала проверку на предмет перехода четвертого «А» в следующую ступень. Комиссия дала несколько

контрольных работ, послушала, как дети читают, а потом стала с детьми разговаривать. Дети не привыкли разговаривать, вот просто так разговаривать с Комиссией, и волновались, и отвечали невпопад, и отмалчивались.

– Так-так, – удрученно потирала руки Комиссия, – так-так...

Дети зачарованно испуганно переводили взгляды с Комиссии на свою учительницу. Комиссия сказала:

– Ну что ж, четвертый «А» класс, напоследок простое задание – напишите, что вы любите. Напишите... На листочках бумаги... Что. Вы. Любите.

– Эт чо? – спросили дети. – Это как?

– Как-как... Ну что вы любите? Я, например, люблю... э-э... Я, например, люблю фауну. А вы напишите, что любите вы.

– А как это – фауна? Это чо – фауна?

– Ну какая разница? – замахала руками Комиссия. – Это я люблю фауну. А вы напишите о том, что любите вы.

Дети, склонившись над листочками, старательно засопели. Двадцать шесть из двадцати семи написали «Я люблю фауну». И я тоже написала: «Я люблю фауну». Нет, я очень многое в той моей жизни любила, но надо было знать нашу учительницу, чтобы не распространяться по этому поводу, чтоб не нарваться.

Разразился скандал.

Комиссия на педсовете упрекнула Штефу в том, что дети ее класса за четыре года совсем не научились самостоятельно мыслить, выражать собственное мнение и прочее, правда, за исключением одного-единственного мальчика, двоечника и второгодника, который написал корявым почерком: «Я люблю грысть мел, щинят и каникулов».

Реакция Штефы на результаты опроса была неожиданной. Она взревела, как маяк в тумане: «Чтэ-э-э-э?! Да у меня стаж тридцать пять лет! Да у меня звание! Награды!»

Ну и мы получили под раздачу. Надо сказать, Штефа никогда не стеснялась в выражениях.

– Болваны!!! Да разве ж я вам не говорила, что такое флора и фауна?! Га?! Разве ж я вам не говорила, что такое фауна?! Ы?!

А ты, Занкин, Занкин! Занкин! Безотцовщина! Что ты написал?! Что ты написал, я тя спрашиваю?! Встань, когда учитель с тобой разговаривает! Встань, я тебе сказала!! Я с тобой говорю или со стенкой говорю, Занкин?! Встань, сказала, встань!!! И это после того, как школа так о тебе заботится, Занкин!!! Когда школа тебе купила ботинки и пальто, Занкин!!! Ботинки и пальто!!! Школа тебя воспитывает! Школа тебя одевает! А ты, Занкин, клоун!!!

Надо было знать Занкина...

Он не торопясь, спокойно разулся, взял башмаки за шнурки, снял с вешалки, тут же в нашем классе стоящей, свое страшненькое клетчатое пальто, бесформенное пальто с клочковатым воротником, взял все в охапку и аккуратно сложил Штефе на ее учительский стол. А потом босиком, в драных носках, насвистывая и помахивая старым видавшим виды портфелем, ушел. Только взгляд его в никуда был тяжелым, как кусок свинца, как кусок свинца, который Занкин таскал в кармане, иногда примеряя зачем-то его в своем немаленьком кулаке.

Ушел, напоследок аккуратно и тихо прикрыв за собой дверь, прошипев сквозь зубы: «Ф-ф-фауна...»

* * *

А в Эдинбурге я узнала его сразу. Вспомнила и свою калиновую ветку, и фауну, и его свинцовый кастет... Но не подошла. Не решилась. Не знаю почему...

Не знаю...

Мистер Чимни – трубочист

Этот огромный каменный дом был чистой воды замком из «Грозового перевала» Бронте. Могучие толстые стены, ночные шорохи и вздохи, огонь в старых каминах, высокие своды, с портретов внимательно смотрят предки Джейн Максвелл. Одна бабушка в чепце, с большой картины над камином, даже приветливо покивала мне головой. Или это так причудливо падали тени...

Там я погостила дней десять у большой семьи Максвеллов. А вокруг простирались поля, луга, вдалеке синели горы, у дома желтели даффодилы в яркой траве. И повсюду, куда бы я ни шла, за мной таскались три приветливые, очень дружелюбные и веселые большие черно-белые собаки.

Максвеллы раньше работали кто программистом, кто врачом, кто медбратом, кто лойером, то есть юристом, кто клерком в телекомпании, но все они мечтали подкопить денег и купить ферму.

Теперь мечта сбылась – они все живут в своем поместье, разводят овец редкой породы – из их шерсти производят знаменитые свитера, пуловеры, кофточки и носки «Прингл». Эти овечки с типично британскими высокомерными лицами такие были красотки – как барышни на выданье. А еще Максвеллы продают молоко в промышленных количествах, прямо из своих механизированных павильонов по трубам в огромные молоковозы, и еще у них есть комбинат с огромными микроволновыми печами, где производят сухой корм для животных. А в свободное время, хотя его не так много, ездят на выставки, в театр, на аукционы, мужчины – в мужские собрания, Джейн – в салон или к психотерапевту, а иногда и коротают вместе вечерок, слушая, как мама Джейн наигрывает Бриттена и Шопена на рояле.

Самый прекрасный в семье был дедушка. Бабушка Максвелл ушла в лучший мир, а дедушка в свои восемьдесят четыре, еще бодрый, жил яркой жизнью. У него была уникальная профессия – трубочист. Нет, он не лазал в дымоход, не чистил каминные трубы, хотя вполне еще мог, не пугал по вечерам прохожих чумазой физиономией, он был трубочист «свадебный». Это еще даже более редкая профессия, чем просто трубочист. И более ответственная, потому что свадебный трубочист несет ответственность за дальнейшую жизнь молодоженов. А вы как думали?!

Очень редкая профессия, очень.

Вообще, редкие профессии – это давнее увлечение старшего Максвелла. Сначала сразу после выхода на пенсию он хотел быть смотрителем за пожарами. Положа руку на сердце, я бы и сама не прочь присоединиться. Нет, эта работа заключалась не в том, чтобы смотреть, чтобы хорошо горело, а как раз наоборот. Стоять на вышке с биноклем и оглядывать окрестности. Как, а?! Ну что может быть интереснее? Смотришь в бинокль то на север, то на юг – о, вот миссис Ломас выставила свои молочные бутылки за порог, а вот Крис со своей собакой бегут в парк, Крис – за здоровьем, собака – за белками. А вот из дома вдовы Брайн крадется замначальника полицейского участка Джеймс Торн, на ходу поправляя униформу.

– Эй, Торн!!! Мне сверху видно все, ты так и знай! Ха-ха-ха! Но мы же никому не скажем, ни-ко-му. Наше дело следить, чтобы нигде не загорелось.

Но, к сожалению для дедушки, эта должность была занята. Кто же добровольно откажется сидеть на вышке и разглядывать город, да еще и получать за это немаленькую зарплату? А ведь если повезет и где-то начнет разгораться пожар, этому смотрителю предоставляется шанс поблямкать в пожарный колокол!!! Вот бывает же такая удача! И чем неистовей ты блямкаешь, тем быстрее проснутся пожарные, и выедут, и потушат, и спасут всех. Так что шанса туда устроиться на работу у дедушки Максвелла не было.

Но он не унывал и не падал духом, потому что редких профессий, для которых не обязательно получать специальное образование, – завались. Например, разбиватель яиц на кондитерской фабрике. Там две категории. Низшая категория просто молотит по яйцу чем попало, хотя надо специальным тупым ножом, который все время теряется, а вторая категория приближена к работникам искусства – они отделяют белок от желтка. Но есть специальность, куда человеку просто не пробиться, – нюхатель ладоней. Это, знаете, как стать наследником престола или поселиться на Даунинг-стрит, 10. Нюхатель ладоней по-научному называется «первый дегустатор». Это… (Мужчины, соберитесь, сейчас будет тяжело, вам лучше дальше не читать.) Это человек, который просто в самом сердце фабрики по производству виски, не скажу, какой марки, чтобы не выглядело рекламой, прямо у перегонного комплекса, у огромного чана со свежим виски… (Я предупреждала, ребята! Что там такое?! Положите этого, который теряет сознание, выведите остальных, ну ни к черту нервы у мужиков!) И вот этот человек льет готовую продукцию себе на ладошки, потирает ими одна о другую и быстро-быстро подносит руки к лицу – должен быть

какой-то особый аромат: дыма, торфа, солодового ячменя, ириса, меда, сливок, марципана, миндаля, а также воды из горного ручья с содержанием золота. Если хотя бы одного ингредиента этот вот нюхатель не учуял, они вы-ли-ва-ют виски, слышите? Выливают!!! И гонят другой.

Я была на этом заводе и честно нюхала – терла ладонь об ладонь, все как полагается. Ничего! Только запах самогона, если я, конечно, не ошибаюсь, потому что в марках крепкого алкоголя не сильна совсем. Люди, которых я тогда сопровождала, – они приезжали учиться, чтобы открыть предприятия у нас в стране, – они тоже долго нюхали. Очень хвалили. Так унюхались, просто диву даешься! Вынюхали несколько бутылок с золотыми этикетками, в вэн их грузили, правда, они не хотели грузиться, хотели еще нюхать и нюхать, а потом песни петь и пляски наши национальные плясать.

Словом, этим нюхателям страшно все завидуют, очень интересная и творческая работа, и, как вы понимаете, это ответственная обязанность – нюхать руки, облитые виски, передается по наследству, и туда нет хода никому чужому.

Но дедушку Максвелла было не унять – очень он хотел заняться чем-то необычным, но в космос его не пускали, в миротворцы – не брали, он немного побегал Пасхальным Кроликом в супермаркете, но голове было жарко, мокро и душно, ногам неудобно ходить в кроличьих лапах, и все дети трогали Пасхального Кролика за пузо.

И тогда дедушка Максвелл решил стать трубочистом. Для того чтобы работать настоящим трубочистом, нужно пройти двухгодичную школу, а для того чтобы свадебным – нужно настроение, цилиндр, пара щеток, лицо, измазанное сажей, и черный кот. Самая большая трудность была – научить кота сидеть на плече, но оказалось, что это совсем не трудность. Достаточно капнуть на плечо валерьянки – и кот сидел там как приклеенный, еще и выкрутасы всякие выделывал, на потеху зрителям.

А дело все в традициях. Англия – это вообще, простите за банальность, страна традиций, сама королева – это традиция, и файв-о-клок – традиция, и камины – тоже. И трубочист на свадьбе – это традиция, даже больше – хорошая примета. Как чашка разбивается – к счастью, как левая рука чешется – к деньгам, как в глаз ресница попала – к исполнению желания, так вот трубочист на свадьбе – ко всему прекрасному, к тотальной удаче!

То есть если к вам на свадьбу заявился трубочист и вас поцеловал, и вы его приобняли, да еще и потрогали кота на его плече, – все, можете не волноваться, жизнь у вас будет безоблачная, обеспеченная, увлекательная и долгая.

Прекрасная работа – целовать юных голубок-невест в тугие щечки, а также невестиных подружек, заодно и мамочек, тетушек и бабушек. Хорошо вкусно покушать, получить гонорар, повеселиться и потанцевать, побыть в центре внимания как носитель счастья в чистом виде.

Вот так дедушка Максвелл взял себе артистический псевдоним, как водится у всех уважающих свой труд артистов, – мистер Чимни – и подрабатывал поцелуями, пока в радостном экстазе не облобызал мисс Эри, бывшую учительницу местной начальной школы, восхитительную, элегантную, с серебристыми буколькими надо лбом, знатную вышивальщицу и кошатницу. Дедушка Максвелл пришел на свадьбу ее внучки, метнулся к невесте, когда та выходила под дождем цветочных лепестков из собора, а потом давай целовать всех, кого попало. И как припечатал звонкий чмок в щеку мисс Эри, тут и все.

Теперь они живут вместе, но на свадьбы дедушка Максвелл уже не ходит, мисс Эри не разрешает – хватит раздавать счастье, самим надо… А вместо дедушки на свадьбы талисманом ходит его внук Денни – мистер Чимни-джуниор – подрабатывает себе на колледж.

Это ты, Себастьян!

Дети мои заразились любовью к Великобритании сразу, как только стали что-то понимать. А скорей всего, это была врожденная любовь. И у сына, и у дочери. Сын поступил на переводческий и уже этим летом караулил падающие звезды – загадать конкретное желание – съездить на футбол в Великобританию. Посмотреть британские города и веси, попробовать британское пиво и виски.

У Линочки, дочери, все оказалось сложнее. Девочки – это вообще очень сложные, это даже феерические создания. Эти двое, мои дети, сын и дочь, – совсем разные люди, с разных планет, по-разному глядящие на мир и на жизнь вообще.

Девочка влюбилась в мифы и легенды, в историю и культуру Великобритании. Тут как раз кстати родился Гарри Поттер. Она часами может слушать кельтскую музыку, учится танцевать шотландские и ирландские танцы и мечтает о машине времени, чтобы попасть ну хотя бы в век шестнадцатый-семнадцатый, – абсолютно серьезно вздыхает она мечтательно. И при любой мало-мальской возможности она декларирует эту свою неземную любовь и мечту как только может: поет на английском, танцует ирландский степ, читает стихи и на английском, и на русском, и на украинском, но обязательно что-то, что было бы связано с Великобританией.

Вот однажды моя Линка участвовала в областном конкурсе чтецов. До последнего дня я не знала, что она будет читать. Сюрприз, и все. Ну у нас конкурс если назначен, так идет он практически целый день, невзирая ни на что. Участники с родителями маринуются в зале. Жюри сидит снулое, как рыба на рынке во второй половине дня, глаз у них на первом часу уже замыленный, ухо вообще ничего не воспринимает, устали, а тут еще и пообедали. Потянуло в сон. Как раз очередь возрастной категории 13– 14 лет. И все по новой, пошли деточки в шароварах, с лентами в волосах, и как будто, кроме Тараса нашего Григорьевича, вообще больше никаких поэтов нет. И кроме «Реве та стогнэ» и «Садок вишнэвий коло хати» тот же Тарас наш, так сказать, Григорьевич больше ничего не написал. Нет, я ничего против Тараса нашего Грыгорыча не имею, и костюмы наши украинские национальные мне нравятся, но сколько ж можно-то! И мне так жаль – сейчас выйдет Лина, никто ее не будет слушать, она расстроится. И досадую сижу, что надо было проследить, надо было с ней поработать.

Наконец объявляют равнодушно – ведущие уже тоже от

усталости, как клен-ты-мой-опавший, качаются, туда-сюда. Объявляют:

– Ангелина Томулец, молодежный театр «Трудный возраст», город Новоселица. Четырнадцать лет.

И тут на сцену легким быстрым шагом взлетает Лина. В отличие от других участников на ней нет ни вышитой сорочки, ни венка, ни кос, заплетенных вокруг головы по моде прошлого избирательного срока, ни румянца искусственного во всю щеку, а наоборот: волосы длинные по плечам рассыпаны, глаза горят, бледная, и одета Линка мальчиком, английским мальчиком XVII века: высокие сапоги со шпорами, лосины, коротенький камзол.

Она протягивает в зал руку и каким-то абсолютно завораживающим властным тоном отдает приказ:

– Шпагу мне! Я… сегодня… играю… влюбленного лорда!

И знаете что? Жюри, как птица Феникс, просто все воспряли ото сна, стали переглядываться, а председатель Аделаида Игоревна, честно скажу, нормально и регулярно пьющая дама, импульсивная, сразу – прыг! – подалась вперед и давай выбираться-выкарабкиваться, такая пухленькая, из насиженного кресла бархатного, искать шпагу глазами ошалело: приказу подчиниться, подать ее моей девочке. Такое Линка произвела первое впечатление стихами восхитительной Марины Бородицкой, любимой ее поэтессы.

Шпагу мне! Я сегодня играю
влюбленного лорда!
Он прощается с милой,
поскольку идет на войну.
Он ей пишет стихами:
не плачь, мол, решился я твердо.
И других не люби.
А вернусь – я бока им намну.

Мамочки мои, тут у меня прямо сердце зашлось, я представила, как же она без него будет одна-одинешенька, эта девочка. Вот она читает письмо, носик покраснел, какое там других любить, какие другие, он, что ли, совсем уже, этот влюбленный лорд. Он же для нее единственный на всем белом свете. Она ведь леди. А настоящая леди всяких дураков чванливых, ветрогонов-себялюбцев, бездельников и ничтожеств растленных не любит. Потому что – леди.

В жюри вдруг все зашевелились, стали потягиваться, переглядываться, с мыслями собираться, что такое, кто посмел – неформат какой-то. И что происходит вообще. Может, ее

остановить, эту лохматую странную. Чужую. И уже хотят давить на кнопку. Здесь уже такая мода появилась из телевизора. Есть передача одна, где собирают таланты со всей страны. И когда какой-то полоумный идиот выбирается на сцену и каблуками топает остервенело, или старушка под девушку косит вся в бантиках и в голом, или там продавщица копченой ставриды Тутошняк Людмила мечтает про шоу-бизнес, вот когда такие начинают позориться на всю страну, так кто в жюри поумнее, тот сразу на кнопку жмет, мол, все-все, хватит.

И наши туда же. Один, деятель культуры (вот кого надо посылать скважины нефтяные бурить, землю обрабатывать, мусорные стихийные свалки убирать, цемент на стройках подносить, что он тут делает, палочки в листочках ставит, специалист), уже кряхтит уверенно, тянется лапой кнопку душить. Во-первых, неформат, неформа-а-ат! И потом девочка же, когда выскочила, перепугала всех насмерть. Вон у замдиректора культпросвета (ой, то есть колледжа культуры, простите) икотка от страха началась, не унять. Сидит подпрыгивает.

Но кто-то там в жюри один, молодой такой, еще без опыта, хвать за руку этого, ну нефтепромышленника, и примиряюще как-то ему головой, мол, а не посмотреть ли нам, что дальше будет...

Линка уже прямо задыхается и читает дальше:

Впрочем, что я? Он пишет:
«Прощай, дорогая,
слез жемчужных не трать —
лучше бусы из них нанижи.
Но верни мое сердце,
чтоб радостно шел на врага я,
и, как ладанку в бой,
мне сердечко свое одолжи.

Ну чего – в жюри же тоже люди сидят. Слушают, удивляются сами себе. Вроде и прекратить надо это все, а послушать дальше хочется. Женщины как-то приуныли совсем. Загрустили.

Так он весело, лихо, красиво
бумагу марает!
Этот странный старинный костюм
я примерить должна.
Мне к лицу и трико, и колет,
а жабо натирает,
мне идет этот слог, и размер,
только рифма тесна...

Ну же! Лихо, легко и отвесно
как в воду вонзиться,
и свободней, свободнее,
с радостью в каждом персте.
И уже не лицо мое —
облик иной отразится
в этом дьявольском зеркале,
белом бумажном листе.

Мертвый лорд подбирает на лютне
мотивчик веселый.
Триста лет его нет, а гляди,
все такой же – шальной…
И однажды одетая мальчиком
вскрикнет Виола…

Что-то такое произошло, как-то расширилось развернулось пространство, затих зал. Жюри так вообще ополоумело: что-то неподвластное их контролю происходит, а они не в курсе вообще. Тишина мертвая. И только слышно прерывистое дыхание девочки в микрофон… Даже оператор очнулся и свет лишний слепящий медленно, незаметно убрал на сцене, сделал помягче. И мы все увидели то, что видела в тот момент Виола: таинственная прозрачная тень, силуэт мальчика в берете с пером и со шпагой в руке. А может, нам и показалось, но Линка-Виола вдруг охнула и робко с надеждой спросила, тихо-тихо:

«Это ты, Себастьян? Ты воскрес и вернулся за мной?!»

И все. Застыла и смотрела, смотрела, смотрела… Как последний раз. Как будто хотела получше запомнить. Ну чтоб навсегда. И глаза у нее были… Такие… Словом, поняли все, что силуэт мальчика – влюбленного лорда – подал знак, и все – растворился. Ну и были в зале некоторые женщины и даже один мужчина достойный (Линочкин дедушка, если по секрету), которые неожиданно для себя вдруг заплакали.

А эта простодушная Аделаида Игоревна – ну она ж пьющая! Открытая душа, говорила же вам! – вдруг прямо во включенный микрофон, у них там в жюри на столе, как зашипит:

– Ёоооо… Ну ни фига се девочка… И шо? И шо теперь делать будем?! Как теперь, ы?!

И так она это сказала, Аделаида Игоревна, большая, в

костюме скрипучем бордовом синтетическом с искрой, сказала с такой глухой тоской, как будто все потеряно уже. И остальные в жюри репами завертели растерянно, заозирались, от неожиданности подумали, наверное, что им вообще предложили сейчас стиль жизни поменять: идти, например, честь дамы отстаивать или подвиги совершать, ну хотя бы трудовые. Или, на худой конец, краны в доме починить, ремонт сделать, ну хоть косметический, да? нет? и вообще – работу найти посерьезнее, мужскую работу! Затосковали, сидят, как куры на скамейке. Потом – ничего. Пришли в себя быстро. Им как раз кофе подали. А тут уже и дальше чтецы пошли. Без фокусов: байки («жидок-шинкар одного разу...»), потом Павло Глазовый, опять же Тараса нашего Григорьевича не обидели, вспомнили.

Линка заняла тогда второе место. Аделаида Игоревна объяснила, что было бы и первое, и даже Гран-при было бы, но стихи-то не на государственном языке. Кто ж это такие выбирал-то? Куда ж педагоги смотрели?! Надо ж было, чтоб про садок вышневый, например, тогда бы да. А так – нет. Так что...

А Линка счастлива была. Досадовала только из-за того, что Марина не написала эти стихи на английском. На английском, говорила Лина, это было бы еще верней...